

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

FINNO-UGRIC WORLD

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

2025

Tom **17** No. **3**
Vol. **17** No. **3**

Финно-угорский мир

Научный журнал

Том 17, № 3. 2025

<https://doi.org/10.15507/2076-2577>

Журнал основан в 2008 г.
Периодичность издания – 4 раза в год

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Реестровая запись ПИ № ФС 77 - 70644
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва».
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 481424

Сайт: <https://csfu.mrsu.ru>

Электронная редакция:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 30.09.2025.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 1 000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 422

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Советская, 24

The journal was founded in 2008.
Periodicity: Quarterly

Registered by The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor)
Registry Entry PI No. ФС 77 - 70644
August 3, 2017

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Subscribe index – 42059

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevikskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation

Editorial board:

68 Bolshevikskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation
Phone: +7 8342 481424

Website: <https://csfu.mrsu.ru>

Electronic edition:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Editor-in-Chief N. P. Makarkin

Released on September 30, 2025.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 10.5.
Circulation 1,000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 422

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation

Финно-угорский мир

«Финно-угорский мир» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий оригинальные научные статьи, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов.

Миссия журнала – распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризация их языков, народной культуры и искусств, истории.

Журнал включен в «Белый список» научных журналов и входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Редакция научного издания «Финно-угорский мир» осуществляет рецензирование («двойное слепо») всех поступающих в редакцию материалов. Рукопись статьи направляется на рецензирование для оценки ее научного содержания нескольким ведущим специалистам соответствующего профиля, имеющим научную специализацию, наиболее близкую к тематике статьи.

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Редакция журнала реализует принцип нулевой толерантности к плагиату и осуществляет мониторинг некорректного цитирования.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Издание предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций, исходя из следующего принципа: открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Ulrich's Global Serials Directory

Журнал является членом Committee on Publication Ethics (COPE), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef

Материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Finno-Ugric World

Journal “Finno-Ugric World” is a peer-reviewed open access scholarly journal publishing original scientific articles devoted to the results of research on linguistic, historical, ethnographic and cultural problems of Finno-Ugric peoples.

The mission of the journal is to disseminate scientific knowledge about Finno-Ugric peoples in the Russian Federation and abroad, popularize their languages, folk culture and arts, history.

The Editorial Board reviews (double-blind review) all incoming papers. The manuscript of the article is sent for review to several leading specialists of the corresponding profile, who have scientific specialization closest to the subject of the article, to evaluate the scientific content.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The Editorial Board follows the principle of zero tolerance to plagiarism. Plagiarism checking is carried out by using Anti-Plagiarism and iThenticate software.

The journal adheres to editorial ethics standards following international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal offers direct open access to full-text issues based on the following principle: open access to research results contributes to the increase of global knowledge sharing.

The journal is indexed and archived in:
Russian Science Citation Index (RSCI)
Russian Index of Science Citation
ERIH PLUS
Ulrich's Global Serials Directory

The journal is a member of the Committee on Publication Ethics (COPE),
Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) and CrossRef

The journal's materials are available under the Creative Commons
“Attribution” 4.0 Global License

Редакционная коллегия

Макаркин Николай Петрович – главный редактор, председатель совета, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и организации производства МГУ им. Н. П. Огарёва, руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Российская Федерация), makarkin@mrsu.ru

Мосина Наталья Михайловна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), natamish@rambler.ru

Никонова Юлия Николаевна – ответственный секретарь редакции научных журналов Высшей школы развития научно-образовательного потенциала МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), olga.bahlova@mail.ru

Бояркин Николай Иванович – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), bojarkin_ni@mail.ru

Братчикова Надежда Станиславовна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация), n.bratchikova@mail.ru

Вичинене Дайва – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Илюха Ольга Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Российская Федерация), iljuha@krc.karelia.ru

Кауппала Пекка – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Кондратьева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Российская Федерация), nataljakondratjeva@yandex.ru

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), g.kornihina@mail.ru

Луутонен Йорма – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi

Мартынова Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Российская Федерация), martynova@iea.ras.ru

Матичак Шандор – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Мишанин Юрий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межнациональным отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского) и эрзянского народа (г. Саранск, Российская Федерация), mordvarf@mail.ru

Муллонен Ирма Ивановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Российская Федерация), mullonen@krc.karelia.ru

Нуриева Ирина Муртазовна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Российская Федерация), nurieva-59@mail.ru

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), doctor_popov@mail.ru

Пустаи Янош – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), anatolij.rakin@mail.ru

Сейленталь Тынну – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee

Тулуз Ева – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com

Шаланки Жужанна – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Шилов Николай Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента Московского социально-педагогического института (г. Москва, Российская Федерация), n_shilov@uni21.org

Шипёц Каталин – доктор философии, доцент кафедры финно-угроведения Сегедского университета (г. Сегед, Венгрия), sipoczka@gmail.com

Шкалина Галина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация), gshkalina@mail.ru

Editorial Board

Nikolay P. Makarkin – Editor-in-Chief, Chairman of the Board, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Organization of Production, National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russian Federation), makarkin@mrsu.ru

Natalya M. Mosina – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), natamish@rambler.ru

Yuliya N. Nikonova – Executive Secretary of the Editorial Board of Scientific Journals of the Higher School of Development of Scientific and Educational Potential, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru

Olga V. Bakhlova – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), olga.bahlova@mail.ru

Nikolay I. Boyarkin – Dr.Sci. (Arts), Professor, Leading Researcher, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), bojarkin_ni@mail.ru

Nadezhda S. Bratchikova – Dr.Sci. (Philol.), Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), n.bratchikova@mail.ru

Olga P. Ilyukha – Dr.Sci. (Hist.), Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), iljuha@krc.karelia.ru

Pekka Kauppala – Ph.D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Natalia V. Kondratyeva – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation), nataljakondratjeva@yandex.ru

Galina A. Kornishina – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), g.kornihina@mail.ru

Jorma Luutonen – Ph.D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi

Marina Yu. Martynova – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russian Federation), martynova@iea.ras.ru

Sándor Maticsák – Ph.D. (Philol.), Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Yuri A. Mishanin – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russian Federation), mordvarf@mail.ru

Irma I. Mullonen – Dr.Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), mullonen@krc.karelia.ru

Irina M. Nurieva – Dr.Sci. (Arts), Leading Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation), nurieva-59@mail.ru

Alexander A. Popov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), doctor_popov@mail.ru

János Pusztay – Ph.D. (Philol.), Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com

Anatoly N. Rakin – Dr.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), anatolij.rakin@mail.ru

Zsuzsanna Salánki – Ph.D. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Tõnu Seilenthal – Ph.D. (Philol.), Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee

Katalin Shipets – Ph.D., Dr. Habil, Assistant Professor of the Department of Finno-Ugric Studies, University of Szeged (Szeged, Hungary), sipoczka@gmail.com

Nikolai V. Shilov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russian Federation), n_shilov@uni21.org

Galina E. Shkalina – Dr.Sci. (Cult.), Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), gshkalina@mail.ru

Eve Toulouse – Ph.D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com

Daiva Vyčiniénė – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com

Igor L. Zhrebtsov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), zhebtsov@mail.illhkomisc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика

Братчикова Н. С. Сценический перевод как способ сохранения культурного наследия дореволюционного Петербурга (на примере пьесы Мартти Вуори)	268
Мосина Н. М., Комиссарова Н. Г. Структурно-семантический анализ английских и финских идиом с компонентом-колоронимом: сопоставительный аспект	280
Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В. Вербализация имени существительного в эрзянских говорах Присурья	293

История, этнография, археология

Выхрыстюк М. С. Памятник XVIII в. «Описаніе Сибирскаго царства...» Г. Ф. Миллера: историко-культурологический обзор жизни остяков	307
Корнишина Г. А. Локальные группы в составе мордовского населения Пензенской области	316
Казакова К. С. Профессиональные траектории и социальная адаптация учителей в Русской Лапландии в конце XIX – начале XX в.	325

Культура финно-угорских народов

Токпулатов В. Г. Социальные и экзистенциальные детерминанты традиционного марийского менталитета	338
Бойко Ю. И. Традиционный праздничный женский наряд ижемских коми: современные трансформации	349
Рывкина Г. В. Символические функции традиционной дорожной одежды карелов	361
Информация для авторов и читателей	373

CONTENT

Linguistics

Bratchikova N. S. Stage Translation as a Means of Preserving the Cultural Heritage of Pre-Revolutionary St. Petersburg (on the Example of Martti Wuori's Play)	268
Mosina N. M., Komissarova N. G. Structural and Semantic Analysis of English and Finnish Idioms with a Coloronym Component: Comparative Aspect	280
Ryabov I. N., Agafonova N. A., Ryabova G. V. Noun Verbalization in the Erzya Dialects of the Prisurye Region	293

History, Ethnography, Archeology

Vykhrystyuk M. S. The 18 th -Century Monument "Description of the Siberian Kingdom..." by G. F. Miller: A Historical and Cultural Overview of the Life of the Ostyaks	307
Kornishina G. A. Local Groups within the Mordvian Population of the Penza Region	316
Kazakova K. S. Professional Trajectories and Social Adaptation of Teachers in Russian Lapland in the Late 19 th – Early 20 th Century	325

Culture of Finno-Ugric Peoples

Tokpulatov V. G. The Social and Existential Determinants of the Traditional Mari Mentality	338
Boyko J. I. Traditional Festive Attire of Izhma Komi Women: Contemporary Transformations	349
Ryvkina G. V. Symbolic Functions of Traditional Karelian Travel Outfit	361
Information for authors and readers	373

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.268-279><https://elibrary.ru/pspdxxk>

УДК / UDC 81'25:008

Оригинальная статья / Original article

Сценический перевод как способ сохранения культурного наследия дореволюционного Петербурга (на примере пьесы Мартти Вуори)

Н. С. Братчикова

*МГУ имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
n.bratchikova@mail.ru*

Аннотация

Введение. Многонациональная среда дореволюционного Петербурга характеризовалась деятельностью диаспоральных театральных коллективов. Их постановки на родных языках, адаптирующие как национальный, так и мировой репертуар, играли ключевую роль в сохранении культурной идентичности, развитии просветительских связей и формировании городской социальной среды. Финноязычные коллективы, создавая пьесы разного уровня, заложили основы финской драматической школы. Сценический перевод таких пьес представляет собой вариантную реализацию авторского замысла, сохраняя культурно значимые элементы русской и финской действительности той эпохи. Впервые на материале финского языка осуществлен комплексный анализ сценического перевода пьесы, с особым вниманием к передаче лингвистической интерференции. Исследование продиктовано необходимостью разработки стратегий перевода литературных произведений XIX в. для современной аудитории, требующих глубокого понимания историко-лингвистического контекста и ушедших культурных реалий для их адекватной передачи. Цель исследования – определить и охарактеризовать стратегии передачи на русский язык культурно-специфических элементов петербургского общества XIX в.

Материалы и методы. Материалом исследования послужила пьеса М. Вуори «Сватовство, или как мать с отцом дочь замуж выдавали» (Naimiskauppa, 1895 г.) и ее русский перевод. Применен лингвистический и сравнительно-сопоставительный анализ перевода и оригинала, а также предпереводческий, культурологический, контекстуальный, семантический и стилистический виды анализа, направленные на выявление различий и оценку переводческих потерь.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ жанровых и стилевых особенностей пьесы определил ее архитектонику-речевые формы и стратегию перевода. Автором предложены следующие переводческие решения: передача билингвизма героини через устаревшую и просторечную лексику, фразеологизмы, искаженные формы русского языка; сохранение иностранных слов в репликах персонажей как отражение явления иностраномании; перевод собственных имен с учетом национальной культуры зрительской аудитории. Сформулированы обобщения для теории и практики сценического перевода: обязательный учет сценического действия (естественность звучания, возможные сокращения или перестройки текста), необходимость культурной адаптации при сохранении стиля автора и обеспечении доступности для новой аудитории.

Заключение. Сделанные автором выводы, а именно выявленное обязательное подчинение лингвистической системы нелингвистической в рамках их совместного функционирования, учет опыта зрительского зала с национальным опытом, воплощенным в тексте оригинала, вносят вклад в развитие теории

© Братчикова Н. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

сценического перевода. Перспективным направлением является изучение художественно-выразительных средств для передачи быта и нравов социально-культурной среды Петербурга конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: сценический перевод, лингвистическая интерференция, финский театр, дореволюционный Петербург, языковая игра, М. Вуори, билингвизм

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Братчикова Н.С. Сценический перевод как способ сохранения культурного наследия дореволюционного Петербурга (на примере пьесы Мартти Вуори). *Финно-угорский мир*. 2025;17(2):268–279. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.268-279>

Stage Translation as a Means of Preserving the Cultural Heritage of Pre-Revolutionary St. Petersburg (on the Example of Martti Wuori's Play)

N. S. Bratchikova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
n.bratchikova@mail.ru*

Abstract

Introduction. The multinational environment of pre-revolutionary St. Petersburg was characterized by the activity of diasporic theatrical ensembles. Their performances in native languages, adapting both national and global repertoires, played a key role in preserving cultural identity, developing educational connections, and shaping the urban social milieu. The Finno-Ugric language ensembles, by creating plays of various levels, laid the foundations of the Finnish dramatic school. The stage translation of such plays represents a variant implementation of the author's intent, preserving culturally significant elements of Russian and Finnish realities of that era. For the first time, a comprehensive analysis of the stage translation of a play based on Finnish-language material has been carried out, with special attention to the transmission of linguistic interference. The study is motivated by the necessity of developing translation strategies for 19th century literary works intended for a modern audience, which require a profound understanding of the historical-linguistic context and bygone cultural realities for their adequate rendering. The aim of the research is to identify and characterize the strategies for conveying culturally specific elements of 19th century Petersburg society into Russian.

Materials and Methods. The material of the study consisted of M. Wuori's play "The Matchmaking, or How Mother and Father Gave Their Daughter in Marriage" (Naimiskauppa, 1895) and its Russian translation. A linguistic and comparative-contrastive analysis of the translation with the original was applied, including pre-translation, cultural, contextual, semantic, and stylistic analyses aimed at identifying differences and assessing translation losses.

Results and Discussion. The analysis of the genre and stylistic features of the play determined its architectonic-verbal forms and translation strategy. The author proposes the following translation solutions: rendering the heroine's bilingualism through archaic and colloquial vocabulary, phraseological units, and distorted forms of the Russian language; retaining foreign words in the characters' lines as a reflection of the phenomenon of foreignomania; translating proper names with consideration of the national culture of the target audience. Generalizations for the theory and practice of stage translation are formulated: mandatory consideration of stage action (naturalness of delivery, possible text reductions or rearrangements), the necessity of cultural adaptation while preserving the author's style and ensuring accessibility for a new audience.

Conclusion. The conclusions drawn by the author, namely the identified obligatory subordination of the linguistic system to the non-linguistic system within the framework of their joint functioning, the consideration of the audience's experience alongside the national experience embodied in the original text, contribute to the development of the theory of theatrical translation. A promising direction is the study of artistic and expressive means for conveying the everyday life and morals of the socio-cultural environment of St. Petersburg at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: stage translation, linguistic interference, finnish theatre, pre-revolutionary Petersburg, the language game, M. Wuori, bilingualism

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Bratchikova N.S. Stage Translation as a Means of Preserving the Cultural Heritage of Pre-Revolutionary St. Petersburg (on the Example of Martti Wuori's Play). *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):268–279. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.268-279>

Введение

Финляндия, как часть Российской империи до 1917 г., имела тесные культурные и исторические связи с Петербургом. Многие финские писатели находили вдохновение в литературной жизни российской столицы, и их произведения стали частью ее культурного контекста. Финноязычная поэзия и драматургия помогала жителям дореволюционного Петербурга открыть и понять особенности менталитета, национальной культуры и исторического опыта народа, входящего в тот исторический момент в состав царской России. Театрально-музыкальные постановки обогащали культурный ландшафт города, создавая пространство для диалога и взаимопонимания между соседними народами. Для финноговорящей аудитории Санкт-Петербургской и Выборгской губерний предоставлялась возможность расширить свое культурно-образовательное пространство, дать возможность национальному языку развиваться в самых разных сферах.

По содержанию и тематике пьесы, написанные на финском языке для постановки на театральных подмостках в дореволюционном Петербурге, можно разделить на несколько групп: пьесы, изображающие ремесленную (цеховую) среду; пьесы из торгово-купеческого быта (мещанская, городская среда); пьесы из актерского быта. Описывая жизнь представителей обывательского сословия, финские литераторы вскрывали общественные конфликты, волновавшие общество конца XIX – начала XX в. Например, тема незаконного обогащения звучит в комедии Ю. Хейлалы «Собрание булочников» (фин. *Pullanpyörittäjien kokous*, 1905 г.), тема отказа от семейных традиций – в пьесе Самули С. «Дядюшка» (*Setä*, 1898 г.), тема расчетливости и алчности, нарушения морально-нравственных устоев, характерных для нарождающегося нового типа общества, – в комедии М. Вуори «Сватовство, или как мать с отцом дочь замуж выдавали» (*Naimiskauppa*, 1895 г.). Финские пьесы, на первый взгляд, свободны от прямого обличения пороков общества, однако в них присутствует сатира, безобидные шутки имеют социальную подоплеку.

Объектом исследования является пьеса М. Вуори «Сватовство, или как мать с отцом дочь замуж выдавали», написанная в конце XIX в. для театральных студий Санкт-Петербурга, Выборга, а также городов Великого княжества Финляндского. Произведение хранится в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке. Предметом исследования стали способы передачи на русский язык значимых культурных компонентов в произведении М. Вуори. Работа была вызвана необходимостью решения конкретной задачи – театральной постановки пьесы в Финском театре (*Pietarin suomenkielinen teatteri*) в Санкт-Петербурге. Перевод выполнен автором статьи. Рабочие материалы, связанные со сценическим переводом, включены в лекционно-семинарский курс «Критическое чтение и анализ текста», проводимый кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Цель исследования – выявить и описать способы передачи на русский язык культурно-специфических элементов жизни петербургского общества XIX в.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) выявить, какие идентификаторы культуры проявляются в анализируемой пьесе (отношение к родному языку, семье, национальным традициям; осознание этнической идентичности);

- 2) установить, какие лингвистические приемы позволяют передать культурно-значимые компоненты в тексте оригинала, раскрыть способы их перевода на русский язык;
- 3) предложить прием передачи на русский язык билингвизма персонажей пьесы, который был характерен для языкового ландшафта Петербурга конца XIX – начала XX в.

Обзор литературы

Тема создания Финского театра как социокультурного института в дореволюционной России представлена в большом количестве источников, в первую очередь в архивной документации, хранящейся в фондах Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки. В книгохранилище насчитывается более 400 произведений финских и ингерманландских авторов. Одна часть текстов представляет собой бытовые сцены, другая – социальные зарисовки; художественная зрелость работ колеблется от самодеятельных до профессиональных. Выбор пьесы М. Вуори сделан куратором театрального проекта О. В. Миловидовой и режиссером-постановщиком, драматургом С. С. Прониным (творческий псевдоним Сеппо Кантерво), цель которых – познакомить современного зрителя с дореволюционной культурой Санкт-Петербурга¹.

Как свидетельствуют исторические документы – афиши, газетные вырезки, литературно-критические заметки современников и сотрудников Цензурного комитета, работа Финского театра в Санкт-Петербурге XIX в. привлекала внимание зрительской аудитории своей неизвестностью и «демократичностью»². Активные социально-культурные, деловые связи русских и финских жителей способствовали избавлению представления о «финнах как неизвестном элементе империи» [1]. Театр помогал укрепить статус финского языка, что царское правительство находило полезным для проживавшего там населения.

На предпереводческом этапе нами был изучен культурный контекст написания пьесы, выявлены реалии, исторические и социальные отсылки. Справочные материалы, путеводители, краеведческие, этнографические и исторические исследования, посвященные истории Выборгской и Петербургской губерний³ [2–4], культурологические описания и статьи⁴ позволили лучше узнать детали дореволюционного быта и нравы петербуржцев: национальный состав, занятость, финансовая составляющая семейных взаимоотношений, синтез культур в межнациональном браке.

Научные работы, посвященные анализу языковых особенностей драматических произведений русских и финских писателей XIX в., таких как А. Н. Островский⁵, А. Киви⁶, М. Кант⁷, Самули С. [5], имевших непосредственное отношение к созданию национального общенародного театра, отразили ключевые черты сценических пьес: преобладание диалогов и реплик, наличие ремарок, речевые характеристики персонажей (просторечие, жаргонизмы, рубленные фразы, акценты), отсутствие авторского комментария. Игра слов, использование диалектных форм, интерференция (например, смешение финского и русского языков в оригинальном тексте) помогли писателям

¹ Финский театр Петербурга: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3PG72v> (дата обращения: 08.05.2025).

² Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9: Очерки, воспоминания, статьи. М.: Правда; 1964. С. 150.

³ Смирнов А. Сто лет истории финского театра в Петрограде – Ленинграде – Петербурге. URL: <https://tvspb.ru/programs/stories/3044612?ysclid=m86vqefl30648425309> (дата обращения: 13.03.2025).

⁴ Добрякова Е. Опыт и опыты Финского театра в Петербурге. URL: <https://ptj.spb.ru/blog/opyt-i-opyty-finskogo-teatra-v-peterburge/> (дата обращения: 13.03.2025); Миловидова О.В. Финская драматургия к юбилею Александра Сергеевича Пушкина. URL: <https://tvspb.ru/programs/stories/3312999> (дата обращения: 13.03.2025); Карсаков С. В Выборге дал спектакль Финский театр Петербурга. URL: <https://gazetavyborg.ru/news/kultura/v-vyborge-dal-spektakl-finskiy-teatr-peterburga/> (дата обращения: 13.03.2025).

⁵ Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ; 1997. 112 с.

⁶ Sihvo H. Elävä Kivi. Aleksis Kivi aikanansa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; 2002. 375 s.

⁷ Majjala M. Passion vallassa: hermostunut aika Minna Canthin teoksissa. Väitöskirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; 2008. 394 s.

передать происхождение, социальный статус, уровень образования персонажей, усилить их индивидуальность и достоверность бытовых сцен.

Театральные пьесы представляют большую проблему для переводчиков. Изучение научных работ, относящихся к переводу театральных пьес на иностранные языки, выявило потенциальные сложности перевода. Театр – это иной вид искусства, демонстрирующий уже готовую систему образов в отличие от художественного текста, который заставляет воображать образы в сознании читателя. Помимо публикаций, непосредственно связанных с проблемами сценического перевода, для нас интерес представляли статьи общего содержания, например о типах передачи чужой речи. Для данного исследования важными являются выводы о свободной прямой речи, которая носит «обрывочный характер». Она формируется краткими и неполными предложениями. Сбивчивость выступает стилистическим маркером прямой речи [6].

Полезными являются выводы исследователей о доминантах сценического перевода – «аудиальных и исполнительских сторонах» [7]. Текст театрального перевода предназначен для устной презентации, поэтому в нем слова – это лишь «театральная маска» [16], зато действуют разнообразные стилистические приемы, позволяющие воздействовать на зрителя и побуждать его к реакциям⁸. Интересны рассуждения об учете переводчиком особенностей зрительского слухового восприятия реплик актеров. В переводе следует избегать труднопроизносимых фраз и выражений⁹ [8]. Важными для данного исследования являются наблюдения И. Левого относительно термина «удобопонятность», который включает в себя также восприятие и понимание зрителем инокультурных реалий, историзмов, фразеологизмов.

Проблема выбора стратегии перевода – форенизации или доместикации, «исторической стилизации» и «модернизации» заключается в поиске баланса между сохранением культурной специфики оригинала и адаптацией текста для целевой аудитории [9; 10]. Она определяется такими факторами, как жанр текста, временная дистанция и установки переводчика.

Инокультурному переводчику для адекватного восприятия художественного произведения необходимо скорректировать свою языковую картину мира, чтобы она точно отражала культуру исходного языка, которую передает автор произведения¹⁰.

Для нашего исследования интересными являются результаты ряда проектов, посвященных составлению социокультурного портрета финнов [11], особенностям материальной культуры финских переселенцев [12; 13], финскому национальному характеру¹¹; важными оказались выводы о значимых для коми-пермяцкой культуры референтных ситуациях [14].

Материалы и методы

Основным материалом исследования выступил текст пьесы М. Вуори «Сватовство...» (*Naimiskauppa*, 1895 г.) с его русскоязычной версией. Анализ произведения включал лингвистическое изучение текста, выявившее его языковые особенности; сравнительно-сопоставительное, подразумевающее сопоставление с оригиналом;

⁸ Snell-Hornby M. Theatre and Opera Translation. In: Kuhiwczak P., Littau K. (eds) A Companion to Translation Studies. Clevedon: Multilingual Matters; 2007. p. 106–119.

⁹ Aaltonen S. Time-Sharing on Stage: Drama Translation in Theatre and Society. Clevedon: Multilingual Matters; 2000. p. 43.

¹⁰ Колягина Е.С. Перевод реалий в текстах художественного жанра. В: Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Вып. 14. Иваново: Ивановский государственный университет; 2018. С. 115–120; Вернигорова В.А. Перевод реалий как объекта межкультурной коммуникации. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/15/1231898450/.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

¹¹ Судаков Б. Финский национальный характер, или финская самобытность. URL: <https://e-finland.ru/info/culture/osobennosti-finskogo-natsionalnogo-haraktera-obychai-i-traditsii-finlyandi.html> (дата обращения: 14.03.2025).

предпереводческое (исследование потенциальных сложностей перевода и выявление стратегий переводчика); культурологическое, контекстуальное, семантическое и стилистическое изучение, нацеленное на обнаружение расхождений и оценку степени адекватности перевода.

Результаты исследования и их обсуждение

Мартин (Мартти) Алексиус Берг-Вуори – финский государственный служащий, губернатор, писатель и переводчик, известен под литературным псевдонимом Мартти Вуори (Martti Wuori) [15]. Вуори сыграл значительную роль в истории российско-финляндских связей. Он считал, что союз с русской культурой не только не мешает Финляндии развиваться, а наоборот, помогает финской культуре оставаться самобытной. Вхождение Финляндии в состав Российской империи способствовало активизации культурного обмена. Пьесы А. П. Чехова и Н. В. Гоголя ставились на финской сцене, что способствовало развитию театрального искусства в Финляндии. Например, интересна прямая аллюзия пьесы М. Вуори «Сватовство, или как мать с отцом дочь замуж выдавали» (*Naimiskauppa*, 1895 г.) на комедии «Женитьба» Н. В. Гоголя (1835–1842 гг.), «Женитьба Фигаро» Бомарше (1779 г.). Все они посвящены браку и козням брачных аферистов. В отличие от комедий Гоголя и Бомарше, где персонажи, несмотря на различие сословий, принадлежат к одной национальной культуре, в пьесе Вуори герои – представители разных этносов (финны, ингерманландцы, русские). Это создает новые драматические коллизии, обнажая проблемы межкультурного взаимодействия: конфликты на психологическом, поведенческом и языковом уровнях, что не только усиливает комедийный эффект из-за непонимания между героями, но и придает пьесе социальную остроту.

Влияние структурных особенностей финского языка на стратегии сценического перевода. Агглютинативность финского языка может создавать определенные сложности при сценическом переводе пьес. К ним относится размер слов, которые оказываются значительно длиннее, чем их эквиваленты в языке перевода, например: композит *ristiriitaisuus* ‘противоречивость’ состоит из двух слов: *risti* ‘крест’ и *riitaisuus* ‘вражда, непримиримость’; *laukkuryssä* ‘купец’ образовано путем сложения двух слов – *laukku* ‘котомка, сумка’ и *ryssä* пренебр., прост. ‘русский’; *hyväntekeväisyysseura* ‘благотворительное общество’ составлено из трех слов – *hyvä* ‘добро’, *tekeväisyys* ‘исполняемость, выполняемость’, *seura* ‘общество’. Подобные слова-композиции могут нарушить ритм и темп речи, которые особенно важны в театре, где паузы, интонация и скорость произнесения играют ключевую роль, поэтому в тексте перевода они заменены эквивалентными по смыслу выражениями, например вместо слова *ristiriitaisuus* ‘противоречивость’ использовано наречие «трудно»: *Arvaathan itse, mitä ristiriitaisuuksia voi syntyä aviopuolisoiden välillä* (букв. Как будто сама не знаешь, какие противоречия могут возникнуть между супругами?) «Как будто сама не знаешь, как **трудно** в браке?» (Здесь и далее в статье все примеры взяты из пьесы М. Вуори «Сватовство, или как мать с отцом дочь замуж выдавали» (*Naimiskauppa*, 1895 г.). – *Аем.*)¹². Слово *laukkuryssä* ‘коробейник’ заменено существительным «купец»: *Siellä meidän puolella niitä laukkuryssiä kulkii* «Тут у нас в Финляндии **купцы** (букв. коробейники) всякие шастают». Финское абстрактное существительное *velvollisuus* ‘обязанность’ переводится коротким словом «долг»: *Se on minun velvollisuutenikin* «Это же мой **долг** (букв. обязанность)».

Композит *naimiskauppa* можно перевести как «брак по расчету» или «брак по сделке». С учетом сценического перевода данное явление названо одним словом – «сватовство», которое обозначает старинный обряд знакомства семей жениха и невесты с целью предложения брака и обсуждения его условий. Словосочетание *karsas*

¹² Wuori M. *Naimiskauppa: Yksinäytöksinen huvinäytelmä. Pietarin Suomalaisen hyvääntekeväisyysseuran kustantama. Wiipurissa, Georrg Frankenhaeuser; 1895. 36 s.*

silmä ‘косой глаз’ предлагается заменить наречием «косо»: *katselit karsaalla silmällä* «ты на него **косо** (букв. косым глазом) смотришь».

Аллитерация и ассонанс являются яркими средствами художественной выразительности, активно используемыми для создания ритма, музыкальности и эмоционального воздействия. Переводчик должен стремиться к тому, чтобы текст звучал так же выразительно, как и оригинал. Для этого он использует различные приемы фонетической организации текста перевода.

Аллитерация позволяет создать ритм текста: повтор согласных его упорядочивает, делая запоминающимся на слух. В оригинальном тексте пьесы чаще всего встречается повтор одинаковых или похожих по звучанию согласных звуков в первых слогах, например: *Annas kun sinua oikein kääntelen ja katselen!* В переводе же повтор представлен с помощью ассонанса, через звук [о]: «Дай-ка я тебя тебя **обойду** и **осмотрю**». Данный стилистический прием основан на повторе гласных звуков, что позволяет сохранить мелодичность, передать эмоциональность и смысловые акценты в тексте. Другие примеры: *muu muukalainen* ‘иной иностранец’; *Antakaa anteeksi!* «**Прошу прощения!**» Ассонанс придает ритмичность и музыкальность фразе: *Hui, kun säikäyt-ti! Oikein sydäntäni hytkäytti* «Фу, как напугалась! Сердце сильно забилося».

Аллитерация и ассонанс относятся к звукописи, которая делает финскую речь плавной, лиричной и запоминающейся на слух. В переводе же на русский язык не всегда удается сохранить это явление: *Mitäs sulla on mulle haastamista?* «Что у тебя ко мне?»; *tyttäremme tulevaisuus* «будущее нашей дочери».

Особенности передачи фразеологизмов в сценическом переводе. Писатель обращается к фонду фразеологических единиц финского языка, активно используя сравнительные обороты, основанные на реалиях финской культуры: *No niin kaunis, kuin mansikka mäellä* (букв. красивая, будто земляника на пригорке) ‘словно ягодка спелая’. Описывая коварство брачного афериста, Вуори сравнивает его с росомашой, для которой характерна жадность: *Se ahma tahtoisikin siepata* «Эта **росомаха** возжелала урвать». Сохранение в тексте перевода слова «росомаха», а не замена его классическим сравнением с лисой, позволяет сохранить локальный колорит, передать юмор и комичность ситуации. Поведение рассерженного человека описывается через образ медведя, который является национальным животным Финляндии: *Kävelet kuin karhu häkissään* «Мечешься, как **медведь** в клетке».

В репликах персонажей звучат пословицы и поговорки, демонстрирующие потенциал выразительных средств финского языка: *Kerran sait vettä myllyysi.* (букв. Нынче вода на твою мельницу льется) «Нынче твоя взяла»; *En sanasta velkaa jää* (букв. Я в долгу по слову не останусь) «Я за словом в карман не полезу».

В финско-русском словаре составителей И. Вахроса и А. Щербакова пословица *Eikä oppi ojaan kaada* (букв. Учение в канаву не попадет) переведена как «Учение – свет, неученье – тьма»¹³. Автор пьес использовал народную мудрость как инструмент своего замысла. Однако предложенный вариант перевода не вписывается в сюжет пьесы, поэтому предложен другой вариант, более близкий, как нам кажется, по смыслу и раскрывающий характер и конфликт пьесы: «Уроки даром не прошли».

Другое фразеологическое выражение – *pötkii kypälämäkeen* (букв. скатиться лапками кверху) ‘дать тягу, лететь кубарем’ – в предложении *Okohan se sulhanen toden perää pötkii kypälämäkeen* с учетом контекстуального окружения, социального статуса персонажа предложено перевести следующим образом: «Да неужто жених с горы своротил!?» Финская и русскоязычная идиомы отражают общечеловеческий опыт, но точный аналог подобрать трудно, важно сохранить игривый оттенок в реплике персонажа.

¹³ Вахрос И., Щербаков А. Финско-русский словарь. М.: Русский язык; 1977. С. 424.

Схожесть прототипических ситуаций позволяет максимально близко подобрать русскоязычный эквивалент ряду фразеологических единиц: *Silläkös nyt kiire oli, kun ei kiirettä ollut* «Тише едешь – дальше будешь»; *Eläkä haasta noista vanhoista asioista* «Кто старое помянет...»; *Luulisitte minun omaan pussiini puhuvan* (букв. Вы еще подумаете, что я в свой мешок дую) «Вы еще решите, что я на свою мельницу воду лью».

Ситуация, связанная с навязчивым повторением человеком одной и той же темы и при этом неодобрительно оцениваемая другими коммуникантами, в русской языковой культуре сравнивается с действием шарманки, которая играет одну мелодию. В финской речевой культуре аналогичная ситуация передается через протяжное чтение по старым нотам *veisata vanhaa nuottia*. В обсуждаемом переводе предложен вариант «затянуть старую песню».

Повторы и каламбуры: перевод для сцены. Повтор является мощным инструментом для усиления выразительности, создания ритма и эмоционального воздействия. Он активно используется в финском фольклоре, поэзии, в том числе и в пьесе Вуори: *Sillä jo heti paikalla, kun mie Wanjan ensi kerran näin, niin mie sanoin, että siinä se on se oikea: hän eikä kukaan muu* (букв. «Потому что уже на месте, когда я впервые увидела Ваню, я сказала, что вот он – тот самый: он и никто другой»). Синтаксический параллелизм усиливает эмоциональное воздействие, подчеркивает смысловые связи между элементами, упорядочивает текст, делая его более музыкальным и запоминающимся. Учитывая сценический характер перевода, внушительность и весомость слов передана на русский язык одним словосочетанием «тот самый», которое позволяет выразить абсолютную определенность: «С первого взгляда я поняла: Ваня – тот самый». Категоричность фразы позволяет опустить вторую часть предложения «он и никто другой» без потери смысла. Использованная нами стратегия перевода – опущение – оправдана требованиями сценичности (соблюдением ритма, естественностью диалогов) и техническими ограничениями (хронометражом), но при этом удается сохранить эмоциональный посыл.

Каламбур, или языковая игра, делает текст живым, позволяет ввести элементы юмора, передать особенности национальной культуры. Например: *Mie kysyin, mitä se pipsteekki funtti maksaa? "Vatsat päät", sanoo. Mitä vatsaa ja päätä, mie sanoin; pipsteekkiähän mulle pitää. Mutta se vaan nauraa ja omaansa panee: "vatsat päät, vatsat päät"*. (букв. «Я спросила, по чем фунт пифштекса. А он мне: «Животы и головы», – говорит. «Какие животы и головы», – говорю; мне дай пифштексу. Но он только смеется и свое твердит: «животы и головы, животы и головы»»). Служанка, финка по национальности, не понимает русского языка и вместо числительного «двадцать пять» слышит «ватса пят». Фонетически это близко финским словам *vatsa* «живот», *pää* «голова». В переводе важно сохранить суть языковой игры, даже если для этого придется отойти от буквального смысла, поэтому был предложен следующий вариант: «Я спросила: по чем фунт пифштекса. А он мне: «пол и тина», «пол и тина». «Какой пол, какая тина, мне пифштексу», – говорю. А тот смеется да свое талдычит: «Пол и тина!»».

Предлагаемый вариант перевода основывается на особенностях денежной системы дореволюционного Петербурга. В XIX в. 25 копеек назывались «полуполтинником», в простонародье «полполтиной». Для создания игры слов было решено сложное русское слово разделить на две части – *пол* и *тина*. Этимологический словарь русского языка указывает на то, что слово «тинь» (рубль) в родительном падеже имеет форму «тина». Вероятно, эта словоформа финской покупательнице не знакома, однако она известна русскоязычному зрителю. Комбинация слов «пол» и «тина» звучит как несуразное сочетание, создавая при этом комичный эффект. В переводе пришлось пренебречь буквальной точностью, чтобы сохранить ритм сценической речи и передать настроение героини.

Лингвистическая интерференция в сценическом переводе. Главные персонажи произведения – это члены семьи купца-ремесленника, владеющего скобяной лавкой в Петербурге конца XIX в. Семья Молотайнена (*Vasara*) двуязычная: глава семьи Хейкки, урожденный финн, владеет только финским, его жена Анна, видимо, урожденная русская, и дочь Ольга говорят еще и по-русски.

Тем не менее за внешним толерантным отношением к каждой из двух культур таются конфликты и разногласия. Отец предупреждает дочь, что дети, рожденные в смешанном браке, примут православное вероисповедание, это приведет к потере полного взаимопонимания с матерью-лютеранкой: *Lapsesi ovat lain mukaan kastettavat isänsä uskoon. Niin muodoin tulet sie ja lapsesi olemaan eri uskoa. Joko täytyy sinun tahi lastesi uskonnon siittä kärsiä* «По закону детей твоих крестить будут по вере отца. И у тебя с ребенком будет разная вера. Пострадает либо вера твоя, либо вера твоих детей».

Может случиться так, что родной язык будет забыт, что, по мнению Хейкки Молотайнена, является самым страшным грехом для человека: *Se ikävä on, että jos nyt naimisiin joudut, niin unhotat oman kielesi kokonaan. Me Suomalaiset täällä Pietarissa omaa kieltämme halveksimme ja räökkäämme sekoittamalla siihen vieraita sanoja. Useinpa sen omassa keskuudessammekin vaihdamme ruotsiin, saksaan tai venäjään se kun muka on fiinimpää olevinaan, ja jos sitte sattuu naiminen muukalaisen kanssa, niin jääpi se unhotuksiin kokonaan, omasta maasta ja kansallisuudesta puhumattakaan. Ja kuitenkin on oma äidinkieli ja isänmaa pyhimpiä asioita, joita ihmisellä maan päällä on* «Но грустно, замужем свой родной язык забудешь. Мы, финны, здесь, в Петербурге, пренебрегаем родным языком, коверкаем его, иностранными словами увлекаемся. Даже дома шеголяем шведским, немецким, русским, а уж когда замуж выйдешь, да еще за иноземца, то совсем язык и Родину забудешь. Родина и язык – самое святое, что есть у человека на Земле».

Культурный билингвизм проявляется в лингвистической интерференции у героини пьесы Анны на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. Она произвольно смешивает в речи нормы финского и русского языков, включает в речь русские слова (междометия «*господи*», «*боже*», устойчивые словосочетания «*боже ж ты мой*», «*слава богу*», «*поделом тебе*», экспрессивные глаголы «*постой*», «*погоди*», «*давай*»), использует кальки, образует ошибочные грамматические конструкции. Например, к русскоязычному корню слова *usnáia-* (узна-) она присоединяет показатель финского третьего инфинитива в форме иллатива: *usnáiaamaan*; или к корневой части *utesháia-* (утеша-) добавляет показатель сослагательного наклонения *-isi-*: *utesháiaisit*. В переводе предложения *Niin Olgaakin sillä utesháiaisit* интерференция передана не через глагольные формы, а с помощью ошибочного управления «Ты бы этим Ольга утешить», когда после глагола «утешать» дополнение выражено формой именительного падежа вместо родительного.

В русскоязычном тексте предложено несколько вариантов передачи явления лингвистической интерференции: 1) через несочетаемую пару слов: *Saat ubiraiata samovaarin* «Возьми **убирать** самовар»; *Näet, ett'ei nykyään voi kehenkään nadjeejatsja* «Видишь, сейчас ни на кого не можно **надеяться**»; 2) с помощью замены личной формы глагола неопределенной: *Ja sie aina hvaliiaat* «Ты всегда **хвалить**»; *Milläs sen sitte objäsniiaat* «Как **объяснять** ты это»; 3) нарушением видовой соотнесенности глаголов: *Etkö sie nyt kuitenkin menisi usnáiaamaan?* «Может, ты все-таки **узнать ходить**?».

В следующем примере предложено дать дословный перевод выражения *ennen aikojasi* 'раньше времени': *Mitä tuossa ennen aikojasi besbakojaat* «Что до **времен своих** беспокоишься?».

Писатель остроумно обыгрывает существовавшую в XIX в. модную речевую особенность – иностраноманию. Неестественность и комичность слова *matama* от *madam*

подчеркивает колоритность речевых характеристик персонажей, фиксируя также фонетическую интерференцию – оглушение финских звонких согласных «d» → «t».

Автор тщательно выбирает фамилии персонажей, передавая с их помощью социально-профессиональную принадлежность героев или черту характера. При переводе пришлось проявить определенную изобретательность, чтобы откликнуться на идею писателя. Например, фамилия *Vasara* в переводе означает ‘молот, молоток’, поэтому предложен вариант *Молотайнен*; *Kalke* ‘стук топора’ переведен как *Коло-тайнен* от глагола «колотить». Фамилия *Rouhiainen* образована от глагола *rouhia* ‘дробить, раздробить’. Учитывая, что владелица этой фамилии – сплетница, был придуман аналог *Перетирайнен*.

Заключение

Сценический перевод финской пьесы на русский язык требует не только лингвистической точности, но и учета культурных, стилистических и театральных особенностей. Ключевым моментом в работе над переводом пьесы стала его постановка на сцене современного петербургского театра. В процессе перевода некоторые реплики пришлось упростить для синхронизации с действием. Имена, реалии, шутки заменялись эквивалентами, понятными русскоязычному зрителю, вместе с тем отражающими особенности финской культуры. Неизменной осталась драматургическая структура – композиция пьесы (монологи, диалоги, ремарки), ритм реплик.

Особое внимание было уделено явлению лингвистической интерференции в речи персонажей пьесы. В качестве приемов ее передачи на русский язык предложено несколько вариантов, например нарушение подчинительной связи в словосочетании, образование несочетаемой пары слов или замена личной формы глагола его неопределенной формой.

Лингвистическая интерференция используется М. Вуори как писательский прием для создания не только комического, но и драматического эффекта, она указывает на социальную идентичность (маркировку «чужака» и попытку адаптации в иноязычной среде).

Исследование вносит вклад в теорию культурно-ориентированного сценического перевода, где финско-русский контекст служит моделью для изучения диалога «своего» и «чужого» в театре. Автор приходит к выводу о необходимости строгого учета доминирования невербальных элементов над вербальными, что подчеркивает специфику театра как поликодовой системы. Механизм передачи национально-специфических реалий (быт, социальные нормы Финляндии конца XIX в.) в русскоязычной среде заключался в поиске баланса между национальным опытом, воплощенным в тексте оригинала, с опытом зрительского зала.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в изучении различных русскоязычных версий одной пьесы для выявления эволюции переводческих стратегий под влиянием изменений в российско-финских культурных отношениях. Важными являются также эмпирические исследования восприятия переводных пьес современной российской аудиторией, особенно в приграничных регионах (Карелия, Выборг, Ленинградская область), где актуальны темы исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Норенкова И. «Финляндчики» на Неве. *Родина*. 2021;(10). URL: <https://rodina-history.ru/2021/10/15/v-konce-xix-veka-rossijskaia-stolica-stala-mestom-palomnichestva-finnov.html> (дата обращения: 09.03.2025).
2. Норенкова И.Д. Русские жители на территории Выборгской губернии в начале XX в. *Вестник Московского университета. Сер. 8: История*. 2021;(1):65–78. URL: <http://vestnikhist.ru/articles/article/4612/> (дата обращения: 09.03.2025).
3. Слущкая Е.А. Купеческий театр дореволюционной российской глубинки. *Архивариус*. 2020;(7):9–13. <https://www.elibrary.ru/qcjemy>

4. Загора М.Г. Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Николай Адлерберг как представитель российской элиты в Гельсингфорсе (1866–1881). *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2018;(3):353–365. <https://doi.org/10.15393/j103.art.2018.1052>
5. Paloposki O. Suomentaja kansanvalistajana: Karl Gustaf Samuli Suomalainen ja Suuret Keksinnöt. *Kasvatus & Aika*. 2015;9(1):26–40. (In Finn.) Available at: <https://journal.fi/kasvatusjaaika/article/view/68507/29730> (accessed 17.06.2025).
6. Блинова О.А. Способы передачи чужой речи в художественном тексте (миметическая классификация). *Russian Linguistic Bulletin*. 2021;(4):153–157. <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.37>
7. Малек М. К вопросу о видах драматургического перевода. В: Пражская русистика. Прага; 2020. С. 112–119. <https://doi.org/10.14712/9788076032088.12>
8. Олицка Д.А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы. *Вестник Томского государственного университета*. 2012;(357):19–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-dramy-spetsifika-problemy-podhody> (дата обращения: 14.03.2025).
9. Цыремпилов А.О., Тараскина Я.В. Эволюция взглядов на сценический перевод в XX и XXI веках: на примере постановок пьес У. Шекспира в бурятском театре драмы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018;(6–1):186–190. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.41>
10. Жаткин Д.Н. К истории изучения эволюции русского поэтического перевода XIX в. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015;(10–3):573–576. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7546> (дата обращения: 14.03.2025).
11. Оришев А.Б. Финны: социокультурный портрет. *Вестник экспериментального образования*. 2020;(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finny-sotsiokulturnyy-portret> (дата обращения: 14.03.2025).
12. Бусырева Е.В. Национальная материальная культура в жизни финских переселенцев Кольского полуострова. *Труды Кольского научного центра РАН*. 2014;(2):77–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-materialnaya-kultura-v-zhizni-finskih-pereselentsev-kolskogo-poluostrova> (дата обращения: 14.03.2025).
13. Мартынов В.Л., Балабейкина О.А., Королёв Л.А., Сазонова И.Е. Финны-ингерманландцы и кросс-культурность пригородной зоны Санкт-Петербурга. *Финно-угорский мир*. 2024;16(4):444–458. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.444-458>
14. Ерофеева Т.И. Культурно значимые компоненты в тексте билингва. *Социо- и психолингвистические исследования*. 2014;(2):136–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-znachimye-komponenty-v-tekste-bilingva> (дата обращения: 09.03.2025).
15. Новикова Я.В. Пушкин в финской литературе. *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2019;(4):179–204. URL: <https://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=1408> (дата обращения: 23.03.2025).

Информация об авторе:

Братчикова Надежда Станиславовна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой финно-угорской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1), профессор кафедры лингвистики профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7402-8327>, SPIN-код: 8159-6981, n.bratchikova@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.03.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 23.06.2025.

REFERENCES

1. Norenkova I. ["Finlyandchiki" on the Neva River]. *Motherland*. 2021;(10). (In Russ.) Available at: <https://rodina-history.ru/2021/10/15/v-konce-xix-veka-rossijskaia-stolica-stala-mestom-palomnichestva-finnov.html> (accessed 09.03.2025).
2. Norenkova I.D. Russian Residents in the Territory of the Vyborg Province (Guberniya) at the Early 20th Century. *Moscow University Bulletin. Ser. 8: History*. 2021;(1):65–78. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://vestnikhist.ru/articles/article/4612/> (accessed 09.03.2025).
3. Slutskaya E.A. The Merchantile Theatre in Russia Provincia before Revolution. *Arhivarius*. 2020;(7):9–13. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/qcjemy>
4. Zagora M.G. Governor-General of the Grand Duchy of Finland Nikolai Adlerberg as the Representative of Russian Elite in Helsingfors (1866–81). *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018;(3):353–365. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15393/j103.art.2018.1052>
5. Paloposki O. Suomentaja kansanvalistajana: Karl Gustaf Samuli Suomalainen ja Suuret Keksinnöt. *Kasvatus & Aika*. 2015;9(1):26–40. (In Finn.) Available at: <https://journal.fi/kasvatusjaaika/article/view/68507/29730> (accessed 17.06.2025).

6. Blinova O.A. Methods of Transmitting Reported Speech in a Literary Text (Mimetic Classification). *Russian Linguistic Bulletin*. 2021;(4):153–157. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.37>
7. Malek M. To the Issue of Drama Translation. In: Prazhskaya Rusistika. Prague; 2020. p. 112–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14712/9788076032088.12>
8. Olitskaya D.A. [Drama Translation: Specifics, Problems, and Approaches]. *Tomsk State University Journal*. 2012;(357):19–24. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-dramy-spetsifika-problemy-podhody> (accessed 14.03.2025).
9. Tsyrempilon A.O., Taraskina Ya.V. Evolution of Views on Scenic Translation in the XX and XXI Centuries: By the Example of W. Shakespeare's Plays Staging in the Buryat Drama Theatre. *Philology. Theory & Practice*. 2018;(6–1):186–190. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.41>
10. Zhatkin D.N. Some Historical Notes about the Evolution of Russian Poetic Translation. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2015;(10–3):573–576. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7546> (accessed 14.03.2025).
11. Orishev A.B. Finns: Sociocultural Portrait. *Journal of Experimental Education*. 2020;(2). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/finny-sotsiokulturnyy-portret> (accessed 14.03.2025).
12. Busyreva E.V. National Material Culture in Life of Finnish Migrants of the Kola Peninsula. *Transactions Kola Science Centre*. 2014;(2):77–88. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-materialnaya-kultura-v-zhizni-finskih-pereselentsev-kolskogo-poluostrova> (accessed 14.03.2025).
13. Martynov V.L., Balabeykin O.A., Korolyov L.A., Sazonova I.E. Finns-Ingermanlanders and Cross-Cultural Dynamics of the Suburban Area of Saint Petersburg. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):444–458. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.444-458>
14. Erofeeva T.I. Culturally Significant Components in the Bilingual Text. *Socio- and Psycholinguistic Studies*. 2014;(2):136–140. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-znachimye-komponenty-v-tekste-bilingva> (accessed 09.03.2025).
15. Novikova Ia.V. Pushkin in Finnish Literature. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2019;(4):179–204. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=1408> (accessed 23.03.2025).

Information about the author:

Nadezhda S. Bratchikova, Dr.Sci. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation), Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University (bld 1, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7402-8327>, SPIN-code: 8159-6981, n.bratchikova@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 23.03.2025; revised 19.06.2025; accepted 23.06.2025.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.280-292><https://elibrary.ru/qnfxzx>

УДК / UDC 811.161.1'37:811.111:811.511.111

Оригинальная статья / Original article

Структурно-семантический анализ английских и финских идиом с компонентом-колоронимом: сопоставительный аспект

Н. М. Мосина , Н. Г. Комиссарова

МГУ им. Н. П. Огарёва,

г. Саранск, Российская Федерация

natamish@rambler.ru

Аннотация

Введение. В статье представлено сопоставительное исследование структурно-семантических свойств идиоматических выражений с компонентом-колоронимом в английском и финском языках. Актуальность исследования определяется ограниченностью научных данных о репрезентации цветовосприятия в когнитивной лингвистике применительно к данной паре типологически неродственных языков. Цель исследования – описание структурно-семантических свойств, выявление общих черт и отличительных особенностей идиоматических конструкций английского и финского языков.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают идиоматические выражения с компонентом-колоронимом в английском и финском языках. В работе применялись как общенаучные методы (описания, классификации, систематизации и анализа), так и специальные лингвистические методы, которые позволили описать структурно-семантические характеристики идиом, выявить частотность колоронимов, определить базовые цветовые категории, построить классификацию по предметно-категориальным группам.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье проанализированы структурно-семантические характеристики идиоматических выражений английского и финского языков, содержащих признак цвета. Выделено 283 английских и 149 финских идиоматических единиц с компонентом-колоронимом. Установлено преобладание ахроматических (черный, белый) и основных хроматических (красный, зеленый) колоронимов. Разработана классификация идиом по предметно-категориальным характеристикам (предметные, процессуальные, призначные, обстоятельственные, модальные) с доминированием предметных групп в обоих языках. Основная функция цветовых идиом – описание человека, предметов, явлений и абстрактных понятий.

Заключение. Авторские результаты, демонстрируя как симметрию (универсальное восприятие базовых цветов), так и асимметрию исследуемых лексических систем, вносят вклад в теорию фразеологии и кросс-культурные исследования цветовой семантики. Материалы статьи могут быть полезны при составлении сопоставительных фразеологических словарей английского и финского языков, а также при написании научных работ по лексикологии исследуемых языков.

Ключевые слова: английский язык, финский язык, цветообозначение, идиома, колороним, структура, семантика

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мосина Н. М., Комиссарова Н. Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Мосина Н.М., Комиссарова Н.Г. Структурно-семантический анализ английских и финских идиом с компонентом-колоронимом: сопоставительный аспект. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):280–292. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.280-292>

Structural and Semantic Analysis of English and Finnish Idioms with a Coloronym Component: Comparative Aspect

N. M. Mosina ✉, N. G. Komissarova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation*

✉ natamish@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article presents a comparative study of the structural and semantic properties of idiomatic expressions containing a color component (coloronym) in English and Finnish. The relevance of the work is determined by the insufficient study of color perception in cognitive linguistics with respect to this pair of unrelated languages. The aim of the research is to describe the structural and semantic properties and to identify the common features and distinctive characteristics of idiomatic constructions in the English and Finnish languages.

Materials and Methods. The object of the study consists of idiomatic expressions with a coloronym component in the English and Finnish languages. Both general scientific methods (description, classification, systematization, and analysis) and specialized linguistic methods of structural and semantic, componential, and comparative analysis were applied in the work, which made it possible to describe the structural and semantic characteristics of idioms; identify the frequency of coloronyms; determine the basic color categories; and construct a classification according to semantic category groups.

Results and Discussion. The article presents the analysis of the structural and semantic characteristics of idiomatic expressions with a color component in English and Finnish containing a color feature. A total of 283 English and 149 Finnish idiomatic units with a color-related component have been identified. A predominance of achromatic (black, white) and primary chromatic (red, green) color components has been established. A classification of idioms based on the categorical characteristics of a noun, verb, adjective, adverb as well as modality has been developed showing the dominance of nominal groups in both languages. The main function of color idioms is to describe people, objects, phenomena, and abstract concepts.

Conclusion. The results demonstrate both symmetry (the universal perception of basic colors) and asymmetry of the lexical systems under study, contributing to the theory of phraseology and cross-cultural research in color semantics. The research materials may be useful in the compilation of comparative phraseological dictionaries of English and Finnish, as well as in the preparation of scholarly works on the lexicology of the languages studied.

Keywords: the English language, the Finnish language, coloronym, idiom, color designation, structure, semantics

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Mosina N.M., Komissarova N.G. Structural and Semantic Analysis of English and Finnish Idioms with a Coloronym Component: Comparative Aspect. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):280–292. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.280-292>

Введение

Сравнение английской и финской лингвоцветовых систем позволяет выявить универсальные и уникальные черты в категоризации цвета у исследуемых народов в силу того, что лексика отражает особенности мировосприятия носителей языка, их культурные коды и исторический опыт. В лингвистической литературе отсутствуют научные работы, посвященные сопоставительному исследованию идиоматических выражений с элементом цветообозначения представленных неродственных языков.

Работа представляет собой анализ идиоматических систем английского и финского языков, содержащих компонент-колороним, с целью описания их структурно-семантических свойств и характеристик, а также выявления сходств и различий найденных устойчивых выражений в отмеченных языках. В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи исследования:

- 1) сформировать корпус языкового иллюстративного материала методом сплошной выборки из словарей идиоматических выражений английского и финского языков;
- 2) провести частотный анализ цветowych идиом в анализируемых языках;
- 3) произвести категоризацию исследуемых идиоматических единиц.

Обзор литературы

В основу предпринятого исследования положен тезис А. Вежицкой: «Цветовое восприятие является, вообще говоря, одним для всех групп людей, но языковая концептуализация различна в разных культурах, хотя и здесь есть поразительные элементы сходства»¹.

Базовые цветowe термины – ключевая лексическая категория, хорошо изученная благодаря фундаментальной работе Б. Берлина и П. Кея². Исследователи установили 11 универсальных базовых цветов: белый, черный, красный, желтый, зеленый, синий, коричневый, серый, розовый, оранжевый и фиолетовый. Определение базового цвета основывается на следующих принципах:

- моноксемность наименования (слово должно быть односложным и непроизводным);
- независимость значения цвета от других цветowych терминов;
- широкое применение названия цвета к разным объектам, а также психологическая однозначность восприятия названия носителями языка.

Берлин и Кей на материале 98 языков (финский язык не был включен в их исследование) предложили иерархическую модель развития цветообозначений. Согласно их теории, в каждом языке есть от 2 до 11 основных цветowych терминов: например, после черного и белого самым распространенным цветом в языках мира является красный. За этими тремя следуют желтый и зеленый в альтернативном порядке, затем синий, коричневый и, наконец, серый либо фиолетовый / розовый / оранжевый.

Идеи Б. Берлина и П. Кея получили дальнейшее развитие в работах И. Дэвиса и Г. Корбетта, которые предложили новый полевой метод, основанный на оригинальной процедуре Берлина и Кея [1–3]. Этот метод был применен для изучения цветообозначений в различных языках, включая европейские, такие как русский [2], английский [1], немецкий [4], эстонский [5; 6], венгерский [7], армянский [8], турецкий [9], каталанский [3], а также некоторые экзотические языки [10].

Вопросы, связанные с набором цветообозначений в индоевропейских языках, активно разрабатывались отечественными лингвистами, в частности А. П. Василевичем³, Л. Н. Мироновой⁴, А. М. Тимофеевой⁵.

Теория Берлина и Кея о базовых цветowych терминах была применена к анализу финно-угорских языков в работах М. Коски⁶, М. Уускюля [11], У. Сутропа [12].

¹ Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари; 1996. 416 с.

² Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press; 1969. 178 p.

³ Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: Изд-во ЛКИ; 2008. 216 с.

⁴ Миронова Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека. В кн.: Проблема цвета в психологии. М.: Наука; 1993. С. 172–188.

⁵ Тимофеева А.М. Сопоставительное исследование лингвоцветowych картин мира (на материале идиомов Н. Заболоцкого и Р. Фроста): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург; 2003. 19 с.

⁶ Koski M. Värien nimitykset Suomessa ja lähisukukielissä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; 1983. 366 s.

М. Коски впервые исследовал базовые цветообозначения в прибалтийско-финских языках, а также изучил этимологии цветоименований и выделил 8 базовых цветов: *valkoinen* (*valkea*) ‘белый’, *musta* ‘черный’, *punainen* ‘красный’, *vihreä* ‘зеленый’, *keltainen* ‘желтый’, *sininen* ‘синий’, *ruskea* ‘коричневый’, *harmaa* ‘серый’. Согласно точке зрения У. Сутропа, в эстонском языке имеется 11 базовых цветовых терминов [6]. Изыскания М. Уускюля, посвященные определению количества базовых цветовых терминов в финском языке, не позволили однозначно установить статус таких цветов, как *violetti* ‘фиолетовый’, *oranssi* ‘оранжевый’ и *pinkki* ‘розовый’, вопрос остается открытым и требует дальнейших эмпирических исследований. Изучение цветовой терминологии также проводилось на материале венгерского языка [7; 12], манси⁷, эстонских диалектов⁸, мокша-мордовского языка [13].

Поскольку данное исследование направлено на сопоставительный анализ идиом с цветовым компонентом в английском и финском языках, подробное описание базовых наименований цвета было бы недостаточным без обращения к самому понятию идиомы, представляющему богатейший материал для анализа.

В англоязычных исследованиях фразеологии Ч. Фернандо определила идиому как «устоявшееся, фиксированное выражение, состоящее как минимум из двух лексем, значение которого больше, чем сумма его частей»⁹. Сложные слова также могут соответствовать данному критерию. Наличие метафорического переосмысления либо в структуре идиомы в целом, либо в одном из ее компонентов является ключевым признаком идиоматического выражения, отличающим его от свободного словосочетания.

Английские идиомы изучались также в работах Л. П. Смита¹⁰, Р. Муна¹¹, Дж. А. Беннетта (обзор метафорических значений английских идиом и специфики их перевода на французский язык)¹², А. В. Кунина¹³ и других исследователей [14].

Изучение идиом на материале финно-угорских языков, в том числе в сравнительном аспекте, проводилось как финскими лингвистами, в частности Ляхдемяки¹⁴, Лёфлунд¹⁵, Хяккинен¹⁶, так и российскими специалистами по финно-угроведению [15–17].

Сопоставительное изучение цветовой идиоматики является предметом исследований ряда российских лингвистов [18–20]. В. Г. Кульпина рассматривает следующую модель фразеологизмов: «термин цвета + определяемое существительное» в русском и польском языках¹⁷, Ю. В. Зольникова исследует способы передачи цветовосприятий во фразеологизмах немецкого и русского языков [21]. Н. А. Завьялова проводит сравнительный анализ фразеологических единиц с колоративами в японском, английском и русском языках¹⁸.

⁷ Sipőcz K. A vogul nyelv színnevei. In: Studia Uralo-Altaica, 3. Szeged; 1994. 101 s.

⁸ Oja V. Linguistic Studies of Estonian Colour Terminology. In: Dissertationes Philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis, 9. Tartu: Tartu University Press; 2001. 191 p.

⁹ Fernando Ch. Idioms and Idiomaticity. Oxford: Oxford University Press; 1996. p. 30–37.

¹⁰ Смит Л.П. Фразеология английского языка. М.: Учпедгиз; 1959. 208 с.

¹¹ Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus Based Approach. Oxford: Oxford University Press; 1998. 352 p.

¹² Bennett T.J.A. Aspects of English Colour Collocations and Idioms. Heidelberg: Winter; 1988. 301 p.

¹³ Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Просвещение; 2021. 1210 с.

¹⁴ Lähdemäki E. Nyt on keitetty läski paistettu: Havaintoja suomen ja ruotsin ruokaidiomeista. In: Fennistica fausta in honorem Mauno Koski septuagenarii. Åbo: Åbo Akademi; 2000. S. 83–95.

¹⁵ Löflund J. Suomen ja ruotsin kasvi-idiomeista. In: Fennistica fausta in honorem Mauno Koski septuagenarii. Åbo: Åbo Akademi; 2000. S. 65–82.

¹⁶ Häkkinen K. Idiomien määritelmää. In: Fennistica fausta in honorem Mauno Koski septuagenarii. Åbo: Åbo Akademi; 2000. S. 1–15.

¹⁷ Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в русском и польском языках. М.: Московский лицей; 2001. 470 с.

¹⁸ Завьялова Н.А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2011. 320 с.

Изучение сравнительно-сопоставительной цветовой идиоматики не ограничивается упомянутыми работами. Тем не менее, несмотря на обширный массив научных изысканий, сопоставительный анализ английских и финских идиом остается малоизученным. В связи с этим возникает необходимость в проведении исследования цветowych обозначений в идиомах английского и финского языков.

Материалы и методы

Комплекс методов, применяемых в исследовании, обусловлен его многоаспектным характером. Кроме общенаучных методов (анализа, синтеза, индукции, дедукции и аналогии), для анализа, сравнения и обобщения данных использовались: метод компонентного анализа для выявления семы «цвет» в значении идиом; структурного анализа с целью определения категориального значения и синтаксических моделей идиом; сопоставительный метод для обнаружения общих характеристик и отличительных особенностей (определения языковой симметрии и асимметрии) двух исследуемых лексических систем.

Выбранная методика обеспечила систематизацию языкового материала и способствовала выявлению глубоких связей между цветоидеоматическими системами двух языков. Метод количественного анализа иллюстративного материала и статистической обработки данных позволил сделать выводы более репрезентативными.

Материалом исследования послужили идиоматические единицы английского и финского языков, включающие в себя компонент-колороним. Материал получен методом сплошной выборки из лексикографических источников английского¹⁹ и финского языков²⁰.

Результаты исследования и их обсуждение

Идиомы с элементом цветообозначения в английском и финском языках выполняют символическую функцию, отражая культурные, исторические и социальные коннотации. Они используются для описания различных аспектов реальной действительности: человека, его характера, профессиональной принадлежности, эмоций, а также неодушевленных предметов и явлений, разнообразных действий, состояний и качеств.

В ходе сбора иллюстративного материала было выявлено 283 английских и 149 финских идиоматических единиц. Исследуемые идиомы группировались вокруг 11 базовых колоронимов.

В английском языке по степени частотности колоронимы распределились следующим образом: *black* ‘черный’ – 75 (27 %), *blue* ‘синий’ – 56 (20 %), *white* ‘белый’ – 41 (14 %), *red* ‘красный’ – 40 (14 %), *green* ‘зеленый’ – 30 (11 %), *yellow* ‘желтый’ – 12 (4 %), *brown* ‘коричневый’ – 10 (3 %), *grey* ‘серый’ – 9 (3 %), *purple* ‘фиолетовый’ – 5 (2 %), *pink* ‘розовый’ – 5 (2 %). С колоронимом *orange* ‘оранжевый’ идиом обнаружено не было.

Числовой анализ финских идиом выявил следующее распределение элементов цветообозначения: *musta* ‘черный’ – 44 (30 %), *valkoinen* ‘белый’ – 27 (18 %), *punainen* ‘красный’ – 20 (13 %), *harmaa* ‘серый’ – 20 (13 %), *vihreä* ‘зеленый’ – 18 (12 %), *sininen* ‘синий’ – 8 (5 %), *keltainen* ‘желтый’ – 7 (5 %), *ruskea* ‘коричневый’ – 5 (3 %). С колоронимами *violetti* ‘фиолетовый’, *pinkki* ‘розовый’ и *oranssi* ‘оранжевый’ идиом не обнаружено.

В ходе отбора материала были также выделены идиомы с колоронимом *vaaleanpunainen* ‘светло-красный’: *katsella maailmaa vaaleanpunaisten (silmä)lasien*

¹⁹ Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь; Соломник Т.Г. Словарь современных английских идиом. СПб.: Золотой век; 2003. 416 с.; Englanti-suomi idiomisanakirja. Helsinki: Gummerus; 2014. 621 s.; Longman Idioms Dictionary. Longman; 1998. 398 p.

²⁰ Kielitoimiston sanakirja: Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisu. URL: <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi> (accessed 02.03.2025); Kari E. Naulan kantaan. Nykysuomen idiomisanakirja. Helsinki: Otava; 1993. 232 s.; Nurmi T. Suuri suomen kielen sanakirja. Jyväskylä: Gummerus; 2004. 1344 s.; Muikku-Werner P., Lantunen J.H., Kokko O. Suurella sydämellä ihan sikana. Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja. Jyväskylä: Gummerus; 2008. 467 s.

läpi ‘смотреть на мир сквозь розовые очки’; и *mustavalkoinen* ‘черно-белый’: *mustavalkoinen näkemys* ‘однобокий взгляд’, тем не менее цветообозначения с данными колоронимами в выборку не вошли, поскольку не являются молексемными единицами и, как следствие, базовыми оттенками.

Таким образом, цветовая картина в идиомах отражает как универсальные тенденции, так и специфику языкового и культурного восприятия. Разница в частотности некоторых цветов (например, *синий* vs *серый*) в идиомах может объясняться культурными и природными факторами.

Рассмотрим указанные идиоматические системы с точки зрения их предметно-категориальных характеристик. Для выявления общих свойств и отличительных особенностей исследуемых идиоматических систем английского и финского языков был проведен подробный структурный анализ, в основу которого положены принципы классификации, разработанной А. М. Чепасовой²¹. Анализируя фразеологизмы русского языка, исследователь выдвигает тезис о том, что все фразеологизмы распадаются на классы, где «каждый класс представляет собой открытую фразеологическую систему единиц, обладающих определенным типом семантики или одним категориальным значением и закрепленными за ним структурно-грамматическими категориями и признаками». В соответствии с данным принципом А. М. Чепасова выделяет три разряда фразеологизмов, включающие 9 групп: номинативные (охватывающие предметные, признаковые, процессуальные, количественные и качественно-обстоятельственные единицы), грамматические (представленные фразеологическими предложениями, союзами, частицами), модальные (выражающие субъективно-оценочное отношение говорящего к содержанию сообщения).

На основе собранного иллюстративного материала в двух анализируемых языках были выделены 5 типов идиоматических выражений, классифицированных по категориальному признаку: 1) предметные, 2) процессуальные, 3) призначные, 4) качественно-обстоятельственные, 5) модальные идиоматические выражения. При этом модальные устойчивые выражения зафиксированы лишь в английском материале. В корпусе исследуемых цветовых идиом грамматические идиомы представлены не были. Дальнейшая систематизация внутри каждой группы осуществлялась на тематической основе.

1. Предметные идиомы с колоронимом соотносятся с именами существительными и используются для номинации одушевленных / живых существ, а также неодушевленных предметов и явлений.

Следующие группы идиом (1.1–1.5) обладают номинативной функцией, характеризующей живых существ, в том числе человека:

1.1 Характер: англ. *yellow dog* амер. разг. ‘подлый, трусливый человек; презренное существо, прохвост’, *a white man* ‘порядочный, честный, благовоспитанный человек, прекрасный человек’; фин. *ruskeakieli* ‘лстец, подхалим’, *vihreä leski* ‘одинокая женщина при наличии мужа, часто домохозяйка из пригорода, заикленная на своих детях и собственных стесненных условиях жизни’;

1.2 Происхождение, национальность: англ. *blue blood* ‘голубая кровь, аристократическое происхождение’; фин. *sininen veri* ‘человек благородного происхождения’, *mustalainen* ‘цыган’;

1.3 Отношение окружающих к человеку: англ. *the blue-eyed boy* ‘любимчик, всеобщий баловень’, *black beast* ‘ненавистный человек, предмет ненависти и отвращения; проклятие чьей-л. жизни’; фин. *musta hevonen* (букв. темная лошадка) ‘человек, чьи способности, намерения или потенциал неочевидны, но который может неожиданно проявить себя (в спорте, политике)’, *musta lammas* (букв. черная овца) ‘паршивая овца’;

²¹ Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЧГПУ; 2006. 143 с.

1.4 Профессиональная, партийная и иная организационная принадлежность: англ. *a blue coat* (букв. синий мундир) 1) солдат, моряк; 2) амер. ист. солдат армии северян (во время гражданской войны 1861–1865 гг.), *the black gang* (букв. черная бригада) ‘коचेгары, рабочие, грузящие уголь’; фин. *harmaat veljet* (букв. серые братья) ‘францисканцы’, *valkokaulystyöläinen* ‘офисный работник’;

1.5 Группа предметных идиом включает имена собственные, использующиеся для номинации человека (антропонимы), а также для обозначения животных (зоонимы) и мифических существ (мифонимы). Более репрезентативен в анализируемых языках корпус антропонимов, например: англ. *Brown, Jones and Robinson* (букв. Браун, Джонс и Робинсон) ‘простые, рядовые англичане’, *blue noses* (букв. посиневшие носы) амер. прозвище канадцев, особ. из Новой Шотландии, намекающее на суровый климат страны; фин. *valkoinen Kristus* – имя, которым скандинавы называли Христа, *valkoinen kenraali* – прозвище К. Г. Маннергейма. Зоонимы и мифонимы представлены единичными номинациями: англ. *Black and tan* ‘терьер’; фин. *pieni vihreä mies* ‘гуманоид’.

Выполняя номинативную функцию, английские и финские предметные идиомы-колоронимы также обозначают неодушевленные предметы и явления (1.6–1.12):

1.6 Конкретные предметы материального быта: англ. *green room* ‘артистическая гримерка’, *yellow rag* (или *sheet*) ‘бульварная газета, бульварный листок’, *black letter* ‘готический шрифт’; фин. *keltaiset sivut* ‘страницы телефонного справочника’, *valkoinen / valkea linja* ‘бытовая техника’, *musta laatikko* ‘бортовой самописец в самолете’;

1.7 Время, события, периоды жизни: англ. *a black day* ‘черный (трагический) день’, *gray* (или *grey*) *hairs* ‘старость’; фин. *punainen minuutti* (букв. красная минута) ‘решающий момент’, *joskus vihreässä nuoruudessaani* (букв. когда-то в пору моей зеленой молодости) ‘в пору юности’, *sininen hetki* ‘момент голубоватых сумерек перед наступлением темноты, нежный, романтический момент’;

1.8 Вещества: англ. *blue milk* ‘снятое молоко’, *green goods* ‘зелень, свежие овощи’, *black diamonds* (букв. черные бриллианты) ‘каменный уголь’, *grey matter* (букв. серое вещество) ‘мозг’; фин. *musta leipä* ‘ржаной хлеб’, *mustamakkara* ‘кровяная колбаса’;

1.9 Отвлеченные (абстрактные) понятия: англ. *the blues* ‘грусть, печаль’, *a yellow streak* ‘трусость’; фин. *valkoinen valhe* ‘ложь во благо’;

1.10 Природные явления: англ. *black frost* ‘холода без инея и снега, бесснежные морозы’, *white caps* (или *horses*) (букв. барашки) ‘белые гребни бурунов’; фин. *harmaa sää* ‘пасмурная, тоскливая погода’;

1.11 Территории: англ. *redlight district* ‘квартал красных фонарей, район публичных домов’; фин. *vihreä helvetti* ‘территория тропического леса’, *harmaa vyöhyke* (букв. серая зона) ‘область между военными союзами’ и т. д.;

1.12 Термины из различных отраслей науки: *grey matter* (букв. серое вещество) ‘мозг’, *black letter* ‘готический шрифт’; фин. *musta laatikko* ‘бортовой самописец в самолете’, *valkoinen kohina* физ. ‘белый шум’, *vihreä liike* (букв. зеленое движение) экол. ‘движение экологов’.

Одной из характерных черт английской и финской идиоматических систем цветообозначения является использование имен собственных для указания на неодушевленные предметы и явления. Здесь представлены лексические единицы, вошедшие в состав следующих предметных категорий (1.13–1.19):

1.13 Отдельные предметы английской и финской культур: англ. *Brown Bess* ист. ‘кремневое ружье (состоявшее на вооружении английской армии в XVIII в.)’, *Brown Betty* преим. амер. ‘хлебный пудинг с яблоками’; фин. *Musta Pekka / Mustapekka* ‘детская карточная игра’;

1.14 Средства передвижения: англ. *Black Maria* (букв. черная Мария) ‘тюремная карета, тюремный фургон’; фин. *mustamaija* (букв. черная Майя) ‘полицейский фургон’;

1.15 Документы: англ. *the Black Code* (букв. Черный кодекс) амер. ист. ‘рабовладельческие законы до отмены рабства’; фин. *Sininen kirja* ‘бизнес-справочник (издаваемый *Finnish Commerce and Industry Ltd*, основанной в 1929 г., а с 1946 г. именуемой *Sininen Kirja Ltd*)’;

1.16 Медали, знаки отличия: англ. *a Purple Heart* (букв. Пурпурное сердце) амер. ‘медаль за ранение, полученное в ходе военных действий’; в финском языке данная группа не представлена;

1.17 Предприятия, учреждения, общества, объединения: англ. *blue ribbon army* ‘общество трезвости’, *the red, white and blue* ‘английский флот и армия (по цветам флага)’; фин. *Puna-armeija* ‘Красная Армия’, *Valkoinen armeija / hallitus* ‘Белая армия / правительство’;

1.18 Отрезки времени и события: англ. *Black* / амер. *blue Monday* школ. жарг. ‘первый день занятий после каникул’; в финском языке в данной группе идиомы не обнаружены;

1.19 Топонимы: англ. *the Black Belt* (букв. черный пояс) амер. ‘южные районы США, где преобладает негритянское население’; фин. *mustien maanosa* ‘черный континент (Африка)’, *Valkoinen Talo* ‘Белый дом (официальная резиденция президента США)’.

2. Процессуальные идиомы с элементом цветообозначения, обладающие категориальным значением, свойственным глаголу, и выражающие действие или состояние. Действия, связанные с движением, речевой, мыслительной деятельностью, а также поступками и поведением человека, наиболее часто описываются через цветовые метафоры:

2.1 Движение, перемещение: англ. идиома *disappear into the blue* ‘раствориться в воздухе’ передает движение и рисует образ внезапного исчезновения, где *blue* ассоциируется с небом или горизонтом; фин. идиома *ajaa päin punaista* означает буквально ‘нарушать правила, передвигаясь на красный сигнал светофора’;

2.2 Речевая деятельность: англ. *to make / turn the air blue* переводится как ‘ругаться, употребляя в речи резкие, неприличные слова’; фин. *huutaa pää punaisena* ‘громко кричать’, особенностью финской идиомы является не сама речевая деятельность, а сильные эмоции, гнев и возбуждение говорящего, передаваемые компонентом-колоронимом;

2.3 Мыслительная деятельность: англ. *to know black from white* ‘понимать, в чем дело, быть себе на уме’, *to be in a brown study* ‘быть в мрачном раздумье, глубоко задумываться’; фин. *ei ole harmainta aavistustakaan* ‘не иметь ни малейшего представления (о чем-либо)’. Все эти идиомы связаны с познанием, пониманием или его отсутствием и передают в широком смысле мыслительную деятельность;

2.4 Поведение и поступки: англ. *show the white feather* ‘струсить, смалодушничать’, *black smb’s eye* ‘подбить кому-либо глаз’; фин. *päästä vihreälle oksalle* ‘добиться хорошего финансового положения’;

2.5 Физическое, эмоциональное, социальное состояние. Идиомы с цветовым колоронимом в английском и финском языках передают широкий спектр состояний индивидуума, в том числе: 1) усталость: англ. *to do smth until / till one is blue in the face* ‘делать что-то до изнеможения, до посинения’, *to be blue in the face* ‘быть изнеможенным; до посинения’; 2) состояние уныния: англ. *to be blue, be in the blues, to look blue, the black dog is on one’s back* ‘хандрить’; 3) пессимизм и оптимизм: англ. *to see through rose glasses* (букв. видеть сквозь розовые очки) ‘иметь оптимистический взгляд на мир’. В финском языке имеется аналогичная идиома *katsella maailmaa vaaleanpunaisten (silmiä)lasien läpi* букв. ‘смотреть на мир сквозь розовые очки’; однако в обеих идиомах используется не базовые колоронимы, а именно: англ. *rose* и фин. *vaaleanpunainen*; 4) беспокойство и раздражение: англ. *to see the red light* ‘видеть опасность’; фин. *nähdä punaista* ‘злиться’, *saada harmaita hiuksia jostakin*

‘беспокоиться по поводу чего-либо’; 5) зависть: англ. *to be green with envy* ‘позеленеть от зависти’; фин. *olla vihreänä kateudesta / kateudesta vihreä* ‘быть очень завистливым’, *ruoho on vihreämpää aidan toisella puolella* (букв. по ту сторону забора трава зеленее) ‘завидовать’; 6) физическое состояние / здоровье: англ. *keep the bones green* ‘сохранять здоровье’, *be / look white about (amer. around) the gills* ‘выглядеть больным, плохо выглядеть’; 7) финансовое положение: англ. *to be in the red* ‘быть в долгах’, *to be in the black* ‘быть в прибыли’; 8) социальные отношения: англ. *to be born in (or to) purple* ‘родиться в знатной семье, в роскоши’, *be / get in smb's black books* ‘быть на плохом счету или в немилости у кого-либо, впасть в немилость, потерять чье-либо расположение’; фин. *olla armeijan harmaissa / kenttäharmaissa* ‘быть на военной службе, служить в армии’).

3. Призначные идиомы с элементом колоронимом, обладающие категориальным значением прилагательного и служащие для характеристики свойств и признаков одушевленных существ и неодушевленных предметов.

Английские призначные идиомы строятся на базе следующих цветов: черный – *black* (или *blue*) *in the face* ‘багровый (от усилий или раздражения)’, синий – *blue chip*: а) относящийся к ценному имуществу; б) первоклассный, престижный, красный – *red in tooth and claw* ‘жестокий и беспощадный’, зеленый – *not as green as one is cabbage-looking* разг. шутл. ‘не такой уж глупый, как может показаться’, желтый – *yellow-livered* ‘трусливый’, белый – *lily-white* ‘белоснежный, непорочный’, коричневый – *browed off* жарг. ‘недовольный, раздраженный; сыт (чем-л.) по горло’, розовый – *in the pink (of health)* разг. ‘в прекрасном состоянии здоровья’. Большая часть английских идиом данного класса представляет собой разнообразные сравнительные конструкции, например: *as black as thunder / a thundercloud / night* (букв. черный как гром / грозовая туча / ночь) ‘мрачнее тучи’, *like a red rag to a bull* (букв. как красная тряпка для быка) ‘раздражитель, раздражающий’, *whiter than white* (букв. белее белого) ‘безупречно чистый’.

Финские идиомы-колоронимы в большинстве своем не содержат прямого сравнения и формируются преимущественно на основе метафорических переносов, например: *mustasukkainen / mustankipeä* (букв. черный + больной) ‘ревнивый, завистливый’, *sinisilmäinen* (букв. голубоглазый) ‘доверчивый’. Сравнения типа *valkoinen kuin lumi / lakana / kuolema* ‘белый как снег / простыня / смерть’ носят единичный характер. Помимо упомянутых колоронимов, финские призначные идиомы содержат также следующие цвета: коричневый – *ruskeakielinen* ‘лживый’, серый – *armeijan harmaat* ‘военный (о службе)’, зеленый – (*hän on alalla*) *aivan vihreä* ‘неопытный, необученный’. Наиболее частотны выражения с цветовым компонентом «черный» – *mustaihoinen* ‘темнокожий’, *mustanpuhuva* ‘зловещий, мрачный’.

4. В ходе анализа были выявлены обстоятельственные идиомы с цветовым компонентом, обладающие категориальным значением, свойственным наречию. Данная группа представлена двумя подгруппами:

4.1 Группа качественно-обстоятельственных идиом связана с описанием признака действия и соотносится с наречиями и словами категории состояния. Они характеризуют то, как и при каких условиях происходит действие.

Лексикографическое исследование выявило несколько финских идиом, имеющих аналоги в английском языке. В частности: фин. *mustaa valkoisella* (букв. черным по белому) ‘в напечатанном, письменном виде’ имеет аналог в английском языке – *in black and white* (букв. черным по белому) ‘в напечатанном, письменном виде’; *vaikka läpi harmaan kiven* (букв. хоть сквозь серый камень) ‘во что бы то ни стало’ соотносится с англ. идиомой *even through the gray stone* ‘вопреки всему, несмотря ни на что’. Английские идиомы, характеризующие образ действия, описывают быстроту, неожиданность или продолжительность действия, например: *like blue*

murder ‘чертовски быстро, со всех ног, сломя голову’, *out of the blue* ‘неожиданно, без предупреждения’, *a blue streak* амер. разг. ‘непрерывно, все время, без конца’.

В качественно-обстоятельственных английских идиомах цвет также создает образ для выражения частотности совершения действия, к примеру *once in a blue moon* ‘раз в год по обещанию, в кои-то веки’, т. е. редко;

4.2 В английском и финском языках была выделена группа обстоятельственных идиом с обозначением количества или степени. Основой ее выделения послужил больше семантический принцип, чем грамматический. Идиомы обозначают степень, малое, большое или неопределенное количество чего-либо. По грамматическому значению данные лексические единицы соотносятся с числительными или наречиями. Так, английская идиома *not have a red cent* ‘без гроша в кармане’ означает малое количество или полное отсутствие денег, а финская (*olla mustana(an)* ‘полно, много’, наоборот, – избыток чего-либо, например: (*kadut olivat mustanaan (kansaa) / mustana(an)* ‘(улицы) были (букв. черными) заполнены людьми’. Английские идиомы *till all is blue, true blue* ‘до предела, до крайней черты’, *the pink of perfection* ‘верх совершенства’ указывают на высшую степень интенсивности признака или действия.

5. **Модальные идиомы с компонентом колоронимом** представлены только в английском языке, они выражают отношение автора к сказанному и передают следующие оттенки значений: модальность эмоциональной уверенности: *by all that's blue* редк. разг. ‘клянусь чем угодно!; черт возьми!’, *strike me blind pink if...* прост. ‘провалиться мне на этом самом месте, лопни мои глаза, разрази меня бог, если...’; оценку: *the kettle calls (или calling) the pot black* ‘оба хороши’; сомнение: *Do you see any green in my eye?* разг. шутл. ‘Неужели я кажусь вам таким легковверным, таким простаком?’.

Заключение

Проведенный структурно-семантический анализ английских и финских идиом с компонентом-колоронимом позволил выявить как универсальные тенденции, так и специфические особенности, обусловленные культурными, историческими и социальными факторами.

К общим чертам рассмотренных идиоматических систем можно отнести то, в обоих языках доминируют ахроматические цвета и основные хроматические. Это свидетельствует об универсальности восприятия данных цветов в культуре и языке. Например, идиомы с компонентами *black* и *musta* часто связаны с негативными эмоциями или явлениями, тогда как *white* и *valkoinen* ассоциируются с чистотой и невинностью.

Как в английском, так в финском языке идиомы-колоронимы выполняют прежде всего номинативную функцию для описания человека, его качеств, эмоций, социального статуса, а также для обозначения предметов, явлений и абстрактных понятий, что подтверждает символическую функцию цвета, например: англ. *blue blood* и фин. *sininen veri* обозначают аристократическое происхождение, англ. *Black Maria* и фин. *mustamäijä* ‘тюремный, полицейский фургон’.

В результате структурного анализа идиоматических единиц были выявлены следующие общие структурные типы: предметные, процессуальные, призначные, качественно-обстоятельственные. Наиболее многочисленной в обоих языках является группа предметных идиом: англ. *black day*, фин. *punainen minuutti*; далее следуют процессуальные: англ. *to be in the red*, фин. *päästä vihreälle oksalle*, передающие различную деятельность, состояния, движение и др.

Использование универсальных метафор – еще одна общая черта идиоматических единиц обоих языков, что указывает на схожие когнитивные механизмы. Например, англ. *in black and white* и фин. *mustaa valkoisella* для обозначения письменной формы,

англ. *black sheep* и *musta lammas* для указания на самого недисциплинированного в обществе, вызывающего наибольшее беспокойство человека.

В ходе исследования в системе английских идиом обнаружены сравнительные конструкции, например *as black as thunder*, *like a red rag to a bull*, тогда как финские идиомы строятся на метафорах *mustasukkainen*, что отражает разницу в способах образного выражения.

В английском языке была зафиксирована группа модальных идиом: *by all that's blue*, *strike me blind pink if...*, которые выражают эмоциональную оценку или сомнение. Отсутствие аналогичных конструкций в финском языке свидетельствует о различиях в лингвистических стратегиях, используемых для передачи субъективной модальности.

Будучи носителями культурно-специфических смыслов, анализируемые идиомы репрезентируют уникальные этнокультурные коды (бытовые, исторические, социальные), что обуславливает отсутствие полных соответствий между языками, например: англ. *Brown Betty, a Purple Heart*; фин. *mustamakkara, valkoinen kenraali*.

Сопоставительный анализ идиоматических систем двух языков продемонстрировал наличие языковой симметрии и асимметрии, которые проявляются в частотности использования цветообозначений, их семантических функциях и структурных характеристиках. Симметрия наблюдается в общих структурных типах, категориальных группах и универсальных метафорах, что обусловлено общими когнитивными процессами. Асимметрия связана с культурной спецификой, грамматическими особенностями, различиями в частотности цветообозначений.

Идиомы с компонентом-колоронимом являются важным элементом языковой картины мира, отражающим как универсальные, так и уникальные черты английской и финской культур. В результате выявлены общие закономерности и национальная специфика, что вносит вклад в теорию фразеологии и межкультурной коммуникации.

Проведенное исследование вносит значимый вклад во фразеологию, когнитивную лингвистику и межкультурную коммуникацию, выявляя универсальные и культурно-специфические закономерности в английских и финских идиомах с колоронимами. Дальнейшие исследования могут быть направлены на углубленное изучение влияния культурных и когнитивных факторов на формирование цветовых метафор в разных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Davies I.R.L., Corbett G.G. A Practical Field Method for Identifying Basic Colour Terms. *Languages of the World*. 1995;(9):25–36.
2. Davies I.R.L., Corbett G.G. The Basic Color Terms of Russian. *Linguistics*. 1994;32(1):65–89. <https://doi.org/10.1515/ling.1994.32.1.65>
3. Davies I.R.L., Corbett G.G., Margalef J.B. Colour Terms in Catalan: An Investigation of Eighty Informants, Concentrating on the Purple and Blue Regions. *Transactions of the Philological Society*. 1995;(93):17–49. URL: <https://clck.ru/3MzXfj> (дата обращения: 02.03.2025).
4. Каргина Е.М. Структурно-стилистические особенности немецких фразеологизмов с компонентом-колоронимом. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024;(1):5–11. URL: <https://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU/article/view/1994-2796-2024-483-1-12-21> (дата обращения: 04.03.2025).
5. Sutrop U. Eesti keele põhivärvinimed. *Keel ja Kirjandus*. 1995;(12):797–808. (In Est.)
6. Sutrop U. The Basic Colour Terms of Estonian. *Trames*. 2000;4(2):143–168. <https://doi.org/10.3176/tr.2000.2.03>
7. Bogatkin-Uusküla M., Sutrop U. Tänapäeva ungari keele põhivärvinimed. *Keel ja Kirjandus*. 2005;(7):558–570. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=4240> (дата обращения: 02.03.2025).
8. Avagyan N., Nersisyan N. The Perception of *Black* and *White* in English and Armenian Idioms. *Armenian Folia Anglistika*. 2024;20(1):142–152. <https://doi.org/10.46991/AFA/2024.20.1.142>
9. Özgen E., Davies I.R.L. Turkish Color Terms: Tests of Berlin and Kay's Theory of Color Universals and Linguistic Relativity. *Linguistics*. 1998;(36):919–956. <https://doi.org/10.1515/ling.1998.36.5.919>
10. Davies I.R.L., Davies Ch., Corbett G.G. The Basic Colour Terms of Ndebele. *African Languages and Cultures*. 1994;7(1):36–48. <https://doi.org/10.1080/09544169408717774>

11. Uusküla M. Distribution of Colour Terms in Ostwald's Colour Space in Estonian, Finnish, Hungarian, Russian and English. *Trames*. 2006;10(2):152–168. <https://doi.org/10.3176/tr.2006.2.04>
12. Uusküla M., Sutrop U. Preliminary Study of Basic Colour Terms in Modern Hungarian. *Linguistica Uralica*. 2007;43(2):102–123. <https://doi.org/10.3176/lu.2007.2.04>
13. Turunen R. Die Farbzeichnungen im Mokscha-Mordwinischen. *Finnisch Ugrische Forschungen*. 2002;(57):167–194. (In Germ.)
14. Цыбина Л.В., Комиссарова Н.Г., Зиновьев Е.В. Структурно-семантические типы фразеологизмов с компонентом части тела. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;(4):1–7. <https://elibrary.ru/ildppe>
15. Водясова Л.П. Фразеологизмы-символы со значением «части человеческого тела» в русском и эрзянском языках. *Novainfo*. 2016;(54):146–150. URL: <https://novainfo.ru/article/8524> (дата обращения: 02.03.2025).
16. Дригалова Е.Д., Мосина Н.М. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом «rää» / «голова» в финском и русском языках. *Ogarev-online*. 2017;5(8):1–5. URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/283210> (дата обращения: 02.03.2025).
17. Мосина Н.М., Казаева Н.В. Семантическая характеристика и особенности фразеологических единиц с компонентом-соматизмом fej / rää / пря 'голова' в венгерском, финском и мокшанском языках. *Финно-угорский мир*. 2017;(3):39–46. URL: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/2023> (дата обращения: 02.03.2025).
18. Алиева П.Г. Цветовой код культуры во фразеологизмах разных языков. *Мир науки, культуры, образования*. 2023;(3):344–346. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-3100-344-346>
19. Балуян С.Р., Цыс А.А. Ахроматические колоронимы в составе идиоматических выражений: сравнительный анализ русского, английского и немецкого языков. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023;(3):57–67. URL: <https://journals.vsu.ru/lic/article/view/11456> (дата обращения: 04.03.2025).
20. Шумбасова С.С. Фразеологизмы с компонентом колоронимом “черный” и “белый” в английском и немецком языках: типологическое исследование. *Казанская наука*. 2024;(6):224–226. <https://elibrary.ru/iofdlc>
21. Зольникова Ю.В. Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009;(30):88–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetooboznacheniya-vo-frazeologicheskoy-kartine-mira-nemetskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 02.03.2025).

Информация об авторах:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, SPIN-код: 2575-6811, natamish@rambler.ru

Комиссарова Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7236-4530>, SPIN-код: 4214-9203, natakomis@mail.ru

Вклад авторов:

Н. М. Мосина – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык.

Н. Г. Комиссарова – создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 30.04.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 21.07.2025.

REFERENCES

1. Davies I.R.L., Corbett G.G. A Practical Field Method for Identifying Basic Colour Terms. *Languages of the World*. 1995;(9):25–36.
2. Davies I.R.L., Corbett G.G. The Basic Color Terms of Russian. *Linguistics*. 1994;32(1):65–89. <https://doi.org/10.1515/ling.1994.32.1.65>
3. Davies I.R.L., Corbett G.G., Margalef J.B. Colour Terms in Catalan: An Investigation of Eighty Informants, Concentrating on the Purple and Blue Regions. *Transactions of the Philological Society*. 1995;(93):17–49. Available at: <https://elck.ru/3MzXfj> (accessed 02.03.2025).
4. Kargina E.M. Structural and Stylistic Features of German Phraseological Units with a Coloronym Component. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1):5–11. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU/article/view/1994-2796-2024-483-1-12-21> (accessed 04.03.2025).
5. Sutrop U. Eesti keele põhivärvinimed. *Keel ja Kirjandus*. 1995;(12):797–808. (In Est.)
6. Sutrop U. The Basic Colour Terms of Estonian. *Trames*. 2000;4(2):143–168. <https://doi.org/10.3176/tr.2000.2.03>

7. Bogatkin-Uusküla M., Sutrop U. Tänapäeva ungari keele põhivärvinimed. Keel ja Kirjandus. 2005;(7):558–570. (In Est.) Available at: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=4240> (accessed 02.03.2025).
8. Avagyan N., Nersisyan N. The Perception of Black and White in English and Armenian Idioms. *Armenian Folia Anglistika*. 2024;20(1):142–152. <https://doi.org/10.46991/AFA/2024.20.1.142>
9. Özgen E., Davies I.R.L. Turkish Color Terms: Tests of Berlin and Kay's Theory of Color Universals and Linguistic Relativity. *Linguistics*. 1998;(36):919–956. <https://doi.org/10.1515/ling.1998.36.5.919>
10. Davies I.R.L., Davies Ch., Corbett G.G. The Basic Colour Terms of Ndebele. *African Languages and Cultures*. 1994;7(1):36–48. <https://doi.org/10.1080/09544169408717774>
11. Uusküla M. Distribution of Colour Terms in Ostwald's Colour Space in Estonian, Finnish, Hungarian, Russian and English. *Trames*. 2006;10(2):152–168. <https://doi.org/10.3176/tr.2006.2.04>
12. Uusküla M., Sutrop U. Preliminary Study of Basic Colour Terms in Modern Hungarian. *Linguistica Uralica*. 2007;43(2):102–123. <https://doi.org/10.3176/lu.2007.2.04>
13. Turunen R. Die Farbzeichnungen im Mokscha-Mordwinischen. *Finnisch Ugrische Forschungen*. 2002;(57):167–194. (In Germ.)
14. Tsybina L.V., Komissarova N.G., Zinovev Y.V. Structural and Semantic Types of Phraseological Units with a Body Part Component. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;(4):1–7. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ildppc>
15. Vodyasova L.P. [Phraseological Symbols with the Meaning of “Parts of the Human Body” in Russian and Erzya]. *Novainfo*. 2016;(54):146–150. (In Russ.) Available at: <https://novainfo.ru/article/8524> (accessed 02.03.2025).
16. Drigalova E.D., Mosina N.M. Phraseological Units with Somatism “Pää” / “Head” in Finnish and Russian Languages: A Comparative Analysis. *Ogarev-online*. 2017;5(8):1–5. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/283210> (accessed 02.03.2025).
17. Mosina N.M., Kazaeva N.V. Semantic Characteristics and Features of Phraseological Units with Component-Somatism fej / pää / пря ‘Head’ in the Hungarian, Finnish and Moksha Languages. *Finno-Ugric World*. 2017;(3):39–46. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/2023> (accessed 02.03.2025).
18. Alieva P.G. Color Code of Culture in Phraseological Units of Different Languages. *The World of Science, Culture and Education*. 2023;(3):344–346. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-3100-344-346>
19. Baluyan S.R., Tsys A.A. Achromatic Colour Terms in Ideomatic Expressions: A Comparative Survey of Russian, English and German. *Proceedings of Voronezh State University. Ser.: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023;(3):57–67. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.vsu.ru/lic/article/view/11456> (accessed 04.03.2025).
20. Shumbasova S.S. [Phraseological Units with the Component Coloronym “Black” and “White” in English and German: A Typological Study]. *Kazanskaya nauka*. 2024;(6):224–226. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iofdlc>
21. Zolnikova Yu.V. [Color Designations in the Phraseological Worldview of the German and Russian Languages]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;(30):88–93. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetoooboznacheniya-vo-frazeologicheskoy-kartine-mira-nemetskogo-i-russkogo-yazykov> (accessed 02.03.2025).

Information about the authors:

Natalya M. Mosina, Dr.Sci. (Philol.), Professor of the Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, SPIN-code: 2575-6811, natamish@rambler.ru

Natalya G. Komissarova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the English language for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7236-4530>, SPIN-code: 4214-9203, natakomis@mail.ru

Authors' contribution:

N. M. Mosina – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; development of methodology; conducting a research and investigation process, specifically performing the data; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation).

N. G. Komissarova – manuscript creation and preparation: critical analysis of the manuscript draft, incorporation of comments and revisions by members of the research team, including at both pre-publication and post-publication stages.

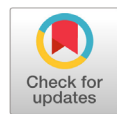
All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 30.04.2025; revised 14.07.2025; accepted 21.07.2025.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.293-306><https://elibrary.ru/qptmbi>

УДК / UDC 81'367.622.13:811.511.152.1

Оригинальная статья / Original article

Вербализация имени существительного в эрзянских говорах Присурья

И. Н. Рябов , Н. А. Агафонова, Г. В. Рябова*МГУ им. Н. П. Огарёва,**г. Саранск, Российская Федерация* *ryabov.74@bk.ru*

Аннотация

Введение. Лексикализация различных частей речи в мордовских языках остается сложным и малоизученным явлением в финно-угроведении. Данный процесс обусловлен спецификой морфологического строя этих языков, для которых характерно наличие парадигм склонения и спряжения у большинства частей речи, что создает предпосылки для изменения их грамматического статуса. Цель исследования – рассмотреть вербализованные имена существительные на диалектном материале эрзянских говоров Присурья, выявить особенности функционирования данных словоформ.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили диалектные записи авторов, собранные во время лингвистических экспедиций 2022, 2023, 2024 гг. в эрзянских селах Присурья Республики Мордовия, Пензенской области и Чувашской Республики. Сбор полевого материала проводился по программе-вопроснику. В процессе работы применялись следующие методы исследования: описательный – позволил проследить употребление вербализованных существительных в диалектной речи носителей эрзянского языка; сравнительный и структурный дали возможность выявить и показать специфику образования и функционирования анализируемых словоформ рассматриваемого ареала.

Результаты исследования и их обсуждение. В эрзянских говорах Присурья, как и в эрзянском литературном языке, широко употребителен процесс лексикализации. Один из его видов – вербализация знаменательных и служебных частей речи. При вербализации все неглаголы могут принимать сказуемостные суффиксы и изменяться по лицам, числам, временам, как глаголы. Что касается имен существительных, то не все они подвергаются процессу вербализации, а только слова с определенной семантикой, которые контекстуально и ситуативно обусловлены. Словоформы, выступающие в роли синтаксического целого, широко представлены в речи носителей языка. Эти новообразования по своим фонетическим и морфологическим особенностям не одинаковы: в говорах Чувашского Присурья, в отличие от других говоров Присурского ландшафта, при образовании вербализованных форм имени существительного перед -а-, суффиксом настоящего времени, появляется согласный -j- – интерфикс. Функционирование данных новообразований в эрзянских говорах Присурья отражает специфику рассматриваемого ареала.

Заключение. Анализ языкового материала исследуемого ареала показал, что имя существительное основного склонения активно принимает сказуемостные суффиксы и имеет парадигмы спряжений. В ходе проведенного исследования выявлено, что вербализованные формы в номинативе и косвенных падежах частично сохраняют как свое лексическое, так и падежное значение, при этом глагольная морфема указывает на лицо, число и время происходящего действия. Диалектное исследование вербализации других частей речи даст возможность показать особенности и тенденции развития лексикализации мордовских языков.

© Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: эрзянский язык, говор, диалект, существительное, падежные формы, сказуемый суффикс, лексикализация, вербализация

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ 24-28-00534 «Цифровое описание мордовских диалектов Присурья».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рябов И.Н., Агафонова Н.А., Рябова Г.В. Вербализация имени существительного в эрзянских говорах Присурья. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):293–306. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.293-306>

Noun Verbalization in the Erzya Dialects of the Prisurye Region

I. N. Ryabov ✉, N. A. Agafonova, G. V. Ryabova
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
✉ ryabov.74@bk.ru

Abstract

Introduction. The lexicalization of various parts of speech in the Mordovian languages remains a complex and understudied phenomenon within Finno-Ugric studies. This process is determined by the specific morphological structure of these languages, which is characterized by the presence of declension and conjugation paradigms in the majority of parts of speech, thereby creating preconditions for shifts in their grammatical status. The aim of this study is to examine verbalized nouns using dialectal material from the Erzya subdialects of the Sura region and to identify the distinctive features of the functioning of these word forms.

Materials and Methods. The research material comprised dialectal records compiled by the authors during linguistic expeditions conducted in 2022, 2023, and 2024 to Erzya villages in the Prisurye region of the Republic of Mordovia, Penza Oblast, and the Chuvash Republic. The collection of field material was carried out using a questionnaire-based methodology. The following research methods were employed in the study: the descriptive method, which enabled the tracing of the use of verbalized nouns in the dialectal speech of Erzya language speakers; and the comparative and structural methods, which facilitated the identification and illustration of the specific features governing the formation and functioning of the analyzed word forms within the examined linguistic area.

Results and Discussion. In the Erzya dialects of the Prisurye region, as in the literary Erzya language, the process of lexicalization is widely prevalent. One of its forms is the verbalization of significant and auxiliary parts of speech. Through verbalization, all non-verbs can adopt predicative suffixes and inflect for person, number, and tense, much like verbs. Regarding nouns, however, not all undergo the process of verbalization, but only those with specific semantics that are contextually and situationally determined. Word forms functioning as syntactic wholes are extensively represented in the speech of native speakers. These neologisms are not uniform in their phonetic and morphological characteristics: in the dialects of Chuvash Prisurye, unlike other dialects of the Prisurye landscape, the consonant -j-, an interfix, appears before -a-, the present tense suffix, in the formation of verbalized noun forms. The functioning of these neologisms in the Erzya dialects of the Sur region reflects the specificity of the area under consideration.

Conclusion. An analysis of the linguistic material from the studied area has demonstrated that nouns of the primary declension actively adopt predicative suffixes and exhibit conjugation paradigms. The conducted research has revealed that verbalized forms in the nominative and oblique cases partially retain both their lexical and case meanings, while the verbal morpheme indicates the person, number, and tense of the action. A dialectological study of the verbalization of other parts of speech would provide an opportunity to elucidate the specific features and tendencies in the lexicalization of the Mordovian languages.

Keywords: the Erzya language, dialect, noun, case forms, predicate suffix, lexicalization, verbalization

Funding: The publication was prepared as part of the implementation of the Russian Science Foundation grant 24-28-00534 “Digital description of the Mordovia dialects of the Prisursky region”.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. Noun Verbalization in the Erzya Dialects of the Prisurye Region. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):293–306. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.293-306>

Введение

Для эрзянских говоров Присурья, как и для мордовских литературных языков и других диалектов и говоров, типологической особенностью является возможность разных частей речи (кроме глагола) иметь парадигмы склонений и спряжений. Это явление в научной литературе называют транспозицией, или процессом лексикализации. Данные лексемы представляют собой семантически гибридные образования. Академик В. В. Виноградов писал, что «в живом языке... грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую...»¹. А. М. Пешковский, исследуя типы перехода слов в системе частей речи русского языка, отмечал, что «процесс этот вечен в языке...»². П. Хайду в качестве доказательства древних взаимосвязей между классами именных и глагольных основ отмечает «часто наблюдаемую генетическую общность суффиксов отыменного и отглагольного словообразования в уральских языках... Способность имен в самодийских и мордовских языках вербализоваться в позиции предиката... Вербализованное имя может в этом случае оформляться глагольными личными окончаниями и даже показателями времени»³.

В мордовских языках процесс лексикализации представляет собой сложное явление, которому подвержены как знаменательные, так и служебные части речи, кроме финитных форм глагола. Различают несколько видов лексикализации: субстантивация, адъективация, прономинализация, вербализация.

Целью статьи является исследование процесса вербализации имен существительных и их падежных форм в эрзянских говорах Присурья, выявление особенностей их образования и функционирования. Процесс вербализации имен унаследован от уральского праязыка. Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью вопроса вербализации в мордовском языкознании.

Обзор литературы

Присурские говоры эрзянского языка были объектом исследования многих ученых, которые рассматривали как морфологическую структуру⁴, так и фонетическую составляющую его диалектов⁵. Изучение диалектной специфики языка и его литературных форм – актуальное направление для финно-угорской науки в целом⁶ [1; 7–9]. Классификации мордовских говоров Присурья посвящены работы Д. В. Цыганкина⁷, в которых автор анализирует их фонетические, лексические и морфологические особенности. Исследователи присурского диалектного ландшафта отмечают, что данные говоры различаются между собой по многим показателям: свою специфику имеет система вокализма [3] и консонантизма [4]; прослеживаются отличия при выражении

¹ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк.; 1986. С. 45–46.

² Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.; 1934. С. 128.

³ Хайду П. Уральские языки и народы. Пер. с венг. Е. А. Хелимского. М.: Прогресс; 1985. С. 222.

⁴ Бибин М.Т. Говоры наскафтымской мордвы: дис. ... канд. филол. наук. Саранск; 1964. С. 19–159; Надькин Д.Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка. В кн.: Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1968. Т. 5. С. 3–198.

⁵ Обьедкин В.Д. Говор села Мордовское Давыдово Кочуровского района Мордовской АССР. В кн.: Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1963. Т. 2. С. 37–98.

⁶ Keresztes L. Chrestomathia Morduinica. Budapest: Tankönyvkiado; 1990. 204 p.; Keresztes L. Development of Mordvin Definite Conjugation. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; 1999. 266 p.; Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne; 232). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; 1999. 183 p.

⁷ Цыганкин Д.В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка. В кн.: Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1961. Т. 1. С. 291–395; Цыганкин Д.В. Слово в Присурских говорах эрзя-мордовского языка. В кн.: Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: Красный Октябрь; 2000. С. 60–70.

посессивных отношений [10] и в способах передачи объекта падежными маркерами [11]; наблюдается разница в грамматическом статусе образований на -нек [5], а также выделяются особенности в способах передачи редупликативных образований [6].

Процесс транспозиции в мордовских языках выступает в двух видах – именном и глагольном. Д. В. Бубрих⁸ и Н. Ф. Цыганов⁹ падежные словоформы, подвергшиеся субстантивации, называют «вторичным склонением». Это же явление Б. А. Серебренников¹⁰ и Д. В. Цыганкин рассматривают как «частную разновидность указательного склонения»¹¹. Лексикализацию словоформ всех неглаголов, в том числе имен существительных, способных иметь парадигмы спряжений, М. Е. Евсеев¹² и М. Н. Коляденков¹³ определяют как «изменение имен по суффиксам сказуемости». Подобного вида субстантивированные новообразования Н. А. Агафонова [2] считает «прономинализацией имен». Петер Хайду, рассматривая имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения в мордовских и самодийских языках в позиции предиката, применяет к ним термин «вербализованные имена»¹⁴, которые могут оформляться личными окончаниями и показателями времени. М. Д. Имайкина эти виды лексикализации связывает с эллипсом и называет данные процессы «временной лексикализацией», утверждая при этом, что они представляют собой проявление единства лексического и грамматического значений»¹⁵. Однако в мордовском языкознании вопрос лексикализации имен существительных на диалектном материале не получил широкого освещения.

Материалы и методы

Основную базу исследования составили диалектные материалы авторов, собранные в эрзянских селах Присурья Республики Мордовия, Пензенской области и Чувашской Республики во время лингвистических экспедиций 2022, 2023 и 2024 гг. Сбор полевого материала проводился по программе-вопроснику¹⁶.

При написании данной работы был использован комплекс методов. Описательный метод позволил зафиксировать и систематизировать случаи употребления вербализованных существительных в живой диалектной речи. Сравнительный метод дал возможность провести анализ особенностей образования и функционирования исследуемых словоформ в разных говорах Присурья. Структурный метод был применен для анализа внутреннего устройства вербализованных форм и их парадигматических отношений. Сочетание этих методов обеспечило многоаспектность исследования и позволило выявить как общеэрзянские черты вербализации, так и специфические особенности, характерные для говоров данного ареала.

Результаты исследования и обсуждение

Типологической особенностью мордовских языков является частеречная транспозиция или лексикализация, которая выражается в возможности разных частей речи иметь парадигмы склонений или спряжений, при этом условный эллипсис замещается морфологическими маркерами соответствующей части речи или ее формы.

⁸ Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1953. 272 с.

⁹ Цыганов Н.Ф. Вторичное склонение существительного. В: Уч. зап. Мордов. ун-та. № 43. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1964. С. 192–197.

¹⁰ Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука; 1967. С. 50.

¹¹ Цыганкин Д.В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск; 1978. С. 18.

¹² Евсеев М.Е. Основы мордовской грамматики. В: Избранные труды: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1963. Т. 4. С. 101–103; 118–125; 292.

¹³ Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 2.: Синтаксис. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1954. С. 97–109.

¹⁴ Хайду П. Уральские языки и народы. С. 222.

¹⁵ Имайкина М.Д. Временная лексикализация в мордовских языках – проявление единства лексического и грамматического значений. В: Вопросы лексикологии финно-угорских языков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 1989. С. 56–71.

¹⁶ Агафонова Н.А., Рябов И.Н., Рябова Г.В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 2018. 80 с.

В мордовских языках наиболее употребляемый вид транспозиции – вербализация, при которой от неглаголов образуются парадигмы спряжений со сказуемостными суффиксами лица, числа и времени. Этому виду лексикализации подвержены все части речи, кроме финитных форм глагола. В этом случае одна языковая единица выступает в функции другой. Основным для всех является то, что «они представляют собой особые сложные по структуре и по семантике лексико-грамматические единицы. Специфика этих образований заключается в том, что в одной и той же словоформе наличествуют два ведущих морфологических ядра и, следовательно, две семантемы» [1].

Лексикализация частей речи может быть разных видов – субстантивация, адъективация, прономинализация, вербализация. Наш полевой материал показывает, что в анализируемых говорах процесс вербализации имени существительного широко употребителен. Имя существительное может подвергаться вербализации как в номинативе, так и во многих косвенных падежах.

Номинатив. Падежные новообразования от имени существительного в номинативе принимают глагольные суффиксы лица, числа и времени (табл. 1–4).

Из таблицы 1 видно, что имена существительные-новообразования 1-го и 2-го лица принимают морфологические показатели времени, лица, числа. При этом 3-е лицо настоящего времени не принимает сказуемостные суффиксы. Необходимо отметить, что в самой глагольной парадигме 3-е лицо образовано от причастия на -и /-ы, например: ливт-и ‘он летит’ → ‘летающий’ (сеське ливти ‘комар летит’ / ливти нармунь а неят ‘летающую птицу не увидишь’), корт-ы ‘он говорит’ → ‘говорящий’ (цёрась корты ‘мужчина говорит’ / корты ломань а марят ‘говорящего человека не услышишь’).

Особенностью диалектной парадигмы эрзянских говоров Чувашского Присурья является то, что в вербализованных словах, оканчивающихся на гласный звук, перед суффиксом -а- настоящего времени появляется согласный -j-, который выполняет функцию интерфикса (в агглютинативных языках интерфиксами могут быть как гласные, так и согласные звуки). Его появление фиксируется только в формах 1-го и 2-го лица единственного числа говоров Чувашского Присурья, ср.: *pokškuda-j-a-n* (Нпл.), но *pokškud(a)-a-n* (Вшл.) ‘я есть поезжанин’; *at'a-j-a-t* (Нпл.), но *at'(a)-a-t* (Кчк.) ‘ты есть старик’. Присутствие согласного интерфикса -j- в говорах рассматриваемого региона в этом случае связано с фонетическим процессом «эпентеза». Он вступает в силу на основе законов морфонологии эрзянского языка, когда на стыке двух морфем между двумя гласными – конечной гласной основы слова и морфологического маркера настоящего времени -а- – появляется согласный для отсутствия слияния двух морфем. Это явление характерно северо-западному диалектному типу, который

Т а б л и ц а 1. Настоящее время (единственное число). Номинатив
T a b l e 1. Present tense (singular). Nominative

Лицо / Person	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. / 1 р. мон / mon	<i>av(a)-a-n</i>	<i>ava-j-a-n</i>	аван	я есть женщина
	<i>t'äjt'ir'-a-n</i>	<i>t'ejt'er'-a-n</i>	тейтерян	я есть девушка
	<i>žab(a)-a-n</i>	<i>ekakš-a-n</i>	эйкакшан	я есть ребенок
2 л. / 2 р. тон / ton	<i>av(a)-a-t</i>	<i>ava-j-a-t</i>	ават	ты есть женщина
	<i>t'äjt'ir'-a-t</i>	<i>t'ejt'er'-a-t</i>	тейтерят	ты есть девушка
	<i>žab(a)-a-t</i>	<i>ekakš-a-t</i>	эйкакшат	ты есть ребенок
3 л. / 3 р. сон / son	<i>ava</i>	<i>ava</i>	ава	она (есть) женщина
	<i>t'äjt'ir'</i>	<i>t'ejt'er'</i>	тейтерь	она (есть) девушка
	<i>žaba</i>	<i>ekakš</i>	эйкакш	он (есть) ребенок

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Source: Here and throughout the article, all tables have been compiled by the authors.

считается одним из архаичных типов эрзянского диалектного ареала. В других эрзянских говорах Присурья на стыке двух морфем, наоборот, наблюдается фонетический процесс диэреза, когда происходит выпадение конечной гласной основы слова перед суффиксом *-a-* настоящего времени, как и в литературном языке.

Согласно таблице 2, имена существительные в говорах Присурья не одинаковы как по своим фонетическим, так и морфологическим особенностям. Так, в говорах сс. Качелай, Кочкурово, Сабаетово Кочкуровского района Республики Мордовия и сс. Напольное, Сыреси, Рындино Поречского района Чувашской Республики морфологические маркеры 1-го лица множественного числа разительно отличаются друг от друга. Ср.: *c'ora-t-a-m*, *ur'va-t-a-m*, *at'a-t-a-m* (Сбв.) / *c'ora-t-a-n-o-k*, *ur'va-t-a-n-o-k*, *at'a-t'-a-n-o-k* (Нпл.) 'мы есть мужчины', 'мы есть снохи', 'мы есть старики'. В говоре с. Кочкурово в форме 1-го лица множественного числа морфологический маркер прозрачен: *-t-a-m*, где *-t-* – показатель множественного числа, *-a-* – показатель настоящего времени, *-m* является суффиксом 1-го лица. В говоре с. Напольное: *-t-a-n-o-k*, где *-t-* – показатель множественного числа, *-a-* – показатель настоящего времени, *-n-* – суффикс 1-го лица, *-o-* – интерфикс, *-k* – архаичный суффикс множественного числа, который сохранился в говорах такого типа до настоящего времени (этот же суффикс *-k* широко употребляется в посессивных суффиксах 1-го и 2-го лица множественного числа).

Полевой материал показывает, что в номинативе не все имена существительные могут принимать сказуемостные суффиксы. Процессу вербализации подвергаются только существительные с определенным значением, чаще всего это лексемы с семантикой одушевленности, ср.: *loman'* (Кчл., Ср.) 'человек' → *loman'an* 'я есть человек'; *t'ät'a* (Кчк.) / *t'et'a* (Рнд.) 'отец' → *t'ät'at* / *t'et'ajat* 'ты есть отец'; *sazır* (Сбв.) / *jalaks* (Нпл.) 'младшая сестра' → *sazırtadâ* / *jalakstado* 'вы есть младшие сестры'; *p'is'mar* (НПр., Алт.) 'скворец' → *p'is'maran* 'я есть скворец'; *numulâ* (Кчк.) / *numolo* (Атр.) 'заяц' → *numulat* / *numolojat* 'ты есть заяц'; *r'iv'iz'* (Кчк.) / *r'iv'ez'* (Алт.) 'лиса' → *r'iv'is't'am* / *r'iv'es't'anok* 'мы есть лисы'. Вербализованные лексемы, относящиеся к тематической группе «животные и птицы», указывают на человека и одновременно дают ему характеристику. Например: *v'id'i parı ofıat* (Кчк.) 'ты (есть) прямо настоящий увальень (букв. медведь)'; *vij kodamo r'ev'ejan* (Нпл.) 'ой какая я (есть) глупая (букв. овца)'.

В эрзянском диалектном ареале, так же как и в литературном языке, вербализованные новообразования имени существительного в номинативе, кроме парадигм настоящего времени, имеют парадигмы II прошедшего времени.

Личные окончания в этой парадигме идентичны личным окончаниям прошедшего времени безобъектного спряжения. С точки зрения этимологии морфологический маркер прошедшего времени вербализованных имен, выступающих в роли предиката, является сокращенной формой глагола *ul'ems* 'быть, есть, являться', который преобразовался в формант II прошедшего времени *-l'*.

В представленной парадигме сказуемостные суффиксы множественного числа совпадают с личными окончаниями глагола II прошедшего времени безобъектного спряжения.

Таблица 2. Настоящее время (множественное число). Номинатив

Table 2. Present tense (plural). Nominative

Лицо / Person	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. / 1 p. минь / <i>m'in'</i>	<i>ava-t-a-m</i> <i>t'äjt'ir'-t'-a-m</i> <i>žaba-t-a-m</i>	<i>ava-t-a-n-ok</i> <i>t'ejt'er'-t'-a-n-o-k</i> <i>ekakš-t-a-n-o-k</i>	аватано тейтертяно эйкакштано	мы есть женщины мы есть девушки мы есть дети
2 л. / 2 p. тынь / <i>tin'</i>	<i>ava-t-a-da</i> <i>t'äjt'ir'-t'-a-dâ</i> <i>žaba-t-a-da</i>	<i>ava-t-a-do</i> <i>t'ejt'er'-t'-a-do</i> <i>ekakš-t-a-do</i>	аватадо тейтертядо эйкакштадо	вы есть женщины вы есть девушки вы есть дети
3 л. / 3 p. сынъ / <i>sin'</i>	<i>ava-t</i> <i>t'äjt'ir'-t'</i> <i>žaba-t</i>	<i>ava-t</i> <i>t'ejt'er'-t'</i> <i>ekakš-t</i>	ават тейтерть эйкакшт	они (есть) женщины они (есть) девушки они (есть) дети

Таблица 3. Прошедшее время (единственное число). Номинатив
Table 3. Past tense (singular). Nominative

Лицо / Person	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. / 1 р. мон / mon	<i>ava-l'-i-n'</i> <i>t'ajt'ir'-i-l'-i-n'</i> <i>žaba-l'-i-n'</i>	<i>ava-l'-i-n'</i> <i>t'ejt'er'-e-l'-i-n'</i> <i>ekakš-o-l'-i-n'</i>	авалинь тейтерелинь эйкакшолинь	я была женщиной я была девушкой я был ребенком
2 л. / 2 р. тон / ton	<i>ava-l'-i-t'</i> <i>t'ajt'ir'-i-l'-i-t'</i> <i>žaba-l'-i-t'</i>	<i>ava-l'-i-t'</i> <i>t'ejt'er'-e-l'-i-t'</i> <i>ekakš-o-l'-i-t'</i>	авалить тейтерелить эйкакшолить	ты была женщиной ты была девушкой ты был ребенком
3 л. / 3 р. сон / son	<i>ava-l'</i> <i>t'ajt'ir'-i-l'</i> <i>žaba-l'</i>	<i>ava-l'</i> <i>t'ejt'er'-e-l'</i> <i>ekakš-o-l'</i>	аваль тейтерель эйкакшоль	она была женщиной она была девушкой он был ребенком

Таблица 4. Прошедшее время (множественное число). Номинатив
Table 4. Past tense (plural). Nominative

Лицо / Person	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. / 1 р. минь / m'in'	<i>ava-l'-i-n'ik</i> <i>t'ajt'ir'-i-l'-i-n'ik</i> <i>žaba-l'-i-n'ik</i>	<i>ava-l'-i-n'ek</i> <i>t'ejt'er'-e-l'-i-n'ek</i> <i>ekakš-o-l'-i-n'ek</i>	авалинек тейтерелинек эйкакшолинек	мы были женщинами мы были девушками мы были детьми
2 л. / 2 р. тынь / tin'	<i>ava-l'-i-d'ä</i> <i>t'ajt'ir'-i-l'-i-d'ä</i> <i>žaba-l'-i-d'ä</i>	<i>ava-l'-i-d'e</i> <i>t'ejt'er'-e-l'-i-d'e</i> <i>ekakš-o-l'-i-d'e</i>	авалиде тейтерелиде эйкакшолите	вы были женщинами вы были девушками вы были детьми
3 л. / 3 р. сынъ / sin'	<i>ava-l't'</i> <i>t'ajt'ir'-i-l't'</i> <i>žaba-l't'</i>	<i>ava-l'-t'</i> <i>t'ejt'er'-e-l't'</i> <i>ekakš-o-l't'</i>	авальть тейтерельть эйкакшольть	они были женщинами они были девушками они были детьми

В эрзянских говорах Присурья представленные новообразования широко употребительны в речи носителей языка. Например: *žaba-l'-i-n'ik*, *zardo kolhozov kučn'im'iz' ksnavin' kočkamâ* (Кчк.) 'мы были детьми, когда нас посылали в колхоз собирать горох'; *t'ejt'er'n'e-l'-i-t'*, *a uš l'ed'maŋ jak'il'it'* (Нпл.) 'ты была маленькой девочкой, но уже на сенокос ходила'. Рассматриваемые вербализованные новообразования полностью не переходят в разряд глаголов, поскольку именная морфема указывает на субъект действия или несет семантическое значение подлежащего, а глагольная морфема отражает семантику предиката, указывая на лицо, число и время происходящего действия. Их лексико-семантическое значение равнозначно целому предложению. Необходимо отметить, что новообразования такого типа являются средством обогащения лексического запаса мордовских языков.

Вербализация косвенных падежных форм. В рассматриваемом диалектном ареале, кроме номинатива имен существительных, процессу вербализации подвергаются косвенные падежные формы инессива, элатива, пролатива, транслатива, компаратива и абессива. По степени функционирования в исследуемых говорах они не одинаковы. Одни из них широко употребительны, другие – встречаются реже. В эрзянских говорах Присурья в роли предиката чаще всего выступают падежные формы инессива, компаратива и абессива имени существительного.

Генитив. На факт отсутствия сказуемого изменения указывал Д. В. Бубрих: «В парадигме имени существительного вне сказуемого изменения стоят только формы родительного падежа и сходные с ними падежеобразные формы»¹⁷. М. Д. Имайкина, описывая временную лексикализацию, отмечает, что «в эрзянском языке с подобной семантикой (генитива) функционирует только местоименная основа»¹⁸. Наличие местоименных генитивных форм актуально и для анализируемых говоров, например:

¹⁷ Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. С. 97.

¹⁸ Имайкина М.Д. Временная лексикализация в мордовских языках – проявление единства лексического и грамматического значений. С. 65.

t'äjt'ir'is' tink'il' (НПр.) 'эта девушка вашей была', *l'emb'i k'emt'n'ä tin'c'ink'il't'* (Кчк.) 'эти валенки ваши-свои были'; *n'et' lomat'n'e m'in'ek'el't'* (Нпл.) 'эти люди наши были'.

Результаты полевого материала авторов показывают, что падежная форма генитива имени существительного может принимать сказуемостные суффиксы. Однако стоит отметить, что в исследуемых говорах вербализация генитивных форм существительных зарегистрирована только с посессивными суффиксами, например: *pokšt'anzil'* (Кчк.) / *bod'anzol'* (Нпл.) 'его деда был', где *pokšt'a-* / *bod'a-* – основа слова, *-n-* – морфологический маркер генитива, *-zi-* / *-zo-* – посессивный суффикс 3-го лица единственного числа, *-l'* – морфема II прошедшего времени. Как показывают диалектные данные, падежная форма генитива в парадигме спряжения принимает сказуемостные суффиксы только в 3-м лице: *t'e l'äm'is't'ät'än't'ät'änzil'* (Кчк.) 'это имя было моего прадеда по отцу'; *pac'as' avanz'ol'* (Нпл.) 'этот платок ее матери был'; *l'äl'än'n'il'ä žabanzil't' di kaftâ nuckanzil't'* (Кчк.) 'у моего старшего брата было четверо детей и двое внуков'. В словоформах *t'ät'än-zi-l'*, *avan-z'o-l'*, *žaban-zi-l't'*, *nuckanzil't'* основой для образования вербализованных форм является не абсолютная форма имени существительного (*t'ät'ä-*, *ava- žaba-*, *nucka-*), а форма генитива, где *-n* выступает как деривационная, а не словоизменительная морфема. Для большей актуализации в синтаксических конструкциях вербализованные формы такого типа зачастую стоят перед подлежащим, например: *t'et'anzol' – p'r'ev'ejč'is'*, *avanzol' – mazič'is'* (Атр.) 'ум у нее был от отца, а красота была от матери'.

Таким образом, для говоров исследуемого ареала характерна вербализация генитивных форм существительных, при этом сказуемостные суффиксы зарегистрированы только с посессивными суффиксами: *pulajes' avan' pat'a-n-z'o-l'* 'этот пулай был старшей сестры моей матери'.

В анализируемых говорах Присурья вербализованные падежные формы датива, аблатива и иллатива как новообразования в речи информантов нами не зарегистрированы.

Инессив. В исследуемом диалектном ландшафте, как и в эрзянском литературном языке, падежные формы инессива являются весьма распространенным средством выражения предикативности. Вербализованные формы инессива, как и номинативные формы имен существительных, представляют собой частичное приобретение семантического значения глагола, его категориальных черт – лица, числа, времени и синтаксических функций (табл. 5. 6).

В мордовских языках основные значения инессива – обозначение места, в пределах которого что-либо совершается, а также средство или орудие, при помощи которого совершается действие. Само значение этого падежа предполагает появление вербализованных форм с подобной семантикой. Например: *kudu-s(ä)-a-n* (Кчк.) / *kudo-so-j-a-n* (Рнд.) 'я нахожусь дома'; *alaša-si-t-a-m* (НПр.) / *l'išm'e-se-t'-a-nok* (Нпл.) 'мы едем (букв. находимся) на лошади'. Это характерно и для настоящего, и для прошедшего времени.

Опираясь на представленные парадигмы спряжений падежных форм, можно определить, что с точки зрения семантики структура вербализованных форм имен существительных прозрачна, а сложность этих новообразований в том, что в одной и той же словоформе имеются два ведущих морфологических ядра, или две семантемы. Так, например, форма *v'äl'isil'in'ik* (Кчк.) / *v'el'esel'in'ek* (Нпл.) 'мы были в селе' по своей структуре состоит из 5 морфем: 1) *v'äl'ä-* / *v'el'e-* – корневая морфема; 2) *-si-* / *-se-* – суффикс инессива, служебная (или словоизменительная) морфема; 3) *-l'* – глагольный суффикс II прошедшего времени; 4) *-i* – суффикс I прошедшего времени; 5) *-n'ik* / *-n'ek* – суффикс 1-го лица множественного числа, в котором совмещены две морфемы: *-n'* – указывает на 1-е лицо субъекта, *-e-* – интерфикс, *-k* – показатель множественного числа (следует отметить, что глагольный суффикс лица *-n'ek* идентичен посессивному суффиксу 1-го лица множественного числа *-nok* / *-n'ek*, ср.: *v'äl'inik* (Кчк.) / *v'el'en'ek* (Нпл.) 'наше село / наши села').

Таблица 5. Настоящее время (единственное и множественное число). Инессив
Table 5. Present tense (singular and plural). Inessive

Лицо / Person	Число / Number	Кчк. / Kčk.	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. /	мон / <i>mon</i>	<i>paks'asan</i>	<i>paks'asojan</i>	паксясан	я нахожусь в поле
1 р.	минь / <i>m'in</i>	<i>paks'asitam</i>	<i>paks'asotanok</i>	паксясотано	мы находимся в поле
2 л. /	тон / <i>ton</i>	<i>paks'asat</i>	<i>paks'asojat</i>	паксясат	ты находишься в поле
2 р.	тынь / <i>tin</i>	<i>paks'asitadâ</i>	<i>paks'asotanok</i>	паксясотода	вы находитесь в поле
3 л. /	сон / <i>son</i>	<i>paks'asâ</i>	<i>paks'aso</i>	паксясо	он (находится) в поле
3 р.	сынъ / <i>sin</i>	<i>paks'asit</i>	<i>paks'asot</i>	паксясот	они (находятся) в поле

Таблица 6. Прошедшее время (единственное и множественное число). Инессив
Table 6. Past tense (singular and plural). Inessive

Лицо / Person	Число / Number	Кчк. / Kčk	Нпл. / Npl.	Э. л. / E. l.	Перевод / Translation
1 л. /	мон / <i>mon</i>	<i>paks'asil'in</i>	<i>paks'asol'in</i>	паксясолинь	я был в поле
1 р.	минь / <i>m'in</i>	<i>paks'asil'in'ik</i>	<i>paks'asol'in'ek</i>	паксясолинек	мы были в поле
2 л. /	тон / <i>ton</i>	<i>paks'asil'it</i>	<i>paks'asol'it</i>	паксясолить	ты был в поле
2 р.	тынь / <i>tin</i>	<i>paks'asil'id'ä</i>	<i>paks'asol'id'e</i>	паксясолиде	вы были в поле
3 л. /	сон / <i>son</i>	<i>paks'asil</i>	<i>paks'asol</i>	паксясолъ	он был в поле
3 р.	сынъ / <i>sin</i>	<i>paks'asil't</i>	<i>paks'asol't</i>	паксясолтъ	они были в поле

Однако это морфемное членение слова. С точки зрения критериев словообразования лексема *p'ir'isil'in'ik* (Вшл.) / *p'ir'esel'in'ek* (Алт.) ‘мы были на огороде’ бинарна: производящая основа *p'ir'isi-* / *p'ir'ese-* – падежная форма инессива, где *-so-* – словоизменятельный суффикс. Он выступает в данной словоформе как деривационная морфема. Иными словами, новая лексема образована не от основы номинатива *p'ir'ä-* / *p'ir'e-* ‘огород’, а от формы инессива *p'ir'isi-* / *p'ir'ese-* ‘в огороде’, где *-si-* / *-se-* выступает как словообразовательная морфема. Сказуемостными суффиксами являются глагольные морфемы времени, лица, числа: *-l'in'ik* / *-l'in'ek*. В словоформах анализируемого типа структура этой морфемы состоит из нескольких элементов: *-l'* – морфологический показатель II прошедшего времени; *-i-* – морфологический показатель I прошедшего времени; *-n'* – суффикс 1-го лица – субъект действия; *-i-* / *-e-* – интерфикс; *-k* – суффикс множественного числа. Сказуемый суффикс *-n'ik* / *-n'ek* омонимичен лично-притяжательному суффиксу 1-го лица множественного числа.

В новообразованиях сказуемые суффиксы функционально замещают лексические морфемы объекта действия, глагола времени «улемс» ‘быть’, субъекта действия и числа. М. Д. Имайкина отмечает, что «вербализация имени существительного представляет собой временное и частичное приобретение черт глагола...»¹⁹. Смыслообразующая функция вербализованного новообразования совпадает с целым предложением, они могут быть взаимозаменяемы. Ср.: *v'äl'isan* (Кчк.) / *v'el'esejan* (Рнд.) и *mon v'äl'isâ* / *v'el'ese* ‘я нахожусь в деревне’; *v'ir'cil'it* (Сбв.) / *v'ir'sel'it* (Срс.) и *ton ul'n'it v'ir'câ* / *v'ir'se* ‘ты был в лесу’. Несмотря на то, что данные словоформы омонимичны целым предложениям, они широко употребительны в речи носителей языка. Например: *čindzi čop kardajsil'in* (Кчк.) ‘целый день была во дворе’; *t'ät'ät di od pokštat čop v'ir'cil't* (Кчк.) ‘твой отец с твоим дядей целый день находились в лесу’ / *avam vasolbaban' marto c'er'kuvasol't* (Нпл.) ‘моя мама с бабушкой (по материнской линии) были в церкви’. Следовательно, их роль определяется агглютинативностью мордовских языков, где язык стремится к уменьшению произносительных затрат и сокращению языковых средств речи.

¹⁹ Имайкина М.Д. Временная лексикализация в мордовских языках – проявление единства лексического и грамматического значений. С. 67.

Элатив. В рассматриваемых говорах вербализованные формы элатива, так же как и инессива, весьма распространены в речи носителей языка. Появление элативных новообразований связано с ситуативной направленностью речи и лексической обусловленностью вводимых словоформ, например: *il'a s'alk ur'vat'n'in'*, *Paz'elka-sti-l' ur'vanik* (Пзлк.) 'не ругай этих снох, сноха наша была с Пазелок'; *v'ečk'emas'an'c'ak od ška-sti-l'* (Кчк.) 'эта любовь только в молодости была'; *ton, jalgaj, kostojať? – Alv'el'e-ste-jan* (Нпл.) 'ты, друг, откуда? – я из Напольного'; *kokojen'vas'en'c'e alužozo Murzastol'* (Срс.) 'первая невеста моего крестного была из Рындино'. Анализируемые словоформы со сказуемостными суффиксами активно функционируют как в настоящем, так и в прошедшем времени.

Пролатив. Анализ фактического материала дает возможность утверждать, что среди существительных, образованных путем присоединения сказуемостных суффиксов, падежные формы пролатива тоже часто подвергаются процессу вербализации. Например: *pat'andzi-sazirindâ l'ija gorod-ga-t-ombimastir-ga-t* (Кчк.) 'ее старшие и младшие сестры находятся в других городах, за границей (букв. по другим городам, по заграницам)' / *soks'in'b'er't' skaltne-r'ev'et'n'e kardazgal't'* (Нпл.) 'всю осень коровы-овцы были в хлеву'.

Компаратив. По степени употребительности компаративные новообразования являются весьма продуктивными, например: *c'oran't' suduzâ c'otmarškal'* (Кчк.) 'у этого мужчины нос был с дубинку'; *Palagan'ekakšos't' k'ed'n'enze-p'il'g'in'enze sur'in'eškal't'* (Срс.) 'у ребенка Пелагеи ручки-ножки были с ниточку (толщиной)'; *v'er'g'izeškal' k'iskas'* (Нпл.) 'собака была (величиной) с волка'; *t'ajt'ir'n'in't' vakančkat s'al'm'inzâ* (Кчк.) 'глаза девочки величиной с блюдо'; *äčk'izâ par'čkal'* (НПзм.) 'толщина ее была с кадушку'; *olgâ ulavist kuduškal'* (Кчк.) / *olgo št'em'est kudoškal'* (Нпл.) 'их воз соломы (был) с дом'.

Абессив. Вербализованные формы абессива в речи носителей эрзянских говоров Присурья являются весьма распространенным явлением: *kuduftuman* (Кчк.) / *kudoftomajan* (Нпл.) 'я (есть) без дома'; *p'ajt'imat* (Кчк.) / *p'ejt'emat* (Нпл.) 'ты беззубый'; *pr'äft'im'il'id'ä* (Кчк.) / *pr'eft'em'el'id'e* (Нпл.) 'вы были без ума'. Сама семантика абессива дает возможность образованию словоформ со сказуемостными суффиксами. Возможно, это определяется основными значениями падежа, указывающими на предмет или лицо, без которого нельзя или можно совершать действия, без которого кто-либо или что-либо существует в реальной действительности и др. Ср.: *kuvat'Ruzajifkasâ är'amitarka-ftimi-l'in'* (Кчк.) 'долго в Рузаевке я была без жилья'; *t'el'en'b'er't'šabramok p'enje-ft'eme-l'* (Нпл.) 'всю зиму наш сосед был без дров'; *k'et'-t'em(e)-a-n uš koms'eška ijâ* (НПзм.) 'я без руки уже около двадцати лет'.

Заключение

В эрзянском диалектном ареале, как и в литературном языке, широко употребителен один из видов лексикализации – вербализация. В мордовских языках процессу вербализации подвергаются разные части речи. Имя существительное в номинативе и многих косвенных падежах принимает сказуемостные суффиксы лица, числа и времени.

Ареалом исследования явились эрзянские говоры Присурья Республики Мордовия, Пензенской области и Чувашской Республики, при сравнении которых особенно наглядно прослеживаются лексические и фонетические особенности вербализованных словоформ: *sazir* (Кчк.) / *jalaks* (Нпл.) 'младшая сестра' → *sazirtadâ* / *jalakstado* 'вы есть младшие сестры'. В новообразованиях структура морфологических маркеров прозрачна: основа, с одной стороны, сохраняет в себе как лексическое, так и падежное значение, с другой стороны, принимая сказуемостные суффиксы, частично теряет свою семантику и падежность, выполняя одновременно значение сказуемостности: *odc'or(a)-a-n* (Кчк.) / *odc'ora-j-a-n* (Нпл.) 'я есть юноша'; *t'ajt'ir'-t'-a-m* (Кчк.) /

t'ejt'er'-t'-a-nok (Нпл.) 'мы есть девушки'; *v'ir'-si-l'i-n'ik* (Кчк.) / *v'ir'-se-l'i-n'ek* (Нпл.) 'мы были в лесу'. Эти новообразования не полностью переходят в разряд глаголов: глагольная морфема только указывает на лицо, число и время происходящего действия. Значение рассматриваемых вербализованных образований совпадает с целым предложением: *kudosojan* (Нпл.) 'я нахожусь дома (букв. в доме есть я)'; *v'al'isil'it'* (Кчк.) 'ты был в деревне (букв. в селе находился ты)'.

В говорах сс. Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого и Алтышево, Атрать Алатырского районов Чувашской Республики в вербализованных новообразованиях 1-го и 2-го лица единственного числа, в которых основа слова оканчивается на гласный звук, перед суффиксом *-a-* настоящего времени выступает согласный *-j-*, выполняющий функцию интерфикса. Тогда как в эрзянских говорах сс. Качелай, Кочкурово, Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, Вышелей Городищенского и Пазелки Бессоновского районов Пензенской области конечная гласная основы слова выпадает перед сказуемым показателем настоящего времени: *odc'or(a)-a-n* (Кчк.) / *odc'ora-j-a-n* (Нпл.) 'я есть юноша'.

В анализируемых говорах сел Присурья морфологические маркеры 1-го лица множественного числа также отличаются друг от друга. Ср.: *t'ajt'ir'-t'-a-m* (Кчк.) / *t'ejt'er'-t'-a-nok* (Нпл.) 'мы есть девушки'. В говоре с. Кочкурово в форме 1-го лица множественного числа морфологический маркер прозрачен: *-t-a-m*, где *-t-* – показатель множественного числа, *-a-* – показатель настоящего времени, *-m* – суффикс 1-го лица. В говоре с. Напольное сказуемый суффикс *-t-a-n-o-k* также прозрачен: *-t-* – показатель множественного числа, *-a-* – показатель настоящего времени, *-n-* – суффикс 1-го лица, *-o-* – интерфикс, *-k* – суффикс множественного числа.

В рассматриваемом диалектном ареале не все имена существительные в номинативе могут подвергаться процессу вербализации, чаще всего со сказуемыми суффиксами употребляются номинативные формы с семантикой одушевленности. При этом вербализованные новообразования, обозначающие животных и птиц, указывая на человека, одновременно дают ему образную характеристику: *k'isk(a)-a-t* (Кчл.) / *k'iska-j-a-t* (Срс.) 'ты есть (как) собака'.

В исследуемых говорах вербализация генитивных форм имен существительных зарегистрирована только с посессивными суффиксами в 3-м лице: *pokšt'anzil'* (Кчк.) / *bod'anzol'* (Нпл.) *t'e kus't'imas'* 'эта лестница была его деда', где *pokšt'a-* / *bod'a-* – основа слова, *-n-* – морфологический маркер генитива, *-zi-* / *-zo-* – посессивный суффикс 3-го лица единственного числа, *-l'* – морфема II прошедшего времени.

В эрзянских говорах Присурья падежные формы инессива, элатива, компаратива и абессива являются весьма распространенными предикативными единицами: *umik uš m'ir'd'i-ft'im(i)-a-n* (Кчл.) / *umok uš m'ir'd'e-ft'em'e-j-a-n* (Нпл.) 'давно я (есть) без мужа'; *kudusu-l'i-d'ä* (Кчк.) / *kudoso-l'i-d'e* (Срс.) 'вы были дома'. В этих новообразованиях основой являются соответствующие падежные формы, где словоизменительные суффиксы выступают как деривационные морфемы, которые бинарны.

Вербализация имени существительного в номинативе, как и в косвенных падежах, имеет ситуативный характер, контекстуальную природу, связанную с особенностью морфологического строя эрзянского языка, а именно с агглютинативностью мордовских языков. Функционирование данных новообразований является резервом для пополнения лексического и грамматического ярусов языка. Исследование особенностей вербализации имени существительного данного диалектного ландшафта может стать толчком к дальнейшему рассмотрению других частей речи, подвергающихся лексикализации. Полученные сведения в исследовании вербализации имени существительного в диалектном ареале дают возможность показать специфику особенностей грамматической системы мордовских языков.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Э. л. – эрзянский литературный язык; Алт. – говор с. Алтышево Алатырского района Чувашской Республики; Атр. – говор с. Атрать Алатырского района Чувашской Республики; Вшл. – говор с. Вышелей Городищенского района Пензенской области; Кчл. – говор с. Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия; Кчк. – говор с. Кочкурово Кочкуровского района Республики Мордовия; Нпл. – говор с. Напольное Поречского района Чувашской Республики; НПр. – говор с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия; Пзлк. – говор с. Пазелки Бессоновского района Пензенской области; Рнд. – говор с. Рындино Поречского района Чувашской Республики; Сбв. – говор с. Сабаево Кочкуровского района Республики Мордовия; Ср. – говор с. Сыреси Поречского района Чувашской Республики.

ABBREVIATIONS

É. l. – Erzya literary language; Alt. – Sub-dialect of the village of Altyshevo, Alaty District, Chuvash Republic; Atr. – Sub-dialect of the village of Arat', Alaty District, Chuvash Republic; Vshl. – Sub-dialect of the village of Vyshley, Gorodishchensky District, Penza Oblast; Kchl. – Sub-dialect of the village of Kachelay, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; Kchk. – Sub-dialect of the village of Kochkurovo, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; Npl. – Sub-dialect of the village of Napol'noye, Poretskoye District, Chuvash Republic; NPr. – Sub-dialect of the village of Novaya Pyrma, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; Pzlk. – Sub-dialect of the village of Pazelki, Bessonovsky District, Penza Oblast; Rnd. – Sub-dialect of the village of Ryndino, Poretskoye District, Chuvash Republic; Sbv. – Sub-dialect of the village of Sabayevo, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; Srs. – Sub-dialect of the village of Syresi, Poretskoye District, Chuvash Republic.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Н.А. Лексикализация падежных форм имен (на материале смешанных диалектов Поволжья и Южного Урала). *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2011;(1):145–152. URL: <file:///C:/Users/000000000000121/Downloads/leksikalizatsiya-padezhnyh-form-imyona-na-materiale-smeshannyh-mordovskih-dialektov-povolzhya-i-yuzhno-go-urala.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).
2. Агафонова Н.А. Падежные формы имен и их прономинализация (на материале эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала). *Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2013;(4):133–139. URL: <https://vestniknign.ru/2013-№4> (дата обращения: 12.05.2025).
3. Агафонова Н.А., Рябова Г.В., Цыганова М.В. Особенности вокализма эрзянских говоров Присурья. *Вестник угроведения*. 2024;14(2):207–218. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-2-207-218>
4. Иванова Г.С. О происхождении консонантных комплексов в мордовских языках. *Сибирский филологический журнал*. 2021;(4):168–180. <https://doi.org/10.17223/18137083/77/13>
5. Клементьева Е.Ф. О грамматическом статусе образований на -нек в эрзянском языке. *Вестник угроведения*. 2018;8(4):625–630. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/e._f._klementeva.pdf (дата обращения: 12.05.2025).
6. Клементьева Е.Ф. О некоторых типах редуPLICATION в эрзянском языке. *Вестник угроведения*. 2023;13(2):217–224. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-217-224>
7. Некрасова Г.А. Особенности адаптации русских существительных pluralia tantum в коми-пермяцком языке. *Финно-угорский мир*. 2024;16(2):136–145. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.136-145>
8. Новак И.П. Исследование альтернативной системы согласных карельской диалектной речи методом кластерного анализа. *Вестник угроведения*. 2023;13(2):234–245. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-234-245>
9. Родионова А.П., Крижановская Н.Б. Генерация именных словоформ южнолюдиковского диалекта. *Вестник угроведения*. 2024;14(3):476–488. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-3-476-488>
10. Рябов И.Н., Агафонова Н.А., Рябова Г.В. Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия. *Финно-угорский мир*. 2024;16(4):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
11. Agafonova N.A., Ryabov I.N. Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025;18(1):34–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morphological-marking-of-an-object-in-the-erzya-language-dialects> (дата обращения: 12.05.2025).

Информация об авторах:

Рябов Иван Николаевич, кандидат филологических наук, декан филологического факультета, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>, SPIN-код: 2034-0552, ryabov.74@bk.ru

Агафонова Нина Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>, SPIN-код: 6385-2918, ohanina@rambler.ru

Рябова Галина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>, SPIN-код: 4616-6660, ryabova.gv@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

И. Н. Рябов – разработка структуры исследования; системный анализ источников; анализ и интерпретация результатов исследования.

Н. А. Агафонова – разработка структуры исследования; теоретический анализ источников; выявление и обобщение исследуемого диалектного материала; анализ и интерпретация результатов исследования; оформление рукописи.

Г. В. Рябова – сбор, обработка и классификация диалектного материала; анализ и интерпретация результатов исследования; оформление рукописи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.06.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 07.07.2025.

REFERENCES

1. Agafonova N.A. [Lexicalization of Case Forms of Names (Based on Mixed Dialects of the Volga Region and the Southern Urals)]. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*. 2011;(1):145–152. (In Russ.) Available at: <file:///C:/Users/000000000000121/Downloads/leksikalizatsiya-padezhnyh-form-imyon-na-materiale-smeshannyh-mordovskih-dialektov-povolzhya-i-yuzhnogo-urala.pdf> (accessed 12.05.2025).
2. Agafonova N.A. Case Forms of Names and Their Pronominalization (on Basis of the Erzya Dialects of the Transvolga Region and the Southern Urals). *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2013;(4):133–139. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnikniign.ru/2013-№4> (accessed 12.05.2025).
3. Agafonova N.A., Ryabova G.V., Tsyganova M.V. Features of Vocalism of the Erzya Dialects in the Sura Region. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(2):207–218. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-2-207-218>
4. Ivanova G.S. On the Origin of Consonant Complexes in the Mordovian Languages. *Siberian Journal of Philology*. 2021;(4):168–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/18137083/77/13>
5. Klementyeva E.F. About the Grammatical Status of the Word-Forms with the Suffix -nek in the Erzya Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2018;8(4):625–630. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/e._f._klementeva.pdf (accessed 12.05.2025).
6. Klementyeva E.F. About Some Types of Reduplications in the Erzya Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(2):217–224. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-217-224>
7. Nekrasova G.A. Adaptive Features of the Russian Noun Pluralia Tantum in the Komi-Permian Language. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):136–145. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.136-145>
8. Novak I.P. Study of the Consonant Alternation System in Karelian Dialectal Speech by Cluster Analysis. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(2):234–245. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-234-245>
9. Rodionova A.P., Krizhanovskaya N.B. Generation of nominal word forms of the South Ludic dialect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(3):476–488. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-3-476-488>
10. Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):392–407. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
11. Agafonova N.A., Ryabov I.N. Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025;18(1):34–44. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/morphological-marking-of-an-object-in-the-erzya-language-dialects> (accessed 12.05.2025).

Information about the authors:

Ivan N. Ryabov, Cand.Sci. (Philol.), Dean of the Philological Faculty, Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>, SPIN-код: 2034-0552, ryabov.74@bk.ru

Nina A. Agafonova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>, SPIN-код: 6385-2918, ohanina@rambler.ru

Galina V. Ryabova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>, SPIN-код: 4616-6660, ryabova.gv@bk.ru

Authors' contribution:

I. N. Ryabov – development of the research structure; systematic analysis of sources; analysis and interpretation of research results.

N. A. Agafonova – development of the research structure; theoretical analysis of sources; identification and generalization of the studied dialect material; analysis and interpretation of research results; design of the manuscript.

G. V. Ryabova – collection, processing and classification of dialect material; analysis and interpretation of research results; manuscript design.

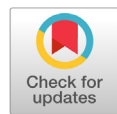
All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.06.2025; revised 24.06.2025; accepted 07.07.2025.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.307-315><https://elibrary.ru/rhpdcu>

УДК / UDC 351.853.1

Оригинальная статья / Original article

Памятник XVIII в. «Описание Сибирского царства...» Г. Ф. Миллера: историко-культурологический обзор жизни остяков

М. С. Выхрыстюк

*Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного университета,
г. Тобольск, Российская Федерация
m.s.vykhrystyuk@utmn.ru*

Аннотация

Введение. В последние десятилетия исследователями активно изучаются письменные источники прошлого, хранящиеся в центральных и периферийных архивах страны. Труд Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства...» содержит представление жизни коренных народов Сибири, изложенное на основе личных наблюдений автора. Особое место в тексте источника занимают сведения об остяках – описание их культуры, быта, вероисповедания, контактов с другими народами, населяющими Сибирь. Анализ труда ученого имеет большое значение в контексте сохранения культурного наследия страны, чем обусловлена актуальность настоящей работы. Цель исследования – выполнить историко-культурологический обзор жизни остяков в Сибири на основе летописного источника.

Материалы и методы. Материалом исследования послужил первый сводный труд по истории Сибири конца XVIII в. «Описание Сибирского царства и всѣхъ произошедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покорения его Российской державѣ по сіи времена» Г. Ф. Миллера. В работе интегрированы лингвоисторико-лингвистические и функционально-стилистические подходы, составляющие в совокупности лингвотекстологический анализ памятников. Для выполнения анализа и решения поставленных задач применялись описательный метод и метод сплошной выборки. В процессе рассмотрения структуры источника применялся метод компонентного анализа, с помощью которого выявлялось лексическое значение каждой лексемы текста памятника, совокупность которых и определяет его содержание.

Результаты исследования и их обсуждение. Автором выполнен историко-культурологический анализ этнографии остяков, исторически проживающих на территории Сибири, их культуры, вероисповедания, быта, расположения их землеустройства, контактов с другими народами. С достоверной точностью описав жизнь коренного населения Сибири, ученый внес значительный вклад в развитие российской исторической науки.

Заключение. Материалы исследования вносят вклад в развитие особой отрасли языкознания – лингвистического источниковедения. Наиболее ценным является анализ представленных в статье энциклопедических сведений о жизни коренного народа Сибири, описанных на основе личных наблюдений ученого. Кроме того, доказано, что труд ученого вполне может составить источниковедческую основу для изучения истории становления Сибири как важной территории России и заслуживает особого внимания филологов, историков, географов, этнографов и культурологов.

Ключевые слова: Сибирь, жизнь остяков, Г. Ф. Миллер, «Описание Сибирского царства...», историко-культурологическая и этнокультурная значимость источника

© Выхрыстюк М. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ от 29.12.2023 № 24-28-01085 «Рукописные и печатные источники Западной Сибири XVII–XVIII веков в аспекте лингвокультурологии» ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Выхрыстюк М.С. Памятник XVIII в. «Описаніе Сибирскаго царства...» Г. Ф. Миллера: историко-культурологический обзор жизни остяков. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):307–315. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.307-315>

The 18th-Century Monument “Description of the Siberian Kingdom...” by G. F. Miller: A Historical and Cultural Overview of the Life of the Ostyaks

M. S. Vykhrystyuk

*D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute,
branch of the University of Tyumen,
Tobolsk, Russian Federation
m.s.vykhrystyuk@utmn.ru*

Abstract

Introduction. In recent decades, researchers have been actively studying written sources of the past stored in central and regional archives across the country. G. F. Miller’s work “Description of the Siberian Kingdom...” presents a portrayal of the life of the indigenous peoples of Siberia, based on the author’s personal observations. Particular attention in the source is given to information about the Ostyaks – descriptions of their culture, daily life, religion, and interactions with other peoples inhabiting Siberia. The analysis of the scholar’s work is of great importance in the context of preserving the country’s cultural heritage, which underscores the relevance of this study. The aim of the research is to conduct a historical and cultural overview of the life of the Ostyaks in Siberia based on the chronicle source.

Materials and Methods. The material for the study was the first comprehensive work on the history of Siberia from the late 18th century – “Description of the Siberian Kingdom and All Events That Occurred Therefrom the Beginning, Especially Since Its Conquest by the Russian State to the Present Times” by G. F. Miller. The study integrates linguistic source studies and functional-stylistic approaches, which together constitute a linguo-textological analysis of historical documents. In accordance with these directions, the descriptive method and the method of continuous sampling were applied to conduct the analysis and address the research tasks. In examining the structure of the source, the method of componential analysis was employed to identify the lexical meaning of each lexeme in the text of the document, the totality of which defines its content.

Results and Discussion. The author has conducted a historical and cultural analysis of the ethnography of the Ostyaks, historically inhabiting the territories of Siberia, their culture, religion, daily life, settlement patterns, and interactions with other peoples. By describing the life of the indigenous population of Siberia with reliable accuracy, the scholar has made a significant contribution to the development of Russian historical science.

Conclusion. The research materials contribute to the development of a specific branch of linguistics – linguistic source studies. The most valuable aspect is the analysis of the encyclopedic information presented in the article about the life of the indigenous people of Siberia, described based on the scientist’s personal observations. Furthermore, it has been proven that the scientist’s work can indeed form the source basis for studying the history of Siberia’s formation as an important territory of Russia and deserves special attention from philologists, historians, geographers, ethnographers, and cultural experts.

Keywords: Siberia, the life of the Ostyaks, G.F. Miller, “Description of the Siberian Kingdom ...”, historical, cultural and ethnocultural significance of the source

Funding: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation dated December 29, 2023 No. 24-28-01085 “Manuscript and printed sources of Western Siberia of the 17th–18th centuries in the aspect of linguoculturology” Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Tyumen State University”.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Vykhristyuk M.S. The 18th-Century Monument “Description of the Siberian Kingdom...” by G. F. Miller: A Historical and Cultural Overview of the Life of the Ostyaks. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):307–315. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.307-315>

Введение

Герард Фридрих Миллер, известный историк, картограф и археограф, член Петербургской Академии наук второй половины XVIII в., внес значительный вклад в становление русской исторической науки. Будучи немцем по происхождению, он всю жизнь прожил в России. Среди ученых-краеведов исследователь получил звание «отца сибирской истории».

Г. Ф. Миллер принимал участие во Второй Камчатской экспедиции. По дороге на Камчатку он посетил все встречающиеся на пути крупные и малые населенные пункты. После экспедиции ученый работал в архивах многих сибирских городов, где собрал множество ценных исторических документов и их копий о жизни людей этого малоисследованного края. Многие из источников оказались буквально уцелевшими и единственно ценными для науки, поскольку пожары и наводнения в деревянных сибирских городах уничтожали уникальные документы о жизни народов сурового края¹. Массив рукописных и печатных исторических источников, собранных ученым и привезенных им из центра Сибири в Санкт-Петербург, ученые называли портфелями Миллера, которые и сегодня служат для исследователей источником знаний о прошлом Сибири.

В научном труде ученого «Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Российской державѣ по сіи времена», который хранится в ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске»², собраны редкие и достоверные материалы о становлении Сибири, строительстве сибирских городов, о народах, заселяющих земли за Уралом, их контактах, ведении домашнего хозяйства, быте, культуре, ремеслах.

Цель исследования – посредством достоверных сведений из научного труда ученого о жизни остяков выполнить историко-культурологический анализ жизнедеятельности в Сибири ее коренного народа.

Обзор литературы

Историография наследия Г. Ф. Миллера богата и многогранна. Исследователи отмечают его значительный вклад в развитие российской исторической науки. Ученому принадлежат первые в науке труды по целому ряду вопросов отечественной истории, которые положили начало нескольким важнейшим направлениям исследований по истории, этнографии, географии, социологии, культурологи.

По мнению И. И. Лепехина и П. С. Палласа, исследователь Сибири первым обратился с научными целями к архивным документам и привлек в качестве источников деловые тексты, в частности делопроизводственные и актовые документы бывшей сибирской столицы, а также источники иностранного происхождения³. Отметим, что слово «источник» в современном значении впервые было употреблено именно Миллером. Для чтения и изучения трудов о России на иностранном языке западноевропейского происхождения исследователем был разработан и впервые применен метод критического анализа, тем самым в России была создана основа для дальнейшего развития источниковедческой науки.

¹ Рындина О.М. Орнамент. В кн.: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск: Изд-во Томск. ун-та; 1995. 640 с.

² Миллер Г.Ф. Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Российской державѣ по сіи времена. СПб.: Тип. Императорской Академии наук; 1787. 488 с.

³ Лепехин И. Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1772 годах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук; 1780. 562 с.; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия наук; 1788. Ч. 3, половина 1: 1772 и 1773 гг. 653 с.

Г. Ф. Миллер поднял на уровень самостоятельных научных направлений отечественной историографии историю русского летописания, начиная с описания жизни новгородского дворянства во время реформ Петра Великого и заканчивая описанием жизни коренного населения Сибири.

Однако не все деятели науки высоко оценивали достижения Миллера. Так, С. М. Соловьев считал ученого способным лишь к фрагментарным исследованиям отдельно взятых российских территорий и не имеющим возможности подняться до уровня аналитических обобщений⁴. В действительности же скрупулезная работа исследователя над изучением рукописных архивных документов, включившая в себя паспортизацию документа (установление авторства, места и времени написания текста, изучение палеографических особенностей бумаги), чтение скорописи, ее транслитерацию, создание рисунков по тексту, т. е. источниковедческий подход к изучению архивного текста, позволяет накапливать исследовательский опыт и передавать его последующим поколениям. Для этого ученые кодируют информацию в материальных объектах (создавая документ, запись, рисунок, изделие, произведение), т. е. фиксированных источниках информации. Результаты такой колоссальной работы и были положены в основу четырехтомной «Истории Сибири».

В отечественной и зарубежной науке существует множество путей историко-лингвистического описания разножанровых текстов прошлого. Так, российские исследователи Э. М. Мурзаев⁵, Т. В. Волдина-Ледкова [2], И. И. Муллонен и Е. В. Захарова [3], анализируя культурно-лингвистическую составляющую текстов прошлых веков, доказали, что письменные памятники разных жанров могут служить источниками для изучения развития территории позднего заселения русскими.

Лингво-историческую значимость и содержательность текстов научного характера на другом историческом материале раскрывали О. Матвеева [8], Г. В. Судаков [5], А. Л. Юргенева [6], предполагая, что научные и донаучные тексты содержат достоверные сведения об исторических событиях. В науке также рассматривалось этнокультурное развитие угорских народов⁶ [4]; исследовались культура, быт, занятия остяков⁷ [4]; изучались песни, загадки, пословицы, поговорки и другие жанры устного народного творчества народа ханты, бывших остяков [6].

Автор настоящей работы впервые выполнил историко-культурологический обзор жизни остяков на основе энциклопедических сведений, представленных в труде «Описаніе сибирскаго царства...» Герарда Фридриха Миллера (все цитаты приводятся из данного произведения – *Авт.*)⁸.

Материалы и методы

В качестве материала исследования выступил научный текст летописного характера конца XVIII в. Г. Ф. Миллера «Описаніе Сибирскаго царства...». В нем содержится подробное и достоверное описание жизни народов, проживающих на территории Сибири.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб.: Амфора; 2015. Т. 1. 384 с.

⁵ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль; 1984. 653 с.

⁶ Вереш П. Этнокультурное развитие угорских народов. В: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та; 1978. С. 102–113; Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН; 1998. 240 с.; Ромбандеева Е.И. Принципы исследования неизученных или слабоизученных культур, языков (в том числе фольклора). В: Обские угры: научные исследования и практические разработки: материалы Всерос. науч. конф. VII Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Полиграфист; 2008. С. 388–391; Соколова З.П. Ханты и манси: Взгляд из XXI века. М.: Наука; 2009. 756 с.

⁷ Вежицкая А.А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры; 2001. 288 с.; Онина С.В., Выхрыстюк М.С. Образ человека в югорском национально-культурном языковом сознании. В кн.: Актуальные проблемы гуманитарных наук: история и современность. М.: Моск. междунар. ун-т; 2018. С. 243–265; Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М.: Едиториал УРСС; 2004. 328 с.

⁸ Миллер Г.Ф. Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена. СПб.: Тип. Императорской Академии наук; 1787. 488 с.

Особое внимание в тексте источника уделено описанию жизни коренного населения Сибири – народа ханты.

Методологической основой исследования послужили принципы системности и историзма, согласно которым текст рассматривается как источник многоуровневой информации с позиций единства содержания и формы.

В работе интегрированы лингвоисточниковедческие и функционально-стилистические подходы, составляющие в совокупности лингвотекстологический анализ памятника. Для достижения цели работы применялись описательный метод и метод сплошной выборки. В ходе исследования структуры источника использовался компонентный анализ, благодаря которому удалось установить семантику всех лексем в тексте памятника и выявить их роль в формировании общего содержания. Применялся также «историко-культурный анализ как метод исторической реконструкции науки», включающий в себя конструктивный и контекстуальный аспекты [4].

Особенно важен исторический подход к материалу, поскольку история народа ханты неразрывно связана с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью.

Изучение материала проводилось с использованием приема семантической интерпретации, компонентного анализа, приема количественного учета. Комплекс использованных методов и приемов позволил представить многосторонность и сложность изучаемого объекта.

Результаты исследования и их обсуждение

Летописный памятник начала XVIII в. «Описаніе сибирскаго царства...» включает пять значительных по объему глав, материал которых разделен на параграфы.

Главу первую «Извѣстїе о древнихъ приключенїяхъ прежде Россійскаго владѣнїя» ученый предваряет общими сведениями о бескрайних сибирских просторах, находящихся за Уралом. Ученый утверждает, что Сибирь была известна России уже в XVI в., о ней знали все Европейские государства. Сибирская земля славилась своими сильными и могучими жителями-воинами, которые прославляли ее могущество своими победами: «...въ оной были только такїе жители, которые себя оружіемъ, а не описанїемъ своихъ дѣйствъ прославить старались». К тому же, как пишет автор, жители Сибири ни читать, ни писать не умели и наук не знали, даже о себе не могли ничего оставить своим потомкам: «...о древнѣйшихъ приключенїяхъ сея столь великїя части Азіи много обстоятельнаго и основательнаго сказать не можно».

Далее автор повествует о многочисленных народах, заселявших этот край: при их воинственности, народы в этом краю на протяжении веков жили дружно, помогая друг другу. «Языческіе народы не знали еще никакой чужестранной влсти, препровождали жизнь свою въ природной вольности...» Особое место в источнике отведено коренному населению Сибири – осякам. С наибольшей осторожностью автор говорит о положении этого народа в Сибири: «...большая часть изъ нихъ въ тамошнихъ мѣстахъ чужестранцы: ибо нѣкоторые породу свою производять отъ Пермьковъ, а другиі отъ Татаръ».

Особое внимание Г. Ф. Миллер уделяет происхождению осяков: «...о сродстве Осяковъ съ Пермьками и Чухонцами, и какъ живущіу при Томскѣ Осяки сказывали о себѣ, будто они произошли изъ земли Сауомисъ, а именно изъ Финляндіи. Въ семь ни кто спорить не можетъ, что находящіеся въ Тобольскомъ, Березовскомъ и Сургутскомъ уѣздахъ осяки такъ какъ и Вогуличи, въ разныхъ свойствахъ, а особливо въ языкѣ съ Пермьками и Чухнами много сходного имѣютъ».

Г. Ф. Миллер утверждает, что многие народы Сибири издавна сроднились друг с другом: «А такой народъ какъ Осяки, такъ и Барабинцы никогда не скажутъ, что

они между собою сродни». Из текста узнаем об особенностях вероисповедания остяков: «...большая часть сего народа, которые Христiанской вѣры принять не хотѣли, изъ Перми ушедъ въ отдаленныхъ мѣстахъ по рѣкѣ Оби засѣли...». Далее автор обращается к сибирским летописцам, свидетельствующим о походе представителя большой татарской области при р. Иртыш на остяков.

Подводя итог первой главы, отметим, что первые 18 параграфов посвящены описанию обширной территории Сибири, где исконно проживали разные народы. Особое значение в тексте источника уделяется культуре и быту остяков и всем сторонам их коммуникации. Сведения, изложенные в его труде, достоверны, поскольку основаны на архивных данных.

В главах второй «О изобрѣтеніи Сибири и о приведеніи оной подъ Россiйскую державу Донскими Казаками» и третьей «О принятіи Сибирской земли подъ Россiйскую державу» исследователь отмечает, что у всех сибиряков существует обычай одаривать приезжающих к ним гостей подарками, этот обычай они переняли у восточных народов. Особенно щедро они встречали бояр, князей, воевод и других высокопоставленных лиц, а подарки были ценными, поэтому воеводы и служилые люди часто посещали этот край. К Ермаку, покорителю Сибири, остяки отнеслись с наибольшим поклонением. Говоря об этом, автор констатирует: «...въ четвертой день въ Сибирь пришло къ Ермаку нѣкоторой Остяцкой князецъ съ рѣки Демьянки, именнемъ Боярь, съ великимъ числомъ народа, которой кромѣ знатнаго числа дорогой мягкой рухляди, также и много сѣстныхъ припасовъ, а паче рыбы, привезъ въ подарокъ. Тогда Ермакъ началъ себя оказывать не такъ какъ ненасытной разбойникъ, но какъ милостивой Государь, которой тѣмъ доволенъ, что подданные безобидно приносить могутъ. Онъ принялъ Остяковъ весьма ласково, и отпустилъ ихъ назадъ со всякимъ удовольствіемъ».

Ермак не стремился огнем и мечом покорять Сибирь, он хотел добровольного принятия христианства коренными народами. Он дал сибирским народам позволение жить в своих домах и вести хозяйство, однако спокойную жизнь народов Сибири устроить удавалось не всегда: служилые казаки охотились в лесах и ежедневно ловили рыбу в озерах близ татарских и остяцких поселений, что коренному населению не нравилось. Исследователь отмечает, что наиболее покорными и миролюбивыми были остяки, живущие близ Тобольска. Менее покорными были остяки, живущие ближе к Востоку: «...Остяки же и особые языческие народы въ Красноярском уезде, и большой народъ тунгусовъ живущіе по Верхней Ангаре, также неоднократно бунтовали и часто убивали русскихъ».

Вместе с этим Г. Ф. Миллер подчеркивает, что нередко происходили столкновения и между самими остяками, проживающими в разных районах Сибири, например между енисейскими и сургутскими, сургутскими и юраками. Такое могло произойти, когда они оспаривали друг у друга права на сбор даров леса, рыбалку или охоту. Случалось, что конфликты возникали из-за мест обитания бобров, на которых они охотились. Местные жители знали эти места и не готовы были ни с кем делиться, но енисейские остяки всегда отправлялись на ловлю бобров вдоль пойм рек, где проживали сургутские остяки. «Дѣло заканчивалось крупными драками, въ качестве примирения енисейские остяки вынуждены были отдавать имъ кроме половины добытыхъ бобровъ еще многое изъ своей собственности».

Исследователь приводит в пример случай готовившегося крупного восстания против русских в среде нарымских остяков в 1598 г., которое, по утверждению Миллера, непременно бы произошло, если бы не оказался среди бунтующих один доносчик. Доносчик до конца был верен русским и не захотел в столь опасный для русских момент нарушать своей преданности: он быстро отправился в Сургут, чтобы

рассказать о готовящемся восстании, что его и предотвратило. По вопросу готовящегося восстания было проведено тщательное расследование, в результате которого все зачинщики и руководители были казнены, зато щедро поощрен доносчик: он был обращен в православную веру и «...за проявленную имъ верность принят на казацкую службу». Сведения об этом факте достоверны: автор утверждает, что их он нашел в одной из челобитных того самого остяка-доносчика, которую он подал в 1635 г. в Тобольское губернское правление.

В главах четвертой «О строеніи городовъ Тюмени, Тобольска, Лозвы, Пелыма, Берёзова, Сургута, Тары, и о совершенномъ прогнаніи хана Кучума изъ Сибири» и пятой «О стореніи городов и остроговъ Нарыма, Кецаго, Верхотурья, Туринска, Мангазѣи, Томска и Кузнецка съ нѣкоторыми до сихъ мѣстъ касающимися прежнихъ временъ приключеніями» ученый обстоятельно раскрывает секреты построения остяжских, вогульских и татарских городищ. Так, с наибольшей достоверностью автор излагает результаты исследования остатков столичного города бывшего татарского ханства Искера, столицы хана Кучума, от которого сегодня «видны лишь вал и ров» на высоком берегу Иртыша в сорока верстах ниже Чернолуцкой слободы. Ученый утверждает, что неподалеку от татар селились и остяки: «Дворы остяковъ по обыкновенію Сибирскихъ Татаръ построены были либо деревянные, либо по Бухарскому обыкновенію изъ неезженныхъ кирпичей, по тому что съ того времени вовсе пропали. Нѣкотрыя мѣста передъ другими глубже, которыя можетъ бать вмѣсто погребовъ служили. Въ послѣднія времена оскольные Россійскіе жители ищущіи закопанныхъ въ землѣ пожитковъ, вездѣ глобокіе ямы покопали, изъ которыхъ нѣкоторые не даромъ трудились».

Особо значимым Г. Ф. Миллер считает исследование языков разных народов, проживающих на территории Сибири. Он полагал, что знание языков необходимо для знания родословной народов, определения их происхождения, племенного состава. Стоит отметить, что сам ученый знал несколько языков и, хорошо владея как родственными, так и неродственными языками, с максимальной точностью производил фонетические записи слов, сохраняя особенности языков различных сибирских народов. В процессе записи слов в транскрипции особое внимание исследователь обращал не только на их звучание, но и значение, а также на функционирование в речи. С особой бережливостью Г. Ф. Миллер относится к языкам вымирающих народов Сибири. В своей работе он приводит в пример воспоминание о встрече с одним старым арийцем, который относился к древнему, уже вымирающему в то время племени, некогда проживавшему в Красноярском уезде. Старик остался единственным человеком, который хорошо знал родной язык своей народности и говорил на нем. Г. Ф. Миллер узнал от него много интересных сведений о жизни арийцев в Сибири.

Изучая места поселения людей, ученый дает точное описание каждого «урочища». Он детализирует местоположение сибирских городов по отношению к близлежащим водоемам, особенно озерам и рекам. Описывая ландшафт, ученый говорит о преимуществах того или иного местоположения, об особенностях их основания, способах ведения хозяйства, притом не ограничивается подачей только одних топографических сведений – он изучает естественные природные богатства местности, описывает состав почвы, способы выращивания тех или иных культур, наличие полезных ископаемых.

Наиболее интересным находим в тексте источника объяснение происхождения ряда топонимов. Так, например, комментируя происхождение топонима «Нарым», ученый поясняет, что первоначально это название произносилось и писалось как «Нерым», что означало в переводе с языка сургутских остяков 'болотистая местность'. Автор констатирует, что после основания города Нарым русские стали более интенсивно продви-

гаться на север Сибири. Дорогой им служили р. Обь и ее приток Кеть. Продвигаясь на север, русские все глубже проникали в неизведанные отдаленные территории Сибири, где исконно проживали остяки. Миллер отмечает, что на всем протяжении пути, везде, где проживали остяки, русские служилые люди не встречали с их стороны никакого сопротивления. Их принимали миролюбиво и дружелюбно.

Попутно в тексте своего труда ученый делал лирические отступления, содержащие характеристику личностных качеств разных народов, заселяющих Сибирь. Интересна характеристика остяков как многоженцев (нередко имели по две-три жены, у которых ночевали по очереди). Количество жен зависело от материального состояния ханта – за каждую жену ему необходимо было выплатить калым, состоящий из продуктов питания (мяса, зерна и др.), одежды, предметов домашнего обихода (домашней утвари, предметов сельхозтруда, рыболовных снастей), оленей, шкурок пушных зверей, табака и др.

Автор уделит должное внимание природе этого края, его богатой флоре и фауне. Называя сибирскую природу суровой, исследователь не раз подчеркивает ее плодovitость и щедрость. Показателен пример платежа мехами и лесом в пользу государства: «...посланная ясажная казна въ году состояла въ 60 сорокахъ соболей; въ 20 черныхъ лисицахъ и въ 50 бобрахъ».

Таким образом, автор труда на основе личных наблюдений и архивных данных подробно описал становление и развитие остяцких городищ, а также жизненный уклад их населения.

Заключение

Обобщая историко-культурологический обзор жизни остяков на основе труда ученого, приходим к следующим выводам:

- 1) «Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена» Г. Ф. Миллера уникально тем, что содержит обширное описание российской территории, находящейся за Уралом;
- 2) источник содержит достоверные сведения о быте, культуре и обычаях народов, проживающих в Сибири;
- 3) наиболее ценными являются представленные в тексте памятника энциклопедические сведения о жизни одного из многочисленных народов данной территории, изложенные на основе личных наблюдений автора.

На основе анализа текста исследуемого источника перспективным можно считать создание психологического портрета мужчины и женщины народа ханты. Изучение быта, обычаев остяков, их внешних и внутренних контактов, этнографии и культуры, особенностей вероисповедания поможет определить ментальность народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волдина Т.В. Изучение хантыйского фольклора в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в первые десятилетия XXI в. *Вестник угроведения*. 2020;10(4):760–773. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-4-760-773>
2. Волдина-Ледкова Т.В. Изучение духовных традиций обских угров в парадигме новых подходов антропологии сознания. *Вестник угроведения*. 2024;14(4):734–744. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-4-734-744>
3. Муллонен И.И., Захарова Е.В. Прибалтийско-финские термины с семантикой ‘поселение’ в историко-культурной перспективе. *Вестник угроведения*. 2019;9(4):671–680. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-4-671-680>
4. Пивнева Е.А. Фоторепрезентации этнической культуры обских угров. *Вестник угроведения*. 2018;8(4):716–728. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/pivneva_e_a_1.pdf (дата обращения: 14.05.2025).
5. Судаков Г.В. Проблемы употребления названий населенных пунктов (на примере ойконимии Вологодской области). *Вопросы ономастики*. 2019;16(3):193–204. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039

6. Юргенева А.Л. Этнографическая фотография XIX века и ее современные модификации. *Художественная культура*. 2018;(3):136–167. URL: https://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/b6d/hk_2018_03_136_167_urgeneva.pdf (дата обращения: 14.05.2025).
7. Durgunay B. A Research about Village Names in Seydisehir. *Selcuk Universitesi Turkiyat Arastirmalari Dergisi-Selcuk University Journal of Studies in Turcology*. 2018;(43):77–104. URL: <https://avesis.akdeniz.edu.tr/yayin/50871ea2-4b69-4f6f-8587-d566541bbbca/a-research-about-village-names-in-seydisehir> (дата обращения: 08.04.2025).
8. Матвеева О.О. Лінгвістичні особливості художнього тексту та способи введення портретного опису. *Міжнародний науковий журнал «Інтернаука»*. 2018;1(50):72–75. URL: <https://paper.researchbib.com/view/paper/177083> (дата обращения: 24.04.2025).
9. Vykhrystyuk M.S., Onina S.V., Islamova J.V., Savchuk I.P. The Image of the Family in the Modern Advertising Discourse of Russian Media. *Astra Salvensis*. 2018;6(12):711–717. <https://elibrary.ru/wtsume>

Информация об авторе:

Выхрыстюк Маргарита Степановна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета (626150, Российская Федерация, г. Тобольск, ул. Знаменского, д. 58), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7955-7351> SPIN-код: 350-9414, m.s.vykhrystyuk@utmn.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 24.10.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

REFERENCES

1. Voldina T.V. Study of Khanty Folklore in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in the First Decades of the XXI Century. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(4):760–773. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-4-760-773>
2. Voldina-Ledkova T.V. Study of the Spiritual Traditions of the Ob Ugrians in the Paradigm of New Approaches to the Anthropology of Consciousness. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(4):734–744. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-4-734-744>
3. Mullonen I.I., Zakharova E.V. Baltic-Finnish Terms with the Semantics ‘Settlement’ in Historical and Cultural Perspective. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(4):671–680. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-4-671-680>
4. Pivneva E.A. Photo-Representation of the Ob Ugrians’ Ethnic Culture. *Bulletin of Ugric Studies*. 2018;8(4):716–728. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/pivneva_e._a_1.pdf (accessed 14.05.2025).
5. Sudakov G.V. Settlement Names: Problems of Conventional Usage (with Reference to Oikonyms of the Vologda Region). *Problems of Onomastics*. 2019;16(3):193–204. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039
6. Yurgeneva A.L. Ethnographic Photography of the XIX Century and Its Modern Transformations. *Art & Culture Studies*. 2018;(3):136–167. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/b6d/hk_2018_03_136_167_urgeneva.pdf (accessed 14.05.2025).
7. Durgunay B. A Research about Village Names in Seydisehir. *Selcuk Universitesi Turkiyat Arastirmalari Dergisi-Selcuk University Journal of Studies in Turcology*. 2018;(43):77–104. (In Turk.) Available at: <https://avesis.akdeniz.edu.tr/yayin/50871ea2-4b69-4f6f-8587-d566541bbbca/a-research-about-village-names-in-seydisehir> (accessed 08.04.2025).
8. Matvieieva O.O. Linguistic Features of Artistic Text and Methods of Introducing the Portrait Description. *International Scientific Journal “Internauka”*. 2018;1(50):72–75. (In Bel., abstract in Eng.) Available at: <https://paper.researchbib.com/view/paper/177083> (accessed 24.04.2025).
9. Vykhrystyuk M.S., Onina S.V., Islamova J.V., Savchuk I.P. The Image of the Family in the Modern Advertising Discourse of Russian Media. *Astra Salvensis*. 2018;6(12):711–717. <https://elibrary.ru/wtsume>

Information about the author:

Margarita S. Vykhrystyuk, Dr.Sci. (Philol.), Professor of the Department of Philological Education, D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute, branch of the University of Tyumen (58 Znamensky St., Tobolsk 626150, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>, SPIN-code: 350-9414, m.s.vykhrystyuk@utmn.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 24.10.2024; revised 21.03.2025; accepted 28.03.2025.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.316-324><https://elibrary.ru/sjkdek>

УДК / UDC 316.353(=511.152)(470.40)

Оригинальная статья / Original article

Локальные группы в составе мордовского населения Пензенской области

Г. А. Корнишина*МГУ им. Н. П. Огарёва,**г. Саранск, Российская Федерация**g.kornihina@mail.ru*

Аннотация

Введение. В рамках современной этнологической науки актуальной остается проблема формирования общепринятого взгляда к определению этнографической структуры народов России, включая мордовский этнос, характеризующийся сложной системой иерархических таксонов. Значительный интерес в этом отношении представляет структура мордовского населения Пензенской области. Цель исследования – изучить особенности формирования малых локальных групп, сложившихся в его составе в результате миграционных процессов.

Материалы и методы. В исследовании использованы данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., переписей населения советского и постсоветского периода, а также существующие научные публикации по проблематике. Историко-сравнительный метод позволил проследить временные и пространственные изменения в среде малых локальных групп, а структурно-функциональный – проанализировать эти изменения в статике, определив их характер и взаимосвязи.

Результаты исследования и их обсуждение. В среде мордовского населения современной Пензенской области выделяется несколько малых локальных групп, в которых сочетаются элементы культуры, присущие как мокше, так и эрзе. Их формирование происходило в основном в XVII–XVIII вв. в результате миграций мокши и эрзи по территории самого Пензенского края и с территорий соседних регионов. Структура мордовского населения современной Пензенской области включает в себя несколько иерархических таксонов, в данном регионе проживают представители как мокши, так и эрзи. Мордва Пензенской области также является составной частью двух этнотерриториальных групп – северо-западной группы мокши и Пензенско-Саратовской этнотерриториальной группы. Кроме того, в составе мордовского населения рассматриваемой области выделяются более мелкие локальные группы.

Заключение. Выводы исследования вносят существенный вклад в разработку проблемы структурной организации мордовского этноса и подтверждают существование в его рамках сложной иерархии этнических и этнокультурных таксонов.

Ключевые слова: мордовский этнос, мокша, эрзя, Пензенская область, этнотерриториальные группы, малые локальные группы, демографические процессы

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Корнишина Г.А. Локальные группы в составе мордовского населения Пензенской области. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):316–324. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.316-324>

© Корнишина Г. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Local Groups within the Mordvian Population of the Penza Region

G. A. Kornishina

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
g.kornihina@mail.ru

Abstract

Introduction. One of the pressing problems of modern ethnological science is the development of a generally accepted view of the ethnographic structure of the peoples of our country. This also applies to the Mordvin ethnic group, the structure of which covers a number of hierarchical taxa. Of considerable interest in this regard is the structure of the Mordvin population of the modern Penza region. The purpose of this study is to study the features of the formation of individual local or, more precisely, small local groups that formed in its composition as a result of migration processes.

Materials and Methods. The sources for writing the article were the data of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897, the population censuses of the Soviet and post-Soviet periods. Scientific publications on the topic under consideration were also used. The methodological basis of the study is complex. It includes general logical and theoretical methods that made it possible to reveal the temporal and spatial changes occurring among local groups.

Results and Discussion. As a result of the study, it was revealed that among the Mordvin population of the modern Penza region, several small local groups can be distinguished, which combine elements of culture inherent in both Moksha and Erza. Their formation occurred mainly in the 17–18th centuries as a result of the migration of Moksha and Erza both across the territory of the Penza region itself and from the territories of neighboring regions. The structure of the Mordvin population of the modern Penza region includes several hierarchical taxa. Undoubtedly, this community is an integral part of the Mordvin ethnic group. Representatives of both its subethnic groups, Moksha and Erza, live in this region. The Mordvins of the Penza region are also an integral part of two ethnoterritorial groups – the northwestern Moksha group and the Penza-Saratov ethnoterritorial group. In addition, smaller local groups are distinguished in the Mordvin population of the region in question.

Conclusion. The author's conclusions contribute to the study of the problem of the structure of the Mordvin ethnic group and the existence of a certain hierarchy of ethnic and ethnocultural taxa in its structure.

Keywords: Mordvin ethnic group, Moksha, Erza, Penza region, ethnoterritorial groups, small local groups, demographic processes

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Kornishina G.A. Local Groups within the Mordvian Population of the Penza Region. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):316–324. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.316-324>

Введение

Современная этнология сталкивается с необходимостью сформировать единый подход к пониманию этнографической структуры народов России, включая мордовский этнос, который состоит из множества иерархических таксонов.

В статье рассматривается структура мордовского населения современной Пензенской области, которое является автохтонным на данной территории. Именно здесь в II–VII вв. н. э. происходило формирование мордвы-мокши, о чем свидетельствуют материалы Старшего Селиксенского, Усть-Узинского и Ражкинского могильников, расположенных в излучине р. Сура и устье р. Пенза. Отсюда и происходило заселение мордвой Пензенского края [1]. В дальнейшем на его территорию стали переселяться группы мордвы, мокши и эрзи, из других регионов.

Пензенская мордва – составная часть мордовского этноса (представляющего как этническую, так и этнокультурную общность), что является ее основополагающим элементом в этнической иерархии. В Пензенской области проживают представители обоих субэтносов – мокши и эрзи. Мордовское население региона входит также в состав двух этнотерриториальных групп мордвы – это северо-западная группа

мокши, проживающая на территории бывшего Краснослободского уезда Пензенской губернии, и Пензенско-Саратовская группа, которая объединяет в своем составе как мокшу, так и эрзу. Представители последней группы живут на юге современной Пензенской области, в соседствующих с ней юго-западных районах Ульяновской области, а также на территории современной Саратовской области [2]. Кроме того, в структуре мордовского населения Пензенской области можно выделить более мелкие иерархические таксоны, которые мы определили как малые локальные группы.

Цель исследования – рассмотреть процессы формирования малых локальных групп мордовского населения современной Пензенской области, которые сложились в результате миграционных процессов, происходивших как внутри самого региона, так и из других территорий проживания мордвы.

Обзор литературы

В конце XIX – начале XX в. историография мордвы, населяющей территорию современной Пензенской области, в основном была представлена работами, содержащими изучение духовной и материальной культуры этноса. Основы исследования мордовского населения Пензенского края были заложены В. А. Ауновским, Н. В. Прозиным, Н. П. Смирновым¹. В их работах содержатся данные о расселении эрзи и мокши, особенностях бытового уклада мордвы, ее внешнем виде, традиционных занятиях, обычаях и менталитете.

В 1920-е гг. начался новый период изучения мордовского населения Пензенского края, который характеризовался смещением фокуса в сторону его исторического развития, географии расселения и миграционных процессов². Значительный вклад в этот период внесли труды таких исследователей, как Н. И. Спрыгина и А. Е. Любимов. В своих работах, основанных на данных полевых этнографических экспедиций по Пензенской губернии, авторы не только реконструировали историю формирования мордовской общности в регионе, но и детально описали элементы ее материальной культуры, а также зафиксировали пережиточные формы религиозных верований, общественных институтов и семейно-обрядовой практики. Эти исследования заложили фундамент для системного и многопланового изучения мордвы³.

Во второй половине XX в. был опубликован ряд коллективных монографий, посвященных Пензенскому краю, в которых авторы рассматривали не только традиционную культуру мордвы, но и ее историю, а также демографические особенности развития. Среди них – «Очерки истории Пензенского края. С древнейших времен до конца XIX в.» (1973 г.)⁴, трехтомное исследование В. В. Гошуляка «История Пензенского края» (1995, 1996, 1998 гг.)⁵.

Археологами конца XX в. исследовано формирование мордвы на рассматриваемой территории, а также этапы ее ранней этнической истории⁶.

¹ Ауновский В.А. Этнографический очерк мордвы-мокши. В кн.: Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск; 1869. 23 с.; Прозин Н.В. Картины мордовского быта. Пензенские губернские ведомости. 1866;(39–40); Смирнов Н.П. Мордовское население Пензенской губернии. Пензенские епархиальные ведомости. 1874;(1–24); 1875;(1–10).

² Хвощев А.Л. Очерки по истории Пензенского края. Пенза: Гос. изд-во; 1922. 150 с.

³ Спрыгина Н.И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: По материалам экспедиции 1925 г. Пенза: Типо-литография им. тов. Воровского; 1928. 46 с.; Любимов А.Е. Краткий исторический очерк мордовского народа. В кн.: Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние. Пенза; 1927. 138 с.

⁴ Очерки истории Пензенского края: С древнейших времен до конца XIX в. Ред. коллегия: А. Ф. Дергачев [и др.]. Пенза: Приволж. кн. изд-во. Пенз. отд-ние; 1973. 327 с.

⁵ Гошуляк В.В. История Пензенского края. Пенза; 1995. 132 с.

⁶ Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области: путеводитель. Пенза: Приволж. кн. изд-во. Пензенское отд-ние; 1970. 159 с.; Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволж. кн. изд-во. Пензенское отд-ние; 1977. 88 с.; Беляев Я.Б., Шитов В.Н. Мордовский могильник XIV в. у с. Долгоруково. В: Из истории области: Очерки краеведов. Пенза; 1991. Вып. 2. С. 92–94.

В 2000-е гг. продолжают публиковаться работы, освещающие различные сферы жизнедеятельности мордовского населения Пензенской области. Значительным вкладом в ее изучение является книга «Мордва Пензенской области», где авторы, опираясь на широкий круг разнообразных источников, систематизировали обширный фактический материал, освещающий историю, демографические процессы, а также традиционный и современный уклад жизни мордвы региона⁷. Другим важным изданием является монография «Средневековая культура мордвы», в которой подробно исследуется материальная и духовная культура мордовского народа в средневековый период, а также предлагается детальная типология мордовских погребальных обрядов⁸. Продолжает свои исследования В. В. Ставицкий, который, базируясь на новейших археологических материалах, выдвинул новые интерпретации формирования мордовского этноса [3].

В работе М. С. Полубоярова «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» на основе исторических данных, а также географических и лингвистических материалов разъясняется происхождение гидронимов, омонимов, этнонимов⁹. Многие из них, по мнению автора, имеют мордовское происхождение. Г. А. Корнишина, активно занимающаяся изучением этнотерриториальных групп мордвы, опубликовала ряд работ о мордве Пензенской области, представляющих динамику численности данной группы мордвы, особенности миграций в различные исторические периоды и ее повседневную культуру [4].

В последние годы опубликовано несколько коллективных монографий о Пензенском крае, в которых дается полномасштабная его история¹⁰. Большой интерес представляет также книга «Долина древней мордвы»¹¹, посвященная исследованию Ражкинского мордовского могильника, одного из древнейших, относящихся ко времени формирования этноса. Авторы монографии выдвинули идею о создании на месте этого могильника историко-культурного комплекса, который должен стать одним из туристических объектов Пензенской области.

Таким образом, в научной литературе довольно подробно изучены вопросы формирования мордвы Пензенской области, ее расселения, различные аспекты традиционной культуры. В отношении проблематики ее этнических структурных подразделений в основном упоминаются лишь субэтнические группы, другие же иерархические таксоны не изучены. В связи с этим важно выявить в составе мордовского населения исследуемого региона малые локальные группы, изучить особенности их формирования и тенденции их демографического развития.

Следует отметить, что разработка проблематики локальных общностей – одно из актуальных направлений в современной этнологической науке¹² [5; 6]. Ученые предлагают различные виды их классификации исходя из историко-социальных и этнокультурных процессов их формирования: территориально-локальные, административно-локальные, микролокальные и этномикролокальные [7]; этнотерриториальные, этносословные, этноконфессиональные [8]; микролокальные, или малые локальные [9]. Одной из задач исследователей является интерпретация термина «локальные или малые этнографические группы» [10]. Многие считают, что в этом случае надо учитывать не только их численность, но и территориальный фактор, который играет

⁷ Первушкин В.И., Прошкин В.Я. Мордва Пензенской области. Пенза; 2012. 124 с.

⁸ Первушкин В.И. Средневековая культура Мордвы. Пенза; 2015. 151 с.

⁹ Полубояров М.С. Весь Пензенский край: историко-топографическое описание Пензенской области. М.: САМ полиграфист; 2016. 816 с.

¹⁰ История Пензенского края: в 3 т. Т. 1: История Пензенского края с древнейших времен до конца XVIII века. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области; 2022. 448 с.; Там же. Т. 2: История Пензенского края XIX века. Пенза; 2023. 639 с.; Там же. Т. 3: Пензенский край в XX – начале XXI века. Пенза; 2024. 767 с.

¹¹ Долина древней мордвы: моногр. Под общ. ред. В. И. Первушкина и О. В. Ягова. Ижевск; 2016. 283 с.

¹² Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л.; 1978. С. 80.

важную роль в процессе их формирования, ведения хозяйства и взаимодействия с другими этническими сообществами [11–13]. Другие полагают, что важным элементом малых этнографических групп является их культурная самобытность [14].

Опираясь на методологические подходы, содержащиеся в указанных трудах, автор исследования решил обозначить небольшие структурные подразделения мордовского населения Пензенской области как малые локальные группы, что связано с отсутствием у них четко выраженного приоритетного группового признака. Основным фактором их формирования являются миграционные процессы, предопределяющие их смешанный контингент. Характер хозяйственно-культурных комплексов, конфессиональных предпочтений, социальной структуры во многом схож у мордовского населения Пензенского края и мордвы других регионов Урало-Поволжья. Отдельные специфические компоненты (например, локальные комплексы народного женского костюма) являются лишь вспомогательным признаком, помогающим территориально разграничить данные группы. Г. А. Корнишиной охарактеризованы данные комплексы в контексте изучения направлений миграционных процессов мордовского населения Пензенского края¹³.

Материалы и методы

В основу исследования легли данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., переписей населения советского и постсоветского периода, содержащие сведения о количественных характеристиках мордовского населения Пензенской области, а также о ее расселении. Также использованы научные публикации по рассматриваемой тематике.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и теоретических методов. Всестороннее изучение проблемы обеспечили анализ и синтез. Историко-сравнительный метод позволил проследить временные и пространственные изменения в среде малых локальных групп, а структурно-функциональный – проанализировать эти изменения в статике, определив их характер и взаимосвязи.

Результаты исследования и их обсуждение

По данным Первой Всероссийской переписи населения, в Пензенской губернии проживало 187,9 тыс. чел. мокши и эрзи, что равнялось 12,8 % населения всей губернии. Большое количество мордвы проживало в Городищенском уезде – 45,6 тыс. чел., что составляло 26,4 % всего населения уезда. В Инсарском уезде численность мордвы составляла 41,5 тыс. чел. – 23,3 % населения уезда, в Краснослободском – 41,5 тыс. чел. (23,8 %), в Наровчатском – 16,1 тыс. чел. (13,6 %), в Саранском – 25,7 тыс. чел. (17,9 %), в Чембарском – 12 тыс. чел. (7,8 %) ¹⁴.

К 1926 г. мордовское население в границах Пензенской губернии увеличилось практически вдвое и составило почти 377 тыс. чел., доля ее в составе населения всей губернии достигла 17,1 % ¹⁵. К 1939 г. во вновь образованной Пензенской области численность мордвы сократилась до 132,8 тыс. чел. (7,8 % всего населения) ¹⁶. Это было

¹³ Корнишина Г.А. Традиционный костюм мордовского населения Пензенского края в контексте исследования его миграций. В: Теория и практика изучения истории городских и сельских населенных пунктов: Мат-лы Всерос. краеведческих чтений, посвященных 100-летию со дня рождения С. О. Шмидта. Пенза; 2022. С. 489–496.

¹⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб.; 1903. XX. С. 101. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1629468?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁵ Перепись населения 1926 г. Поволостные и алфавитный списки населенных мест Пензенской губ. Пенза: Типо-литография им. тов. Воровского; 1928. С. XXXIV–XXXV. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_rc_2577112?page=11&rotate=0&theme=white (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука; 1992. С. 66.

вызвано территориально-административными преобразованиями, проводившимися в 1920–30-е гг. в СССР. За этот период Пензенская губерния была ликвидирована и вначале преобразована в Пензенский округ Средне-Волжского края, а затем в 1939 г. – в Пензенскую область. При этом многие территории со значительной долей мордовского населения были переданы в состав сначала Мордовского округа, а затем Мордовской республики.

По данным всероссийских переписей населения, численность мордвы в Пензенской области демонстрировала устойчивую тенденцию к снижению на протяжении второй половины XX – начала XXI в.: 1959 г. – 109,4 тыс. чел.; 1970 – 106 485; 1979 – 95 718; 1989 – 86 370; 2002 – 70 739; 2010 г. – 54 703 чел. Таким образом, за период с 1959 по 2010 г. численность мордвы в регионе сократилась более чем в два раза.

По переписи населения 2020 г., на территории Пензенской области проживает около 30 тыс. мордвы, что составляет 2,5 % от общей численности ее населения. При проведении переписи 323 чел. назвали себя мокшей, а 1 178 чел. – эрзей¹⁷. Мордва проживает в 200 поселениях. Наибольшее количество ее представителей насчитывается в Шемышейском районе: около 40 % (6 тыс. чел.) населения данной территории относит себя к мордовской национальности. Другими районами со значительным количеством мордвы являются Сосновоборский – около 3 тыс. чел., Бессоновский – 2,5 тыс. чел. В Никольском, Камешкирском, Белинском, Городищенском, Пензенском, Лопатинском районах проживает приблизительно по 2 тыс. чел. мордвы. В Пензе ее численность составляет около 4 тыс. чел.¹⁸

Формирование мордовского населения рассматриваемого региона происходило в течение нескольких столетий. В ее современном состоянии оно сложилось в XVII–XVIII вв. Один из основополагающих факторов данного процесса – миграция мордвы как по территории самого Пензенского края, так и из других ареалов ее проживания. Именно эти миграционные перемещения и были основой формирования в составе пензенской мордвы малых локальных групп.

Ядром одной из таких групп является мокшанское население бывшего Краснослободского уезда Пензенской губернии и ее центральных уездов – Инсарского, Мокшанского и Наровчатского. Начиная с XVI в. эту территорию начали активно заселять русские и татары-мишари, что было связано со строительством в крае городов-крепостей, таких как Наровчат (1521 г.), Краснослободск (1584 г.), Нижний и Верхний Ломов (1635 г.), Саранск (1641 г.), Инсар (1647 г.), Пенза (1663 г.) и др. Таким образом, в северных и центральных регионах Пензенского края сформировался смешанный характер расселения мордвы, тем не менее оставшейся здесь многочисленной. Ввиду этого закономерно, что существенная часть указанных уездов вошла в состав вначале Мордовского округа, а затем Мордовской республики, которые были основаны в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

В юго-западном ареале области в XVII в. сложилась так называемая чембарская группа мордвы-мокши. Свое название она получила от бывшего Чембарского уезда Пензенской губернии (ныне Белинский район), где и проживала на отдаленном расстоянии от других групп мокши. Образование этой группы мордвы было связано с миграцией в данный район мордовского населения из Пощенья (в среднем течении р. Цны археологические памятники мокши известны еще с VIII в.). В дальнейшем она расселилась практически по всему течению реки и ее притокам – это территории современных Шацкого района Рязанской области, Моршанского и Тамбовского районов Тамбовской области. Еще в XVI – начале XVII в. цнинская мордва имела так называемые «ухожай», т. е. участки для охоты, рыбной ловли и сбора меда на р. Вороне, находящейся в районе Чембара. Согласно данным шацкой писцовой книги Ф. Чоботова 1623 г.,

¹⁷ Национальный состав и владение языками населения Пензенской области. Т. 5. Пенза; 2023. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 15–37.

мордва д. Пичеморга Спасского уезда Тамбовской губернии (ныне Торбеевский район Республики Мордовия), имела «...на реке на Вороне кежетверской ухжей по обе стороны Вороны и с малыми и падучими речками...»¹⁹ Далее в записях этой книги сообщается, что в начале XVIII в. жители Пичеморги переселились на р. Ворону, где основали одноименное село. Сюда же стали переселяться и жители других мокшанских сел с Пощенья; переселенцы образовали следующие населенные пункты: Данышино, Пичевка, Шелалейка, Верхний Чембар или Пяркино, Линёвка²⁰.

В XVI–XVII вв. в верховья рр. Суры, Мокши и Цны стала переселяться и эрзя. В результате этих миграций мокшане и эрзяне стали проживать в непосредственной близости друг от друга. Территориально данная этноконтактная зона занимает центральные и северо-западные районы области, а именно Городищенский, Бессоновский, Сосновоборский и Никольский, которые ранее входили в состав бывшего Городищенского уезда. Эрзянское население прибыло сюда с левобережья Суры, из Алатырского и Ардатовского уездов Симбирской губернии.

Другая малая локальная группа сформировалась в этноконтактной зоне, расположенной на юго-западе Пензенской области, которая ранее относилась к Кузнецкому и Петровскому уездам Саратовской губернии (ныне это территория Шемышейского, Камешкирского, Лопатинского, Неверкинского, Малосердобинского районов). Миграции мокши и эрзи на данную территорию из Керенского и Темниковского уездов Тамбовской губернии, Инсарского и Городищенского уездов Пензенской губернии продолжались на протяжении XVII–XIX вв. Как и цнинская мокша, мордовское население вышеперечисленных регионов издавна использовало здешние земли под бортные и охотничьи ухжаи. А. А. Гераклитов сообщает, что в 1769 г. выборные сс. Чумаева и Пылкова представили в Сенат выписку из апелляционного дела за 1693 г., в которой указывалось, что «в тех урочищах в верховом вотчинном ухжее владеют они по старинным дедовским и отцовским крепостям»²¹.

Заключение

Таким образом, в составе мордовского населения современной Пензенской области можно выделить несколько малых локальных групп. Их формирование происходило в основном в XVII–XVIII вв. в результате миграций мокши и эрзи на территории самого Пензенского края и с территорий соседних регионов. Мордовские поселения располагались здесь чересполосно, они также соседствовали с русскими и татарскими поселениями, что создало благоприятные условия для этнокультурных контактов как между двумя субэтническими группами мордвы, так и с другими народами. В их результате у мордовского населения Пензенского края были созданы культурно-хозяйственные комплексы, которые сочетали черты, присущие мокше и эрзе, а также включающие некоторые иноэтничные элементы, свойственные соседним народам.

Стоит отметить, что изучение иерархических таксонов мордовского этноса и его локальных групп находится на начальном этапе. Данная проблематика наиболее обстоятельно изучена на примере народов, проживающих на Европейском Севере нашей страны; также имеется ряд работ по локальным группам русских.

Исследование вносит вклад в изучение структуры мордовского этноса, его этнических и этнокультурных таксонов. Работа послужит стимулом для проведения дальнейших изысканий в данной области, в частности сравнительно-типологического анализа культурно-языковых особенностей различных таксономических подразделений мордвы, изучения ее этнокультурных комплексов и ареалов их распространения.

¹⁹ Записки Timerbek'a. 1623 г. Копии с Шацкой писцовой книги Федора Чеботова. *Живой Журнал*. URL: <https://timer-bek.livejournal.com/9219.html?thread=36867> (дата обращения: 20.01.2025).

²⁰ Полубояров М.С. Весь Пензенский край. С. 85–86.

²¹ Гераклитов А.А. Саратовская мордва. В кн.: Избранное: в 2 ч. Саранск: НИИГН; 2011. Ч. 1. С. 39.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемова С.Н., Первушкин В.И., Алексеева Н.С. Природное и историческое наследие в культурных ландшафтах Пензенской области. *Успехи современного естествознания*. 2022;(3):36–41. <https://doi.org/10.17513/use.37789>
2. Корнишина Г.А. Этническая структура и особенности этнокультурного функционирования мордовского населения Ульяновской области. *Финно-угорский мир*. 2018;(2):77–89. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.077-089>
3. Ставицкий В.В. Основные концепции этногенеза древней мордвы (историографический обзор). *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук*. 2009;11(6–1):261–266. URL: <https://sciup.org/osnovnye-koncepcii-jetnogeneza-drevnej-mordvy-istoriograficheskij-obzor-148198820> (дата обращения: 03.03.2025).
4. Корнишина Г.А. Обряды Троицкого цикла мордвы Пензенской области. *Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования*. 2017;(3):9–22. URL: <https://sciup.org/obryady-troickogo-cikla-mordvy-penzenskoj-oblasti-14720988> (дата обращения: 03.03.2025).
5. Верняев И.И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: хозяйство, социум, культура и идентичность. *Вестник СПбГУ. Сер. 2*. 2011;(1):47–84. <https://elibrary.ru/nedcgv>
6. Верняев И.И., Новожилов А.Г. Симпозиум «Проблемы и перспективы исследования малых групп в этнографии» (2 декабря 2011 г., Русское географическое общество, исторический факультет СПбГУ). *Вестник СПбГУ. Сер. 2*. 2012;(3):199–204. <https://elibrary.ru/pciwtv>
7. Логинов К.К. Русские Водлозерья как этнолокальная группа. *Вестник СПбГУ. Сер. 2*. 2007;(4):256–261. <https://elibrary.ru/qabmlj>
8. Кропачев С.А. Локальные группы русского этноса в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование. *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2023;(8):34–39. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-34-39>
9. Фишман О.М. Факторы формирования природно-хозяйственного пространства микролокальной группы (Тихвинские карелы). *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2011;(1):15–21. <https://elibrary.ru/nxzlst>
10. Белков П.Л. Концепция малых этнографических групп: топография и топология. *Вестник СПбГУ. Сер. 2*. 2013;(1):98–106. <https://elibrary.ru/pxzuub>
11. Минаева Э.Ю. Локализация этнических групп: инструментарий анализа этнополитических процессов. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020;14(1):116–126. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-116-126>
12. Данилова Н.К. Формирование историко-культурного ландшафта якутов: этнолокальные модели и пространственные представления. *Научный диалог*. 2019;(8):243–257. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-243-257>
13. Макарова А.А. К вопросу о картографировании этнолокальных групп Белозерья по ономастическим данным. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2017;19(4):63–83. <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.4.064>
14. Азизова Н.Р. Традиционно-обрядовая культура локальной группы астраханских татар: проблемы возрождения и сохранения. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2009;(4):121–127. <https://elibrary.ru/opshwx>

Информация об авторе:

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, SPIN-код: 5356-3213, G.Kornihina@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 19.05.2025.

REFERENCES

1. Artemova S.N., Pervushkin V.I., Alekseeva N.S. Natural and Historical Heritage in the Cultural Landscapes of the Penza Region. *Advances in Current Natural Sciences*. 2022;(3):36–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/use.37789>
2. Kornishina G.A. Ethnic Structure and Features of Ethno-Cultural Functioning of the Mordovian Population of the Ulyanovsk Region. *Finno-Ugric World*. 2018;(2):77–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.077-089>
3. Stavitsky V.V. Basic Conceptions of the Ancient Mordva Ethnogenesis (Historiographical Review). *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009;11(6–1):261–266. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sciup.org/osnovnye-koncepcii-jetnogeneza-drevnej-mordvy-istoriograficheskij-obzor-148198820> (accessed 03.03.2025).

4. Kornishina G.A. Rites of the Trinity Cycle of Mordva of the Penzen Region. *Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*. 2017;(3):9–12. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sciup.org/obryady-troickogo-cikla-mordvy-penzenskoj-oblasti-14720988> (accessed 03.03.2025).
5. Vernyaev I.I. [Industrial Clusters as Local Ethnographic Groups: Economy, Society, Culture and Identity]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 2*. 2011;(1):47–84. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nedcgv>
6. Vernyaev I.I., Novozhilov A.G. [Symposium “Problems and Prospects of Studying Small Groups in Ethnography” (December 2, 2011, Russian Geographical Society, Faculty of History, St. Petersburg State University)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 2*. 2012;(3):199–204. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pciwtm>
7. Loginov K.K. [Russians of Vodlozerye as an Ethno-Local Group]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 2*. 2007;(4):256–261. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qabmlj>
8. Kropachev S.A. Local Groups of the Russian Ethnos at the End of the XIX-First Quarter of the XX Centuries: Historical and Demographic Research. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(8):34–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-34-39>
9. Fishman O.M. [Factors of Formation of Natural and Economic Space of Microlocal Group (Tikhvin Karelians)]. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2011;(1):15–21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxzlst>
10. Belkov P.L. [The Concept of Small Ethnographic Groups: Topography and Topology]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 2*. 2013;(1):98–106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pxzuub>
11. Minaeva E.Yu. Localization of Ethnic Groups: Tools for Analyzing Ethnopolitical Processes. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020;14(1):116–126. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-116-126>
12. Danilova N.K. Forming of Historical and Cultural Landscape of Yakuts: Ethno-Local Models and Spatial Concepts. *Nauchnyi dialog*. 2019;(8):243–257. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-243-257>
13. Makarova A.A. On the Mapping of Local Ethnic Groups in Belozerye with Reference to Onomastic Data. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 2017;19(4):63–83. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.4.064>
14. Azizova N.R. [Traditional Ritual Culture of the Local Group of Astrakhan Tatars: Problems of Revival and Preservation]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura*. 2009;(4):121–127. (In Russ.) <https://elibrary.ru/opshwx>

Information about the author:

Galina A. Kornishina, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, SPIN-code: 5356-3213, G.Kornihina@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 04.04.2025; revised 12.05.2025; accepted 19.05.2025.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.325-337><https://elibrary.ru/nlogab>

УДК / UDC 94:371.13“18/19”

Оригинальная статья / Original article

Профессиональные траектории и социальная адаптация учителей в Русской Лапландии в конце XIX – начале XX в.

К. С. Казакова

*Центр гуманитарных проблем Кольского научного центра РАН,
г. Анапты, Российская Федерация
k.kazakova@ksc.ru*

Аннотация

Введение. Проблемное поле исследования составляют вопросы функционирования культурной среды в «пограничных» условиях, адаптации этнических культур и их представителей на протяжении рассматриваемого периода к Северу и друг другу. Работа посвящена процессу формирования социoproфессиональной группы учителей на территории Европейской Арктики в конце XIX – начале XX в. и характеру межэтнического взаимодействия с саамским населением. Цель исследования – рассмотреть вариативность индивидуальных учительских траекторий и выявить особенности социальной адаптации учителей в саамских погостах Русской Лапландии.

Материалы и методы. В основу статьи легли впервые вводимые в научный оборот документы: формулярные списки учащихся лиц, отчеты уездных наблюдателей, личные прошения учителей. Работа с обозначенным кругом источников осложняется разобщенностью источниковой базы, которая не составляет единого комплекса документов, а представлена фрагментарно в разных архивохранилищах: Государственном архиве Архангельской области, Национальном архиве Республики Карелия, Государственном архиве Мурманской области. В процессе работы применялись как общенаучные, так и традиционные для исторического исследования методы анализа, обобщения, сравнительной типологии, рассмотрения вопросов в проблемно-хронологическом плане. Для изучения профессиональных траекторий используется историко-биографический метод.

Результаты исследования и их обсуждение. В современной науке все шире включается в контекст истории профессиональная биография как особый способ измерения социально-культурных процессов. В статье реконструированы профессиональные траектории учителей церковно-приходских школ в саамских погостах Русской Лапландии, приведены данные о социальном происхождении и образовательном уровне учащихся. На основании биографических данных показано, что большинство учителей были молодыми людьми, не обремененными семьей, для которых Кольский Север был первым местом службы после получения образования. В своей профессиональной деятельности педагогам приходилось адаптироваться к таким особенностям «кинородческой» школы, как краткость учебного года, нерегулярное посещение занятий детьми, участвующими в хозяйственной жизни взрослого населения, необходимость взаимного билингвального общения. Успешная адаптация учителя в саамском погосте способствовала расширению делегируемых ему социальных функций. Проанализированы поведенческие модели, которые вели к конфронтации с местным населением и вынужденной смене места службы.

Заключение. Социальные практики взаимодействия с саамским населением влияли как на профессиональную, так и на бытовую сферу жизни учителя. Результаты исследования показывают, что понимание учителем

© Казакова К. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

местных культурных особенностей определяло его успешную адаптацию и отвечало требованиям местного сообщества. Отношение к учителю проецировалось на школу в целом и фиксировалось в приговорах сельских сходов. Полученные результаты имеют значение для историко-культурных и социальных изысканий и могут быть применены при изучении межкультурных коммуникаций в арктических регионах России.

Ключевые слова: Русская Лапландия, саамы, погост, межкультурные контакты, церковно-приходская школа, учительство

Финансирование: исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2024-002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Казакова К.С. Профессиональные траектории и социальная адаптация учителей в Русской Лапландии в конце XIX – начале XX в. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):325–337. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.325-337>

Professional Trajectories and Social Adaptation of Teachers in Russian Lapland in the Late 19th – Early 20th Century

K. S. Kazakova

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Apatity, Russian Federation
k.kazakova@ksc.ru*

Abstract

Introduction. The research problematique encompasses issues pertaining to the functioning of the cultural milieu under 'borderland' conditions and the adaptation of ethnic cultures and their representatives to both the North and to one another throughout the period under consideration. This work examines the process of the formation of the socio-professional group of teachers within the European Arctic region from the late 19th to the early 20th century, alongside the nature of interethnic interaction with the Sámi population. The study aims to analyse the variability of individual teacher trajectories and to identify the specific characteristics of the teachers' social adaptation within the Sámi pogosts of Russian Lapland.

Materials and Methods. This article is based on previously unstudied documents introduced into the scholarly domain for the first time, including service records of teaching personnel, reports from district school inspectors, and personal petitions from teachers. Engaging with this specific corpus of sources is complicated by the fragmented nature of the archival base. The materials do not constitute a unified collection but are instead dispersed fragmentarily across several repositories: the State Archive of Arkhangelsk Oblast, the National Archive of the Republic of Karelia, and the State Archive of Murmansk Oblast. The research methodology employed both general scientific and established historical methods, including analysis, synthesis, comparative typology, and a problem-chronological examination of issues. To investigate professional trajectories, the study utilises the historical-biographical method.

Results and Discussion. Within contemporary historiography, the professional biography is increasingly incorporated as a distinct methodological lens for gauging sociocultural processes. This article reconstructs the professional trajectories of instructors within parish schools located in the Sami pogosts of Russian Lapland, providing data pertaining to their social origins and educational attainment. Biographical evidence indicates that the majority of these teachers were young, unmarried individuals for whom the Kola North constituted their first appointment following their formal education. In their professional capacity, these educators were compelled to adapt to the specificities inherent to an "allogeneous" school system, notably the abbreviated academic year, irregular attendance of children engaged in the economic activities of the adult community, and the necessity of reciprocal bilingual communication. Successful adaptation within a Sami pogost facilitated an expansion of the social functions delegated to the teacher. Furthermore, the article analyses behavioural models that precipitated confrontation with the local populace and resulted in the individual's compelled relocation.

Conclusion. Social practices of interaction with the Sami population influenced both the professional and domestic spheres of a teacher's life. The findings of the study indicate that a teacher's understanding of local

cultural specificities was a determinant of their successful adaptation and aligned with the expectations of the local community. The attitude towards the teacher was projected onto the school as a whole and was formally recorded in the resolutions of village assemblies. The obtained results hold significance for historical, cultural, and social inquiries and can be applied to the study of intercultural communications in the Arctic regions of Russia.

Keywords: Russian Lapland, Sámi, pogost, intercultural contacts, parish school, teaching

Funding: The research was carried out within the framework of the state task on the topic of research FMEZ-2024-002 “Dynamics of the socio-cultural appearance of the Kola North in the context of the history of the development of the Arctic frontier of Russia”.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Kazakova K.S. Professional Trajectories and Social Adaptation of Teachers in Russian Lapland in the Late 19th – Early 20th Century. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):325–337. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.325-337>

Введение

Заселение и освоение арктических территорий – уникальный опыт социальной истории. В период активной колонизации Европейской Арктики особой задачей признавалось развитие здесь начального образования для социально-культурной адаптации коренного и пришлого населения, укрепления позиций православия, усиления роли русского языка и просвещения коренного саамского населения с целью интеграции окраинных северных территорий в общеимперское культурное пространство. Активным участником данного процесса была Русская православная церковь, обеспечивающая благодаря созданию сети православных приходов и развитию начального церковного образования поддержание российской государственности и защиту национальных интересов в полиэтнической среде северного сообщества. Влияние приграничного фактора и проникновение лютеранства из Норвегии предопределило необходимость активной миссионерской и просветительской работы на саамском языке. Акторами межэтнической коммуникации и проводниками имперской политики социально-культурной интеграции коренного населения Кольского Севера были представители русской интеллигенции – чиновники, священники, учителя.

В статье на основе архивных материалов реконструируются профессиональные траектории учителей церковно-приходских школ Русской Лапландии и особенности межэтнического взаимодействия с местным сообществом. Цель исследования – проанализировать вариативность индивидуальных учительских траекторий и выявить особенности социальной адаптации учителей в саамских погостах Русской Лапландии. Актуальность работы связана с глобальной проблемой диалога культур, изучения вопросов межэтнических связей и этнокультурных контактов.

Обзор литературы

Проблема просветительской миссии среди саамского населения частично затрагивалась известными учеными-этнографами в рамках изучения вопроса о христианизации и процессе обрусения коренного населения Кольского Севера¹. В работах советских историков деятельность церковно-приходских школ рассматривалась как составляющая экономической эксплуатации и порабощения коренного населения². В настоящее время все большей популярностью пользуется подход, при котором школа в различных национальных регионах Российской империи выступает в качестве «мягкой силы» имперской культурной политики [1]. В современной

¹ Харузин Н.Н. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта). М.: 1890. 482 с.

² Базанов А.Г., Казанский Н.Г. Школа на Крайнем Севере. Л.: Учпедгиз; 1939. 205 с.

исследовательской литературе представлен ряд работ по истории миссионерской деятельности Церкви³ и развитию начального образования на арктических территориях [2–4].

Просветительская деятельность Русской православной церкви в саамском сообществе рассматривается в работах о начальном этапе христианизации коренных жителей Кольского Севера [5]; бытовании православных часовен [6], попытках перевода священных текстов на саамский язык [7; 8]; миссионерской⁴ и просветительской деятельности кольских священников [9]; участии саамского населения в церковно-приходской жизни [10]. В зарубежной историографии приоритетным направлением является рассмотрение образовательной политики в отношении саамского населения в советское время и деятельности школ-интернатов, тогда как генезис образовательной системы позднеимперского периода представлен фрагментарно и базируется на работах советских этнографов⁵. Таким образом, наблюдаются лакуны в изучении развития начального церковного образования в саамском сообществе в целом, а также отсутствие в научной литературе исследований социокультурного облика учителей в Русской Лапландии и характера их взаимодействия с коренным населением Кольского Севера. Проблему адаптации учителей в иноэтнической среде финно-угорского населения детально разработала О. П. Илюха на материалах Карелии⁶. В новейшем исследовании автор рассматривает сферы, в которых происходила инкультурация русских учителей в карельской деревне конца XIX – начала XX в., выявляет зависимость между адаптационными стратегиями педагогов и успехом в решении образовательных задач школы [11]. В этом отношении работа О. П. Илюха служит методологическим ориентиром для настоящей статьи и предоставляет необходимый материал для проведения сравнительных исследований культурного диалога между русским и финно-угорским населением Европейского Севера России.

Материалы и методы

Статья базируется на широком круге архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Реконструкция профессиональных траекторий учителей церковно-приходских школ Русской Лапландии и изучение характера их социальной адаптации осложняются разобщенностью источниковой базы, которая не составляет единого комплекса документов, а представлена фрагментарно в разных архивохранилищах. Основными источниками для изучения проблемы послужили документы фонда Архангельского епархиального училищного совета (Государственный архив Архангельской области Ф. 28) и его уездных отделений: Кольского (Государственный архив Мурманской области Ф. И-133), Кемско-Кольского (Национальный архив Республики Карелия Ф. 419), Кемско-Александровского (НА РК. Ф. 411). Для исследования информативными являются формулярные списки учителей, в которых указаны биографические данные учащихся лиц, отчеты уездных наблюдателей об организации обучения в «лопарских» школах, личные документы учителей, на основании которых возможно выявить особенности жизни в саамских погостах, характер социальных связей с местным сообществом. Сложность изучения учительства

³ Корнильцев А.Н. Из истории становления церковно-приходских школ в Якутии. В: Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2020. Вып. 8. С. 172–178; Гипп К. Распространение православия в местах традиционного расселения ненцев: история и современное состояние. В: Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2016;(26):157–158.

⁴ Бардилова Ю.П. Просветительская, миссионерская и социальная деятельность православного духовенства Кольского Севера на рубеже XIX–XX вв. В: Святейший Правительствующий Синод в истории и культуре России. СПб.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина; 2023. С. 136–149.

⁵ Afanasieva A. Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations. Norway: The Arctic University of Norway; 2018. 371 p.

⁶ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин; 2007. 304 с.

как социо-профессиональной группы и ее профессиональной деятельности связана с характерной для Кольского Севера частой ротацией учительских кадров. В исследовании используются как общенаучные, так и традиционные для исторического исследования методы анализа, обобщения, сопоставительной типологии, рассмотрения вопросов в проблемно-хронологическом плане. Для изучения профессиональных траекторий учителей используется историко-биографический метод, позволяющий реконструировать особенности их жизни и профессиональной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

На начальном этапе развития церковного образования на Кольском Севере учительские обязанности брали на себя священники и члены причта, однако они не могли в полной мере заниматься обучением детей, так как должны были выполнять духовные функции и часто находились в разъездах по приходам, каждый из которых на Кольском Севере состоял из нескольких небольших селений, расположенных далеко друг от друга. Поэтому с развитием системы начального церковного образования образовательные функции переходят к учителям, большинство из которых имели родственные связи с духовенством. В 1880–1890-х гг. церковно-приходские школы открылись в Пазрецком, Нотозерском, Ловозерском, Сонгельском и Кильдинском погостах [10].

Социально-профессиональная группа учителей Кольского Севера была довольно немногочисленна. Согласно отчету за 1896–1897 год, в Кольском уезде было 19 преподавателей церковно-приходских школ: священников – 8, диаконов – 1, псаломщиков – 1, учителей – 4, учительниц – 5⁷. Со временем их численность на Кольском Севере не росла, так как с начала XX в. здесь открывались преимущественно министерские школы. Для каждой «лопарской» школы полагалось по одному учителю; всего за рассматриваемый период с 1888 по 1917 г.⁸ в церковно-приходских школах Русской Лапландии, по нашим подсчетам, преподавали порядка 20 чел., о некоторых из них ввиду очень краткого срока службы имеются лишь отрывочные сведения. В ходе исследования были изучены 15 профессиональных биографий учителей Русской Лапландии (10 мужчин и 5 женщин). Анализ документов Архангельского епархиального совета показывает, что поначалу к кандидатам на учительскую должность в «лопарские» школы не предъявлялось каких-либо определенных требований.

В июне 1890 г. в Архангельских епархиальных ведомостях было дано объявление о вакансии учителя в Сонгельской школе, открытой в январе этого же года. Учащему предполагалось жалование в размере 240 руб. в год⁹, наличие квартиры с отоплением и освещением¹⁰. Это обстоятельство, вероятно, побудило сразу нескольких кандидатов просить о назначении в «инородческую» школу. Прошение было подано губернским секретарем Александром Александровичем Колобовым, выпускницей Архангельского епархиального училища Галиной Новиковой, отставным губернским секретарем Дмитрием Васильевичем Морзахановым, проживавшим тогда в Коле и имевшим рекомендации от чиновника по крестьянским делам Н. Н. Макшеева. Также прошение о назначении было подано Михаилом Георгиевичем Терентьевым, окончившим курс Архангельского духовного училища и проживавшим с 1889 г. в Печенгском приходе Кольского уезда вместе с отцом, протоиереем Георгием Терентьевым¹¹. Именно его прошение рассматривалось Архангельским епархиальным советом в приоритетном порядке. Поскольку Михаил Терентьев не предоставил

⁷ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 11. Л. 163 об.

⁸ В 1888 г. была открыта первая «лопарская» школа в Пазрецком погосте.

⁹ В среднем учителя в школах Кемского и Кольского уездов получали от 120 до 180 руб.

¹⁰ АЕВ. 1890. № 11. С. 193–194.

¹¹ Национальный архив Республики Карелия (Далее – НА РК). Ф. 411. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 1 об.

свидетельство об окончании училища, смотрителю Архангельского духовного училища была отправлена просьба сообщить о степени его образования, о поведении, а также запрос председателю Кольского уездного училищного отделения о пригодности и благонадежности Михаила Терентьева к занятию учительской должности¹². В ответ на запрос председатель Кольского уездного отделения протоиерей Александр Попов дал претенденту следующую характеристику: «Учительскую должность может исполнять как следует, судя по тому, что для учителя в Сонгельском погосте требуется небольшое знание»¹³.

Михаил Терентьев был назначен на должность 4 сентября 1890 г.; преподавал в Сонгельской школе около шести лет. Зимой он жил в погосте в саамской тупе, в которой и проходили занятия, а летом уезжал в Нотозерский погост в причтовый дом. Население относилось к нему доброжелательно, что видно из приговора крестьян за 1892 г.: «Учитель школы, живя в нашем месте, обучение детей производит по нашему понятию успешно. И на будущее время желаем его иметь учителем, в чем по неграмотности прилагаем свои клейма»¹⁴. Женившись в 1895 г. на дочери колониста Надежде Павловне Хипагиной, Михаил Терентьев оставил учительскую службу и переехал в Печенгский приход.

В 1893 г. место учительницы в Кильдинском погосте получила дочь священника Пазрецкого прихода, известного «просветителя лопарей» Константина Щеколдина, выпускница Архангельского епархиального женского училища Екатерина Константиновна Щеколдина. Она достаточно хорошо владела саамским и норвежским языками благодаря своей матери Марии Козьмовне Щеколдиной¹⁵. В апреле 1897 г. в Кильдинской школе состоялись первые выпускные экзамены, на которых присутствовал преподаватель Кольского уездного училища А. М. Темнорусов. По результатам экзамена им был подготовлен доклад для училищного отделения, в котором сообщалось, что учительница во время экзамена вмешивалась в ответы учеников, а также при диктовке повторяла фразы по несколько раз, в действительности же познания учеников Кильдинской школы представляют крайне печальную картину, и требовалось признать результаты экзамена недействительными¹⁶. С ним не согласились священник Кильдинского прихода Василий Мартынов и председатель Кольского отделения священник Алексей Шилов, однако резонанс этого дела, дошедшего до епархиального наблюдателя и Архангельского совета, заставил Екатерину Щеколдину просить о переводе. С 1897 г. она состояла учительницей в Сонгельском погосте, бытовые условия жизни в котором, согласно донесениям уездного наблюдателя, считались самыми аскетическими в Русской Лапландии. В 1898 г. Екатерина Щеколдина была приглашена на учительские курсы в Архангельск, однако «по слабости здоровья» участвовать не смогла. Вместо этого она просила отделение разрешить ей воспользоваться теплым временем года и для восстановления сил выдать увольнительное свидетельство для проживания в г. Шенкурске с июня по сентябрь 1898 г.¹⁷ Однако по прошествии лета Екатерина Щеколдина не вернулась к учительским обязанностям. В том же году в Пазрецком приходе, где служил ее отец, она вышла замуж за псаломщика Василия Ивановского, который исполнял обязанности учителя Пазрецкой школы. Через несколько лет он был рукоположен в сан священника и назначен служить в Холмогорский уезд Архангельской губернии.

¹² ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 172. Л. 13.

¹³ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

¹⁴ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

¹⁵ Мария Козьмовна Щеколдина вместе с мужем, священником Константином Прокопьевичем Щеколдиным, приехала на Кольский Север в 1868 г. С 1874 г. они постоянно проживали в Пазрецком погосте, общение с населением которого позволило им в совершенстве освоить саамский диалект; Мадцак В.А. Печенгский монастырь: От истоков к возрождению (документы, воспоминания, фотографии). СПб.: Дмитрий Буланин; 2021. С. 728.

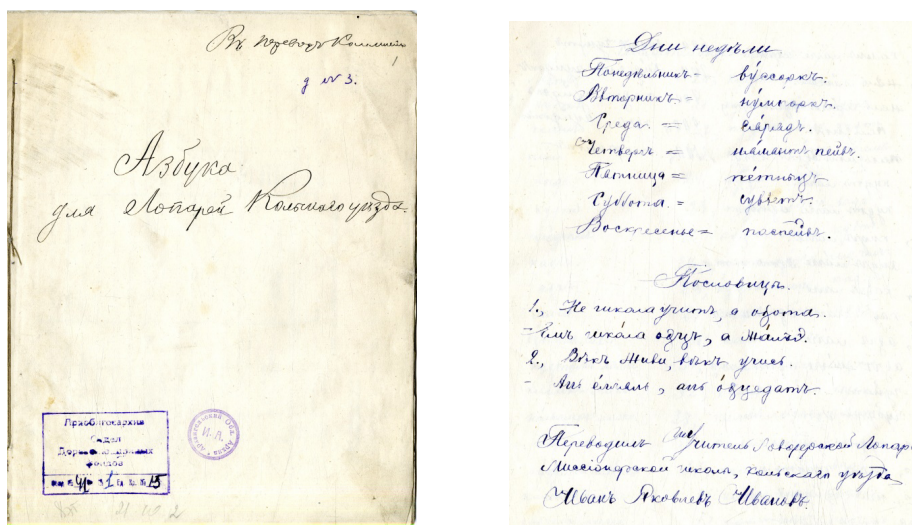
¹⁶ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7. Л. 45 об. – 46.

¹⁷ НА РК. Ф. 411. Оп. 1/1. Д. 8. Л. 5. об.

Приведенные примеры показывают, что учителя, знакомые с жизнью саамского населения, достаточно легко адаптировались к службе и получали одобрение местного населения, однако с развитием системы начального церковного образования повышались требования не только к профессиональной подготовке учителя, но и к результатам процесса обучения детей в «лопарских школах». Учитель был вынужден адаптировать процесс обучения к традиционному укладу жизни коренного населения и в то же время выполнять требования учебного начальства. Ситуация, когда учитель оказывался «между народом и властью» была характерна и для карельских школ [11].

Для учителей, приехавших на Кольский Север из других уездов Архангельской губернии, языковая составляющая являлась важнейшей в социальной адаптации. Овладение языком коренного населения было важно как для организации учебного процесса, так и для взаимодействия с местным населением. Из документов становится понятно, что учителя на уроках в младших отделениях, ученики которых знали только свой национальный язык, говорили частично по-русски, а больше «по-лопарски». Особенностью языка коренного населения было почти полное отсутствие слов, обозначающих место, время, происхождение и другие отвлеченные понятия, для объяснения которых учителю приходилось проявлять изобретательность.

Примером успешной социальной адаптации может служить профессиональная биография учителя Ловозерской школы Ивана Яковлевича Иванова. Он происходил из известной в Архангельской губернии священнической династии Ивановых, но, окончив только первый класс Архангельской семинарии, был вынужден искать место учителя. В 1893 г. он был определен в школу в Ловозерском погосте, где преподавал до 1897 г. Все это время школа не имела собственного здания, а помещалась в «лопарской тупе», где камелек был переделан в русскую печь, а доска висела у печи на веревочках. Учитель проживал в погосте только в зимнее время, а весной до распутицы уезжал из погоста до осени к родным в Архангельск. Несмотря на короткий срок проживания в погосте и неоконченное образование, Иван Яковлевич освоил местный диалект и даже составил «Азбуку для лопарей Кольского уезда» (рис. 1), которая сохранилась в рукописи в фонде Переводческой комиссии при Архангельском миссионерском комитете Государственного

Р и с. 1. Рукопись «Азбука для лопарей Кольского уезда»: обложка и последняя страница

F i g. 1. The manuscript “ABC for Lapps of the Kola District”: cover and the last page

Источник: Государственный архив Архангельской области. Ф. 41. Оп. 1. Д. 15.

Source: State Archives of the Arkhangelsk Region. С. 41. I. 1. F. 15.

архива Архангельской области¹⁸. Как свидетельствуют документы, Иван Яковлевич владел и зырянским языком¹⁹. Эта необходимость была обусловлена преобладанием в Ловозерской школе детей коми-ижемцев [10]. В 1897 г. Иван Яковлевич Иванов перевелся на службу в Чуболонаволоцкий приход недалеко от Архангельска, однако, женившись вскоре на дочери протоиерея Елизавете Алексеевне, оставил учительскую службу и был рукоположен в сан священника.

О. П. Илюха отмечает, что в результате событий первой русской революции в жизни «инородческой» школы произошли существенные изменения: в 1908 г. в Олонецкой губернии было признано обязательным знание языка местного населения для учителя, преподающего в карельской школе²⁰. Отметим, что с этого же времени в прошениях о назначении на должность учителя в Кемско-Александровский учебный округ появляются сведения о владении языком коренного населения (карельским или «лопарским»). Например, в 1910 г. прошение о назначении в Александровский уезд подает Клавдия Николаевна Попова, по причине болезни окончившая только пять классов Архангельского епархиального училища²¹. После смерти отца, занимавшего должность псаломщика Пазрецкого прихода, Клавдия Николаевна, не имея средств к существованию, просила о назначении, указывая на владение «лопарским языком». В сентябре 1910 г. Клавдия Попова была определена в школу в Сонгельском погосте, где затем успешно учительствовала более пяти лет.

Если языковая адаптация происходила достаточно легко, то процесс бытовой адаптации к жизни в погосте шел гораздо сложнее: он заключался как в необходимости жизни в тяжелых для русского учителя бытовых условиях, так и в синхронизации своей профессиональной деятельности с хозяйственной жизнью саамов.

Учебное время в школе целиком зависело от организации кочевого коренного населения. Так, саамы собирались в погост с установлением зимнего пути, а разъезжались до весенней распутицы. В 1904 г. Священник Константин Щеколдин рапортовал в отделение о том, что 1904-й учебный год был особенно кратким, так как лопари поздно приехали в погост из-за бурь и рано выехали из-за переноса зимнего погоста на новое место. К летнему погосту у Пазрецкой церкви, где также было организовано обучение, лопари не приехали из-за скудости морских промыслов, а сразу уехали в осеннее местожительство верст за сто, каждый в свое место²². В связи с зависимостью учебного процесса от кочевого образа жизни саамов, отец Константин неоднократно поднимал вопрос об организации общежития при Пазрецкой школе.

Особую трудность представляла неразвитость транспортных путей, поэтому добираться до погоста приходилось традиционным способом передвижения коренного населения, причем учитель должен был быть в погосте одним из первых (рис. 2). В годовом отчете по школам Александровского округа за 1907–1908 год подчеркивалась важность использования всего периода проживания населения в погосте: «Чтобы увеличить продолжительность учебного года в Ловозерской школе, следует обязать учительницу выезжать с последними рейсами мурманского пароходства в становище Рында, из которого она должна следовать в Ловозерский погост, как только явится возможность ехать на оленях. Кроме того, надо требовать от учительницы, чтобы она продолжала занятия в школе до того времени, пока лопари, ижемцы остаются в погосте»²³.

Учителя церковно-приходских школ Русской Лапландии были вынуждены ежегодно совершать сезонные переезды от места службы к месту жительства и обратно,

¹⁸ ГААО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 15.

¹⁹ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7. Л. 85.

²⁰ Илюха О.П. Сельский учитель в Олонецкой губернии: труд и социальный облик. В: Из истории русской интеллигенции: сб. мат-лов и статей к 100-летию со дня рождения В. Р. Лейкиной-Свирской. СПб.; 2003. С. 438.

²¹ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1238. Л. 124.

²² НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6/82. Л. 42.

²³ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1157. Л. 9 об.

что препятствовало их укоренению на Кольском Севере и представляло определенную трудность для желающих завести семью. В 1906 г. в Сонгельский погост был назначен учителем 17-летний Иван Александрович Ковров, из крестьян Шенкурского уезда, окончивший Конецгорскую второклассную школу (рис. 3). Уже в 1909 г. председатель Кемско-Александровского отделения дал Ивану Коврову такую характеристику: «Учитель Сонгельской школы, хорошо знающий быт лопарей»²⁴.

Летом 1910 г. Иван Ковров женился на девице Конецгорского прихода Марии Варлачевой²⁵ и сразу же подал в Архангельский епархиальный училищный совет просьбу о переводе из Сонгельской школы на другое место службы. В этом прошении он подробно описывает учительский быт и обосновывает причины, по которым учитель, имеющий семью, не может преподавать в «лопарской» школе. В частности, из прошения мы узнаем, что в погосте учитель проживал только около трех месяцев, а вне этого времени в погосте никто не оставался и учитель вынужден был выезжать в какой-нибудь населенный пункт. «Ближайшим и лучшим населенным пунктом, – рассуждает Иван Ковров, – в котором приходится ждать другого учебного года, можно считать город Колу, где учащий должен платить за одну комнату с отоплением не менее 10 рублей в месяц, и содержание одного человека стоит тоже около 10 рублей»²⁶. Учитель делает вывод о том, что жизнь для двоих на оклад в 25 рублей в месяц здесь невозможна. Иван Ковров просил перевести его в одну из школ Архангельской епархии, служа в которой он бы мог жить с семьей не выезжая. В 1910 г. он получает место в Кашкаранской церковно-приходской школе. Зарекомендовав себя как «одного из усерднейших учителей церковной школы» (именно так отзывался о нем в своем очерке епархиальный наблюдатель Николай Козмин), Иван Ковров был рукоположен в сан священника и направлен для миссионерской и просветительской деятельности в построенную в 1912 г. на Новой Земле церковь-школу в Белушьей губе²⁷. Лишь в 1916 г. «учитель-священник» был переведен служить в родной Шенкурский уезд в Остакхинский приход²⁸.

Р и с. 2. Лопарско-зырянская школа в погосте Ловозеро Александровского уезда. Начало XX в.
F i g. 2. Lappish-Zyryan school in the Lovozero pogost of the Aleksandrovsky district. Beginning of the 20th century

Источник: ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». АОКМ КП 48976/1762.
Source: Arkhangelsk Regional Lore Museum. 48976/1762.

Р и с. 3. Церковно-приходская школа Сонгельского лопарского погоста. Начало XX в.
F i g. 3. Parish school in Sami pogost Songelo. Beginning of the 20th century

Источник: ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». АОКМ КП 48976/2079.
Source: Arkhangelsk Regional Lore Museum. 48976/2079.

²⁴ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1200. Л. 44.

²⁵ ГААО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1268. Л. 17.

²⁶ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1238. Л. 104 об. – 105.

²⁷ Козмин Н.Д. Архангельские самоеды (очерк их быта и верований). СПб.: Издание Училищного совета при Святейшем Синоде; 1913. 48 с.

²⁸ АЕВ. 1916. № 18. С. 329.

Об учителе Иване Коврове²⁹ и его жизни в Сонгельском погосте повествуется в этнографическом сочинении «Суд», опубликованном уездным наблюдателем, священником Василием Мелетьевым в журнале «Народное образование»³⁰. В статье описывается практика привлечения саамским сообществом учителя в качестве судьи для разбора конфликтных ситуаций, а также сообщается об оказании учителем медицинской помощи не только ученикам, но и взрослому населению погоста во время эпидемии. Таким образом, на основании имеющихся источников можно сделать вывод: успешная адаптация учителя в погосте и делегирование ему местным населением дополнительных социальных функций способствовало росту его авторитета в саамском сообществе.

Неприятие учителем кочевой культуры и хозяйственного уклада жизни саамского населения, как видно из документов, сказывалось прежде всего на выполнении профессиональных обязанностей. Конфронтация проявлялась в нежелании адаптировать учебный процесс под местные особенности, что приводило к слабым успехам учеников. Уездный наблюдатель, обнаружив при очередной инспекторской проверке низкий уровень знаний у детей, объяснял это равнодушным отношением учителя к школьному делу. Ситуация, когда родители были мало заинтересованы в успехах учеников и привлекали детей к выполнению различных хозяйственных и бытовых задач в учебное время, а учитель не был готов к работе с детьми, плохо владеющими русским языком, приводила к деструктивной коммуникации между учителем и местным сообществом. Приведем несколько ярких примеров.

Александр Нохрин, уроженец Костромской губернии, приехал на Кольский Север из Соловецкого монастыря и некоторое время преподавал в Печенгской школе, откуда перевелся в Поной, а затем оказался в школе Кильдинского погоста. Пытаясь получить материальную выгоду сразу из нескольких источников, он пренебрегал своими учительскими обязанностями, ссылаясь на нерегулярное посещение школы саамскими детьми, занятыми на хозяйственных работах. Учитывая краткость учебного года и относительную близость (13 верст) города Колы, он устроился в контору лесничего писцом за 10 рублей в месяц, чтобы купить квартиру в Коле. Когда начались учебные занятия, он не захотел бросать работу из-за «двух-трех учащихся», а навещивался в Кильдинский погост на несколько дней в неделю, а затем уезжал обратно. Такое положение дел, по словам самого учителя, «ничуть не вредило школьному делу и грамотности», но не могло устроить учебное начальство. При разбирательстве также выяснилось, что Александр Нохрин в Коле учил грамоте мальчика и получал за это по 10-11 руб. в месяц с условием приходить на занятия через день. Таким образом, в Коле Александр Нохрин работал четыре дня в неделю, а в Кильдинском погосте – три. Поводом к выяснению частных отлучек учителя из погоста послужил конфликт Нохрина со священником Печенгского погоста Георгием Терентьевым, который просил учителя отвезти учебные книги для школы в погост, так как сам в силу преклонного возраста не мог, на что получил отказ. В ходе разбирательства Александр Нохрин объяснял, что старшие дети часто отлучаются в тундру добывать дрова или пасти оленей и неисправно посещают школу. Просьба к родителям «прекратить это страшное неудобство» не подействовала, так как «лопарское население следует порядку прежних лет и распоряжается своими детьми по своему желанию»³¹. «Вследствие этого лопарское население заставило меня бездельничать или, вернее, скучать в их школе с тремя или четырьмя учениками. Лопарское население мои частые отлучки признало за нерадивое отношение к учению, не находя нужды исправить

²⁹ В сочинении он фигурирует под именем Ивана Ивановича Котлова.

³⁰ Мелетиев В. Суд (Посвящается учащим инородческих школ). В: Народное образование. 1912. Кн. 5–6. С. 537–545.

³¹ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 17 об.

собственные ошибки», – писал в объяснении учитель³². Видимо, единственное сожаление учителя – это то, что «не разузнавши местных условий определился в такую дикую глушь»³³. После приговора жителей Кильдинского погоста об удалении Александра Нохрина он был переведен на службу в Кемский уезд.

Следствием дезадаптации к жизни в погосте можно считать нарушение этических норм поведения учителя. В 1905 г. из Понойской церковной школы в Ловозерский погост был переведен учитель Федор Алексеевич Митусов, выходец из крестьян Онежского уезда, окончивший Прилуцкую второклассную церковно-приходскую школу. Уже в 1906 г. он сообщал в отделение: «Недоверчивость лопарей и непонимание необходимости воспитания – вот главные тормоза, с которыми приходится считаться»³⁴. В следующем году жители Ловозерского погоста составили приговор об удалении учителя «ввиду нетрезвой жизни, неудовлетворительности успехами обучения и развращающего влияния на учащихся»³⁵. В заявлении Федора Митусова в училищное отделение прослеживается его негативное отношение к саамам и коми-ижемцам, а труд учителя в Ловозерском погосте характеризуется как «тягостные условия одиночной борьбы с невежеством»³⁶. Вернувшись в родной Онежский уезд, Федор Митусов в течение нескольких лет не мог получить место, хотя неоднократно подавал прошения о назначении на должность учителя.

Заключение

В статье впервые в историографии реконструируются профессиональные траектории учителей церковно-приходских школ Русской Лапландии. Большинство из них были молодыми людьми, уроженцами Русского Севера, которые получили образование в духовных училищах и второклассных школах. Для многих из них Лапландия была первым местом их службы. Смешанный этнический состав населения арктических территорий, особый хозяйственный уклад жизни саамского населения, языковые проблемы приводили к трудностям реализации образовательных и просветительских проектов, необходимости адаптации учебного процесса к местным условиям. Социальная адаптация учителя заключалась в освоении языка коренного населения, приспособлении к бытовым условиям жизни в погосте и сезонным миграциям, соблюдении принятых в сообществе культурных норм. Результатом дезадаптации и негативного отношения к культурному уровню саамского населения становилась вынужденная смена профессиональной траектории. Отношение местного сообщества к личности учителя проецировалось на школу и фиксировалось в приговорах сельских сходов.

Учителя церковно-приходских школ Русской Лапландии были вынуждены ежегодно совершать сезонные переезды от места службы к месту жительства и обратно, что препятствовало их укоренению на Кольском Севере. Как показывает анализ профессиональных биографий, максимальный срок службы учителя в Русской Лапландии не превышал шести лет, а в среднем составлял два-три года. Преобладание мужчин среди педагогов было обусловлено отдаленностью и плохой транспортной доступностью погостов, тяжелыми бытовыми условиями жизни. Эти причины приводили и к частой ротации учительских кадров.

В ходе анализа установлено, что профессиональные траектории педагогов после окончания их службы в Русской Лапландии имели три направления: рукоположение в сан священника, что не исключало активной миссионерской деятельности;

³² НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 17 об.

³³ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 17 об.

³⁴ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 8/104. Л. 51 об.

³⁵ Ф. 411. Оп. 1. Д. 8/110. Л. 30 об.

³⁶ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 8/10. Л. 38 об.

продолжение учительской службы в других школах Архангельской губернии; отказ от профессиональной карьеры, что чаще было характерно для женщин после вступления в брак.

Результаты исследования имеют значение для историко-культурных и социальных исследований и могут быть применены при изучении межкультурных коммуникаций в арктических регионах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любичанковский С.В. Имперская политика аккультурации «инородцев» средствами просвещения (на материалах урало-поволжских и центрально-азиатских территорий Российской империи). *История*. 2021;12(3). <https://doi.org/10.18254/S207987840014091-9>
2. Власова В.В. Родной язык и религиозные практики в приходах Коми края в начале XX века. *Вестник угроведения*. 2019;9(2):341–351. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-341-351>
3. Цысь В.В. Становление школьного образования в Югре в 1760–1800-х гг. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2023;(4):6–12. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2023-4-1>
4. Юрганова И.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на Чукотке (XVII – начало XX в.). *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История*. 2015;(2):60–70. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.6>
5. Никонов С.А. О начале христианизации саамов Кольского полуострова во второй четверти XVI в. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019;(3):60–69. <https://doi.org/10.25986/IRI.2019.77.3.006>
6. Шахнович М.М., Коливатов Е.Б. Часовня Рождества Христова Лявозерского саамского погоста. *Финно-угорский мир*. 2024;16(3):361–372. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.361-372>
7. Кожевникова Ю.Н. Распространение книг Нового Завета в Русской Лапландии в 1813–1814 годах. *Религиоведение*. 2024;(3):32–38. <https://doi.org/10.22250/2072-8662-2024-3-32-38>
8. Бакула В. Б. Проблемы формирования литературного языка кольских саамов. *Финно-угорский мир*. 2018;(3):13–22. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.03.013-022>
9. Казакова К.С. Учитель и/или наставник: участие священников в деле народного просвещения на северных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX века. *Вестник антропологии*. 2024;(3):247–259. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-3/247-259>
10. Казакова К.С. Взаимодействие Русской православной церкви и коренного населения северо-западных арктических территорий в деле народного просвещения в конце XIX – начале XX веков. *Религиоведение*. 2023;(1):5–14. https://doi.org/10.22250/20728662_2023_1_5
11. Илюха О.П. Русский учитель в карельской деревне в конце XIX – начале XX века: проблемы инкультурации и адаптации. *Уральский исторический вестник*. 2024;(2):129–137. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-129-137](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-129-137)

Информация об авторе:

Казакова Ксения Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Кольского научного центра РАН (184209, г. Апатиты, мкр-н Академгородок, д. 40А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>, SPIN-код: 7201-7509, k.kazakova@ksc.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 12.05.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

REFERENCES

1. Lyubichankovskiy S.V. Imperial Policy of Acculturation of “Foreigners” by Means of Enlightenment (Based on Materials from the Ural-Volga and Central Asian Territories of the Russian Empire). *Istoriya*. 2021;12(3). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18254/S207987840014091-9>
2. Vlasova V.V. Native Language and Religious Practices in Parishes of the Komi at the Beginning of the XX Century. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(2):341–351. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-341-351>
3. Tsys V.V. Development of School Education in Ugra in 1760–1800. *Severny region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2023;(4):6–12. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2023-4-1>
4. Yurganova I.I. Missionary Activity of the Russian Orthodox Church in Chukotka (17th – Early 20th cc.). *Science Journal of Volgograd State University. Ser.: History*. 2015;(2):60–70. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.6>
5. Nikonov S.A. About the Christianization of the Saami of the Kola Peninsula in the Second Quarter of the 16th Century. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2019;(3):60–69. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25986/IRI.2019.77.3.006>

6. Shakhnovitch M.M., Kolivatov E.B. Chapel of the Nativity of the Lovozersky Sami Churchyard. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):361–372. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.361-372>
7. Kozhevnikova Yu.N. Distribution of the Books of the New Testament in Russian Lapland in 1813–1814. *Religiovedenie*. 2024;(3):32–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22250/2072-8662-2024-3-32-38>
8. Bakula V.B. Problems of Formation of Literary Language of the Kola Saami. *Finno-Ugric World*. 2018;(3):13–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.03.013-022>
9. Kazakova K.S. Teacher and/or Mentor: Priests in the Public Education in the Northern Periphery of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Herald of Anthropology*. 2024;(3):247–259. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-3/247-259>
10. Kazakova K.S. Interaction of the Russian Orthodox Church and the Indigenous Population of the North Western Arctic Territories in the Matter of Public Education in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Religiovedenie*. 2023;(1):5–14. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.22250/20728662_2023_1_5
11. Ilyukha O.P. Russian Teacher in the Karelian Village in the Late 19th – Early 20th Century: Problems of Enculturation and Adaptation. *Ural Historical Journal*. 2024;(2):129–137. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-129-137](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-129-137)

Information about the author:

Ksenia S. Kazakova, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (40A Akademgorodok, Apatity 184209, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>, SPIN-code: 7201-7509, k.kazakova@ksc.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 12.05.2025; revised 23.06.2025; accepted 30.06.2025.

КУЛЬТУРА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ CULTURE OF FINNO-UGRIC PEOPLES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.338-348><https://elibrary.ru/ublbtwu>

УДК / UDC 316.1(=511.1)

Оригинальная статья / Original article

Социальные и экзистенциальные детерминанты традиционного марийского менталитета

В. Г. Токпулатов

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории им. В. М. Васильева,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
vladimir.tokpulatov@ya.ru*

Аннотация

Введение. Актуальной научной проблемой является отсутствие исследований марийского фольклора, в частности пословиц, с позиций неоклассического детерминизма. Цель исследования – выявить и проанализировать механизмы и специфику влияния объективных (внешних/социальных) и субъективных (внутренних/экзистенциальных) детерминант на формирование и функционирование традиционного менталитета мари, выраженного в фольклорных текстах.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают пословицы (калыкмут) и этнографические источники, отражающие представления о социальной категории и причинности в марийской культуре. Методологическая основа построена на теории неоклассического детерминизма. В работе применяются методы компаративистики для сопоставления архаичных и современных текстов, герменевтический анализ, направленный на интерпретацию сакральных смыслов, и метод генерализации, способствующий выявлению универсальных паттернов в фольклорном наследии.

Результаты исследования и их обсуждение. Экзистенциальные детерминанты, выраженные через понятия «юмо» (божество) и «чон» (душа), играют доминирующую роль в марийском менталитете. Социальные условия оказываются опосредованными через духовные практики, а марийская картина мира характеризуется свойствами фрактальности и гетерархичности, что указывает на повторяемость культурных паттернов на различных уровнях бытия.

Заключение. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости пересмотра классического понимания социальной детерминации с учетом внутренней свободы личности и духовных компонентов культуры. Практическая значимость работы проявляется в возможности применения выводов для этнокультурного образования и междисциплинарных исследований финно-угорских народов.

Ключевые слова: детерминизм, этнос, марийский фольклор, экзистенциальность, социальная детерминация, культурное сознание, традиционный менталитет

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Токпулатов В.Г. Социальные и экзистенциальные детерминанты традиционного марийского менталитета. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):338–348. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.338-348>

© Токпулатов В. Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Social and Existential Determinants of the Traditional Mari Mentality

V. G. Tokpulatov

*Mari Research Institute of Language, Literature and History
named after V. M. Vasiliev,
Yoshkar-Ola, Russian Federation
vladimir.tokpulatov@ya.ru*

Abstract

Introduction. Of current academic concern is the scarcity of research on Mari folklore, particularly proverbs, from the perspective of neoclassical determinism. The objective of this study is to identify and analyse the mechanisms and specific nature of the influence exerted by objective (external/social) and subjective (internal/existential) determinants on the formation and functioning of the traditional Mari mentality, as expressed within folklore texts.

Materials and Methods. The subject of this research comprises proverbs (kalaykmut) and ethnographic sources that reflect conceptions of the category of sociality and causality within Mari culture. The methodological foundation is constructed upon the theory of neoclassical determinism. This study employs methods of comparativism to juxtapose archaic and contemporary texts, hermeneutic analysis aimed at interpreting sacred meanings, and the method of generalisation to identify universal patterns within the folklore heritage.

Results and Discussion. Existential determinants, articulated through the concepts of 'Yumo' (deity) and 'chon' (soul), play a predominant role in the Mari mentality. Social conditions are mediated through spiritual practices, and the Mari worldview is characterized by properties of fractality and heterarchy, which indicates a recurrence of cultural patterns across different levels of being.

Conclusion. The obtained findings indicate the necessity of revising the classical conception of social determinism by incorporating the intrinsic freedom of the individual and the spiritual components of culture. The practical significance of the study is demonstrated by the potential application of its conclusions within the realms of ethno-cultural education and interdisciplinary research pertaining to Finno-Ugric peoples.

Keywords: determinism, ethnicity, Mari folklore, existentiality, social determination, cultural consciousness, traditional mentality

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Tokpulatov V.G. The Social and Existential Determinants of the Traditional Mari Mentality. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):338–348. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.338-348>

Введение

Платон и Аристотель заложили основы концепции детерминизма в античной философии. Они считали, что всем в мире вещей управляют идеи (*eidōs*) и целевая причина определяет всю последующую динамику. Альберт Эйнштейн в известной фразе *God does not play dice* («Бог не играет в кости») выразил неприятие идеи случайности в физике. Также в науке различались 1) жесткий (лапласовский) детерминизм, отождествляемый с причиной и понимаемый как одностороннее механическое воздействие или внешний толчок (природа, бог, «часовщик») и 2) частичный (например, юмовский), психологически ориентированный детерминизм, без опоры на божественное предопределение всего. Непосредственно в марийской культуре примером проявления детерминизма может служить народная пословица: *Ик кўрылтмō лышташланат уло тўня чытырналт кая* «Даже один сорванный листок содрогает весь мир».

Детерминизм (от лат. *determinare* – определять) – философская концепция о всеобщей причинности. О нации в детерминизме немало противоречий: причины национальной динамики определяются во внешних силах, таких как космос, природа, бог, пассионарность, проекты элит, производство, и внутренних – архетипы, этнопсихология, неврозы и др. В таком ракурсе вопрос о статусе идеи нации в марийских

культурных текстах ставится впервые в регионалистике. Данный феномен отражает социальную действительность и отношение к ней, разделяемое самим сообществом.

Объектом исследования является понимание детерминизма в культуре народа мари, предметом – определение социальных причин и следствий в ментальности на примере пословиц и поговорок, источников о традиционной религии.

Цель исследования – рассмотреть социум в мари́йском фольклоре с позиций детерминизма. Цель статьи определила следующие задачи: 1) сформировать детерминистский подход, соответствующий теме исследования; 2) дифференцировать социальную причину в научной литературе о мари́йской ментальности, в *калыкмут* (пословицах и поговорках).

Обзор литературы

Основу исследования составил неоклассический детерминизм Г. П. Меньчикова [1], дополненный современными интерпретациями антропоцена П. Жука [2] как социально-культурного и политического конструкта, что акцентирует роль экономико-политических факторов в формировании коллективного сознания. В сочетании с подходами, исследующими взаимосвязь социальных детерминант и индивидуального самоопределения (Баумейстер, Мюллер и др. [3; 4]), это создает основу для анализа менталитета как динамичного процесса.

Концепция «ориентализма» (Э. Саид, Г. К. Бхамбра и др. [5]) раскрывает механизмы формирования менталитета через призму взаимодействия локальных традиций и внешних влияний, преодолевая бинарность «центра» и «периферии». Методология Б. Латтура [6], отвергающая противопоставление микро- и макроподходов, смещает фокус на изучение сетей взаимодействий природы, социума и духовности.

Мари́йский фольклор привлекал внимание многих зарубежных и отечественных исследователей. Финские, венгерские и немецкие ученые разрабатывали сравнительно-типологические аспекты (О. Беке, И. Г. Георги, М. А. Кастрен)¹, а российские исследователи сосредотачивались на систематизации и этнокультурной специфике фольклорного наследия (Н. И. Золотницкий, С. К. Кузнецов, И. Н. Смирнов)².

К. А. Четкарев – первый в Мари́йском крае кандидат филологических наук (1938 г.), один из первых профессиональных фольклористов. Известен как составитель сборников мари́йских народных сказок³. Историческое самосознание в фольклоре отражается в легендах и преданиях, систематизированных В. А. Акцориным. В последние десятилетия рассматриваются культурологические аспекты мари́йского фольклора: трудолюбие, традиции, семейные ценности выделяются в качестве ключевых (Л. А. Абукаева, Р. А. Кудрявцева, Г. Е. Шкалина и др.). Этические вопросы и детерминизм в духовной культуре народа мари ранее рассматривались в философских текстах, и в качестве первопричины бытия отмечалась всеобъемлющая категория *Ю* и близкие по онтологическим свойствам боги – *Шочынава* (Богородица), *Тун Тунгалтыш* (Первоначало), *Туня Юмо* (Бог мира), *Ош Поро Кугу Юмо* (Светлый Добрый Великий Бог), *Пурыйш Юмо* (Предопределитель). Концепт «юмо» воспринимается как всемогущий и всеведущий бог, который управляет миром и контролирует все процессы в нем; он считается создателем земли, неба, солнца, луны и звезд, всех

¹ Beke Ö. Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura; 1938. 649 s.; Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб.: Имп. Акад. наук; 1799; Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М.; 1860. 495 с.

² Кузнецов С.К. Святыни. Култ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Центр-музей им. В. Колумба; МКИ; 2009. 704 с.; Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Императорского ун-та; 1889. 221 с.; Золотницкий Н.И. Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. Казань: Унив. тип.; 1877. 27 с.

³ Мари́йские сказки. Т. 1: Ронгинский район. Под ред. М. К. Азадовского. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во; 1941. 316 с.

живых существ, включая людей; обладает абсолютной властью над всеми явлениями природы и человеческой жизнью⁴. Традиционная религия последовательно признает социальные детерминации: *Мер Юмо* (Общинный Бог), *Казначей Юмо* (Хранитель денег), *Курык Кугыза* (Хозяин горы), *Керемет* (Родоначальник), *Пиымбар* (Пророк). Социальное бытие предстает неоднозначным, потому что его определяют люди: *Шеме – да шеремет, ошо – да керемет* «Черно – да дорого, бело – да черт»⁵. Однако, несмотря на длительную историю изучения, остаются недостаточно исследованными семиотические и антропологические аспекты, что открывает перспективы для применения современных междисциплинарных подходов к анализу марийской традиционной культуры.

Культурное сознание народа мари исследуется Г. Е. Шкалиной, Н. Н. Глухой, Н. С. Поповым [7–9] на основе мифологического сознания, архетипов, фольклора, литературы и традиционной культуры: мировоззрение описывается не только в дуалистическом ключе, но и как объемно воспринимающее этот сложный мир⁶. На конкретном материале показано, как именно мифология, религия, виртуальность и фольклорные герои функционируют в современном марийском сознании, выступая активными детерминантами этнической идентичности [10–13].

Этнос в марийской культуре трактуется как результат объективных влияний, этничности и экзистенциальных факторов⁷. Однако существующие работы, охватывая аспекты детерминизма и марийской культуры (фольклор, религия), не систематизируют социальные и экзистенциальные детерминанты традиционного менталитета, это определяет новизну данного исследования.

Материалы и методы

Материалами исследования служат источники (по фольклористике, лингвокультурологии, философии) о понимании социальной детерминации в культурном сознании на основе *калыкмут* (пословиц и поговорок). Поиск был сфокусирован на фольклоре, отражающем социальную детерминацию. В основном это термины *калык* (народ) как категория социального бытия и *амал, йӧн*, прямо отражающие понимание причинности. В данной категории фольклора имеются как более распространенные в народе *калыкмут* (*Йӧным мушо йӧрым кочкеш* «Находчивый всегда в достатке»; *Уш-акыл калыкыште* «Мудрость в народе»), так и менее известные, редкие, устаревшие. Методологическая основа исследования – неоклассический детерминизм как «учение о различной взаимозависимости конечных явлений природы, общества и мышления, отражающее через эту взаимозависимость разную степень и форму активности самодвижущегося бытия в различных формах детерминации»⁸.

В работе для исследования феномена этноса в детерминизме на разных этапах развития науки и для внутреннего сравнения элементов марийской культуры применялся метод компаративистики. Архаика акцентирует внешние детерминации (воля богов), тогда как пословицы начала XX в. вводят субъективные факторы (*Шкендым ике кучо – айдеме лият* «Воздержки самого себя – будешь человеком»)⁹. Сопоставляются объективные (природные, социальные) и субъективные (экзистенциальные) причины, а также семантика различных трактовок терминов *амал, йӧн*.

Герменевтический анализ направлен на реконструкцию скрытых смыслов детерминизма в духовной культуре и фольклоре с философско-культурологических

⁴ Абукаева Л.А. Концептосфера марийской этнической религии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2024. 364 с.

⁵ Китиков А.Е. Марий калык ойпого: Калыкмут-влак. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2004. С. 143.

⁶ Шкалина Г.Е. Мифы о творении неба и земли в марийской космогонии. В кн.: Культура и искусство: традиции и современность. Чебоксары: ЧГИК; 2023. С. 150–158.

⁷ Токпулатов В.Г. Юмо-Керемет система: философско-культурологический анализ. Казань: КазГИК; 2023. 215 с.

⁸ Меньчиков Г.П. Детерминизм XXI: проблемы и решения. М.: Спутник +; 2015. С. 26.

⁹ Китиков А.Е. Марий калык ойпого: Калыкмут-влак. С. 287.

позиций. Например, пословица *Ик йогын вўдыштў шкендым кок гана ончаш ок лий* («В одной текучей воде дважды себя не увидишь»)¹⁰ интерпретируется не только как констатация изменчивости мира, но и как призыв к осознанию уникальности каждого момента, где человек сам становится причиной своих действий.

Результаты исследования и их обсуждение

Классическая философия рассматривает понятие «этнос» как линейную систему, гармонично и поступательно развивающуюся согласно проекту бога, космоса и иных абсолютов. Причина у М. Цицерона понимается как «то, что своим наличием необходимо производит (*efficit*) то, чему оно является причиной»¹¹, т. е. у любой причинно-следственной связи имеется элемент необходимости. Понятие «нация» он использует в значении «природный» (происходить биологически) и считает, что сила – в народе, но авторитет должен принадлежать сенату. Бог (мировой разум) наделяет власть авторитетом/легитимностью¹². Августин Аврелий в работе «О Граде Божьем» связывает категории справедливости и народа: «Где нет истинной справедливости, там не может быть и совокупности людей, соединенных взаимно согласием в праве; следовательно, не может быть и народа»¹³. Для богослова без справедливости нет ни легитимной власти, ни самого народа.

Ш. Л. де Монтескье утверждал, что климат, география и природа страны оказывают непосредственное влияние на формирование политических институтов, законодательства и общественного устройства: жаркий климат способствует лени и деспотизму, тогда как умеренные климатические условия способствуют свободолюбивым обществам¹⁴. Детерминизм Юма – это эмпирически обоснованный компатибилизм, где необходимость сводится к психологической привычке ожидать регулярных связей, а не к метафизическому принуждению [14]. Для П. Лапласа, апологета жесткого детерминизма, случайность была лишь иллюзией, порожденной неспособностью человека учесть все причинно-следственные связи. Он утверждал, что совершенное знание законов природы позволило бы предсказывать любое событие без исключений¹⁵.

Для лингвофилософской концепции язык не просто инструмент общения, а «дух народа» (*Volksgeist*), который предопределяет его идентичность, вырастает из общей языковой и культурной матрицы и не сводится к политическим или экономическим факторам (В. Гумбольдт)¹⁶.

В рассматриваемых классических идеях о причинах развития общества подчеркивается природа, божественный порядок, справедливость, власть, национальный дух.

Неклассическая философия выявляет энергичную, хаотическую, оборотную сторону бытия, в качестве причины отмечаются врожденные в человеке свойства, его природа (пассионарность, «дух нации», энергии и др.). В раннем (глубинном) психоанализе «народ» понимается как общность людей с идентичными психическими параметрами. Однако проблема детерминации нации усложняется внешними факторами: империализмом как системой, разделяющей человечество на колонии и метрополии, Запад и Восток¹⁷. Нация может быть рассмотрена в качестве выражения определенных архетипов, присущих данной группе людей, которые несут в себе

¹⁰ Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во; 1991. С. 70.

¹¹ Цицерон М. Философские трактаты. Пер. с лат. М. И. Рижского. М.: Наука; 1985. С. 53.

¹² Там же.

¹³ Августин Аврелий. О Граде Божьем. М.: АСТ; 2023. С. 747.

¹⁴ Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. Общ. ред. М. П. Баскина. М.: Госполитиздат; 1955. 800 с.

¹⁵ Лаплас П.С. Опыт философии теории вероятностей. М.: ЛИБРОКОМ; 2011. 208 с.

¹⁶ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс; 1984. 397 с.

¹⁷ Edward W. Said. Culture and Imperialism. New York: Knopf; 1993. 380 p.

элементы коллективного бессознательного (К. Юнг). В работе о социальном детерминизме утверждается, что социальные факты имеют объективное существование и оказывают независимое воздействие на индивидов (Э. Дюркгейм)¹⁸. Исследование влияния культурных и религиозных факторов на формирование нации доказывается на примере протестантской этики трудолюбия, бережливости и рационализма, которые способствовали развитию капитализма в Европе (М. Вебер)¹⁹. Ф. Теннис считал, что нация развивается из деревенской общины (*Gemeinschaft*), когда личные связи уступают место абстрактным социальным институтам (*Gesellschaft*)²⁰. Данный процесс не отменяет значимости архаичных элементов и этнических мифов в структуре современной нации.

Сторонник плюралистической метафизики утверждал, что множественность мировоззрений и субъективный выбор индивидов влияют на формирование социальной реальности (У. Джеймс). Более конкретно о субъективной реальности: «причина как целительных, так и болезненных процессов лежит в бессознательной сфере нашего духа»²¹.

Концепция универсального паттерна культуры К. Уисслера демонстрирует, что формирование культурных комплексов связано как с врожденными психофизическими свойствами человека («врожденная экипировка»), так и с функциональной адаптацией к среде. Уисслер синтезирует биологические (зародышевая плазма) и культурные факторы²².

В индетерминистском подходе к области социальной теории утверждается, что будущее зависит от действий свободных людей, способных изменять ход событий: социальные «институты не действуют; действуют только отдельные личности в институтах или через них»²³.

Неклассическая философия и глубинный психоанализ подчеркивают роль врожденных свойств человека (пассионарность, архетипы коллективного бессознательного) как ключевых детерминантов формирования национальной идентичности. Это указывает на необходимость учета не только социально-исторических условий при анализе этноса, но и психофилософских аспектов.

Неоклассическая философия обосновывает внутренние детерминации (вершинную психологию): ключевыми становятся потребности самореализации и самоактуализации, превалирование детерминистского мировоззрения (А. Маслоу, В. Франкл)²⁴. В рамках культурологического анализа выявляется бинарная оппозиция между перспективными векторами развития, воплощенными в феноменах интеллигентности и культурной воли, и регрессивными, тупиковыми, но при этом рекурсивно воспроизводящимися формами варварства и монструозности [15]²⁵. В связи с эпохой разрушающейся традиции и упадком универсальных ценностей все больше людей, по замечанию В. Франкла, пребывают в состоянии бесцельности и пустоты. Ответом на данное обстоятельство становится необходимость воспитания в себе умеренного патриота, ценящего красоту народов мира и созидającego локальную среду²⁶.

¹⁸ Дюркгейм Э. Правила социологического метода. Пер. с франц. В. Желнинова. М.: АСТ; 2021. 382 с.

¹⁹ Вебер М. Правила социологического метода. Пер. М. И. Левина. М.: АСТ; 2021. 352 с.

²⁰ Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. Пер. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль; 2022. 452 с.

²¹ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Пер. с англ. В. Малахеевой-Мирович, М. Шика. М.: АСТ; 2024. С. 133.

²² Wissler C. Man and culture. New York: Thomas Y. Crowell company publishers; 1923. 371 p.

²³ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. Сост. Д. Г. Лахути и др. М.: Эдиториал УРСС; 2000. С. 313.

²⁴ Маслоу А.Х. Дальние пределы человеческой психики. Пер. О. Чекчурина. СПб.: Питер; 2022. 448 с.; Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн; 2021. 239 с.

²⁵ Гаязова С.Р. Рекурсия феномена варварства в культуре. КазГИК; 2016. 152 с.; Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. М.: РФК; 2006. 336 с.

²⁶ Hazony Y. The Virtue of Nationalism. First edition. New York: Basic Books; 2018. 216 p. URL: <https://iccn.loc.gov/2017060188> (дата обращения: 14.02.2025).

Социальный детерминизм в интерпретации Б. Латура, основанный на принципах акторно-сетевой теории (ANT)²⁷, радикально переосмысляет традиционные представления о причинности. Согласно ANT, детерминация социальных процессов осуществляется не через линейные и нелинейные причинно-следственные связи, а через гетерогенные сети, где актантами выступают как люди, так и нечеловеческие сущности: технологии, документы, природные объекты и даже абстрактные концепции. Социальное здесь не навязывается извне, а возникает из коллективного перформанса актантов, конструируется в процессе их взаимодействия.

Фольклорист В. А. Аксдорин отмечал, что, несмотря на разрозненность множества неоднородных марийских племен, «культурное ядро наших предков восторжествовало и возродило марийский народ» (*акрет годсо кугезынан тун рудыжӧ сенген да адакат ик марий калыкым шочыктен*)²⁸. Теория этноса применительно к марийскому народу отмечает связующее звено между личной и коллективной идентичностью, наделяет этническую группу преемственностью во времени: «существование народа доказывает успех соединения коллективной идентичности с личной идентичностью своих членов»²⁹. Исследование венгерских диаспор³⁰ выявило парадокс: периферийные диалекты, вопреки их маргинальному статусу в информационном пространстве, оказались критически важными для поддержания идентичности. Они аккумулируют архетипические коды, историческую память и коллективные практики, что превращает нацию в гетерогенную, но целостную сетевую структуру. Таким образом, нация предстает не столько как продукт административных границ, а как устойчивая культурно-языковая общность, действующая даже в условиях полилингвизма.

Неоклассическая философия демонстрирует потенциал народа через призму внутренних детерминаций и способности к самоорганизации. Локальное социокультурное пространство представляет собой сложную сеть взаимодействий, где важен каждый элемент.

Наличие детерминизма в марийском фольклоре признается однозначно: отмечаются природные, социальные и духовные детерминации. В марийском языке «причина» обозначается понятием *амал* и близкими по значению словами *йӧн*, *шылтык*. О причине: *Амал деч посна ун пырчат лектын ок воч* «Без причины и волосок не выпадет»³¹ / *Амалым кычалашат шот кӱлеш* «Уметь надо найти причину»³²; *Кышаже уло гын, пырыжат уло*³³ «Если имеются следы, то и волк есть» – за каждым событием скрывается причина. *Изи мардежат сескемым тул толкыныш савырен кертеи*³⁴ «Даже ветерок оборачивает искру в огненную волну» – при имеющейся причине и неприметные упущения превращаются в катастрофу. *Жап ала-могай черымат паремда*³⁵ «Какие только болезни не растворяет время» – о значении времени и течении жизни. *Ик йогын вӱдыштӧ шкендым кок гана ончаш ок лий*³⁶ «В одной текучей воде дважды себя не увидишь» – одно состояние действительности дважды не переживешь. О значении судьбы: *Пӱрымӧ кинде-шинчал пӱйым пудыртен пура* «Вкусишь уготованные хлеб-соль вопреки всему»; *Пӱрымаи деч кугу от лий* «Выше своей судьбы не вырастешь»³⁷. *Вакиш кӱ веле иктӧр пӧрдеи, тӱня тӱрлын савырна*³⁸

²⁷ Латур Б. Пересборка социального. М.: Изд. дом ВШЭ; 2014. 384 с.

²⁸ Аксдорин В.А. Марий-влак шкешт нерген мом ойлат. *Марий коммуна*. 1965;(301). С. 4.

²⁹ Lallukka S. The East Finnic Minorities in the Soviet Union. Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia; 1990. P. 30.

³⁰ Laakso J. Being Finno-Ugrian, Being in the Minority – Reflections on Linguistic and Other Criteria. In: *Ethnic and Linguistic Context of Identity*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; 2011. P. 13–36.

³¹ Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. С. 24.

³² Там же. С. 25.

³³ Там же. С. 158.

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ Там же. С. 60.

³⁶ Там же. С. 70.

³⁷ Там же. С. 227.

³⁸ Там же. С. 30.

«Только мельница крутится ровно, а мир оборачивается неоднозначно» – о внимательности к различным побуждающим силам.

О значении социальной детерминации: *Кугу (тўшка) еш дене илаш куштылго*³⁹ «Большой семье совместно жить легче» – в эпоху феодализма и становления капитализма в народе ценились крепкие семьи. *Вий олымым тодылеи*⁴⁰ «Сила ломает солому» – говорилось о власти в XIX в. Фольклорист А. Е. Китиков приводит марийские пословицы с переводом на русский язык, в них читаются представления о сущности и значении категории *калык* (народ): *Калык деч ушан от лий* «Умнее народа не будешь»; *Калык каласа – акым пуа* «Народ скажет – оценку дает»; *Калык ойго – кугу тенгыз, шкет ойго – ия лово* «Народное горе – великое море, горе одного – тихая волна»; *Калыкетым ават гай йөрате, ачат гай арале* «Свой народ уважай как мать, береги как отца»; *Калыкмут – пунчал мут* «Народное слово – общее решение»; *Калыкым йөрәтеш гын, калыкат тыйым пагала* «Любишь свой народ, и народ уважает тебя»; *Калыкым ужде, илышым от уж* «Не зная народа, не увидишь и жизни»; *Калыкын кузе илымышым шинчынет гын, талукышто мынар сўан улмым пален нал* «Если хочешь знать о жизни народа, узнай: сколько свадеб справили в этом году»; *Калыкын муршытыжо – шўм-чон куатше* «В народной песне душевная сила народа»; *Калыкыште чылажат уло* «В народе все есть»⁴¹; *Энер ике сержым, калык ике йўлажым ваиталта* «Река меняет русло, народ – традиции»⁴²; *Уш-акыл – калыкыште* «Разум – в народе»⁴³; *Уло калык шўлалта гын, тўтан мардеж тарвана* «Если вздохнет весь народ, буря поднимется»⁴⁴; *Сўй курал дене мўшыкыр ок тем, калыкым тыныс паша пукиа* «Оружием не насытишься, народ кормится мирным трудом»⁴⁵; *Ик ен кугурак кў моклакамат тарватен ок керт, уло калык курыкым верже гыч коранда* «Один человек не тронет с места и большой камень, а народ сдвинет с места даже гору»⁴⁶; *Мардеж деч посна чодыра ок гўжлў, амал деч посна калык ок ойло* «Без ветра лес не шумит, без повода народ не молвит»⁴⁷; *Пушенге вожшо дене виян, калык йўлаже дене виян* «Дерево сильно корнями, народ – обычаями»⁴⁸. Пословицы демонстрируют самодостаточность народа мари и значимость идеи этноса в целом, утверждают вечные ценности человечности, созидания, дружбы, красоты, взаимоуважения, мира и возрождения.

Народная мудрость отмечает возможность следовать жизни вопреки различным обстоятельствам и условиям: *Вўд мынар тале гынат, кол тудын ваитареи кўза*⁴⁹ «Несмотря на сильное течение воды, рыба движется против него» – все сложности жизни необходимо преодолевать; *Маскат виян, да тудымат кучат*⁵⁰ «Медведь силен, но и его ловят» – на любую силу найдется другая сила.

Причина часто обнаруживается в экзистенциальных детерминациях. Данная категория фольклора довольно обширна: *Шкендым ике кучо – айдеме лият* «Воздержись самого себя – будешь человеком»; также перешедшая из греческого фольклора пословица *Шкем сенген кертме – эн кугу сенгымаи*⁵¹ «Одолеть себя – великая победа» фокусирует внимание на внутренних духовных аспектах человека. Традиционной культурой утверждаются самодетерминирующие свойства человека: согласно

³⁹ Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. С. 144.

⁴⁰ Там же. С. 34.

⁴¹ Марий калык ойпого: Калыкмут-влак. Сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2004. С. 43–44.

⁴² Там же. С. 160.

⁴³ Там же. С. 127.

⁴⁴ Там же. С. 124.

⁴⁵ Там же. С. 110.

⁴⁶ Там же. С. 29.

⁴⁷ Там же. С. 68.

⁴⁸ Там же. С. 101.

⁴⁹ Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. С. 41.

⁵⁰ Там же. С. 171.

⁵¹ Там же. С. 287.

мифологическим воззрениям мари, это потомки божеств Кугу Юмо, Юмынӱдыр, кереметов и онаров (великанов); *Юмо дечын ю патыр* «Знание сильнее бога»; *Юмылан инане, да шкат умишам карен ит кошт* «На бога надейся, да сам не плошай»⁵²; *Йорло енгын юмыжат йорло*⁵³ «У захудалого человека и бог бедный»; *Улан енгын юмыжо – икте, нужна енгын – весе*⁵⁴ «У имущего человека бог – один, у нуждающегося – другой».

Исследование демонстрирует высокую степень детерминации категории «народ», игнорируемой в постмодернистском дискурсе. Подтверждается наличие идеи детерминизма в марийском фольклоре и обнаруживается некоторая схожесть понятий, имеющих «детерминистское» значение: *йӱн* (повод, причина) – *йын* (творец) – *чон* (душа) – *чын* (правда, истина). Подобную генетическую связь, но в другом направлении *йумо* – *йомак*, *шойа* – *шойак* – *шомак* (миф, сказка) основательно рассматривал К. А. Четкарев⁵⁵. Допускаем, что *юмо* и *йын* выступают как две противоречивые космические и социальные силы: *ю* (жизнь – первопричина бытия) и *чон* (душа), согласно этнической картине мира, – причины нашей действительности.

В социальном детерминизме свойство системы сохранять самоподобную структуру на разных уровнях (фрактальность) означает, что паттерны поведения (например, коллективизм) повторяются как на уровне индивида, так и этноса. В контексте марийского мировоззрения гетерархичность (от греч. ἑτερος – иной и ἀρχή – власть) проявляется в отсутствии строгой подчиненности социальным, природным и духовным факторам.

Фрактальность в контексте марийской культуры раскрывается через универсальный культурный код *ю* (жизнь), который пронизывает все уровни бытия – от индивидуального до космического. Этот код проявляется в эгоцентризме как идее единства человека и природы, где каждое действие индивида (посев, жатва, молитва) повторяет циклы мироздания. Пословицы отражают фрактальную связь малых действий и глобальных последствий. Повторяемость паттернов в ритуалах поклонения в священных рощах (*кӱсото*) воспроизводят структуру мифа о сотворении мира, где природа – не ресурс, а сакральный партнер. Категория *ю* как первопричина бытия дублируется в микрокосме через понятие *чон* (душа), создавая самоподобную модель.

Под экзистенциальными детерминациями понимаются внутренние, субъективно переживаемые факторы, определяющие бытие: личный выбор, духовные поиски, отношение к смерти, свободе и смыслу жизни. В марийской культуре они выражены через: практики самопреодоления («Одолеть себя – великая победа»); диалог с божествами как акт самоопределения (молитвы-*кумалтыш*, где человек напрямую обращается к *юмо*); судьбу (*пӱрымаш*) как баланс между предопределением и свободой воли.

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что марийский фольклор является не только носителем традиционных ценностей, но и отражением сложного взаимодействия социальных и экзистенциальных детерминаций, формирующих культурное сознание народа. Полученные данные подчеркивают актуальность комплексного подхода. Объединение методов компаративистики и герменевтики позволяет рассматривать марийскую культурную самобытность через призму взаимовлияния объективных и субъективных детерминант. Социальная детерминация реализуется через сложную гетерархию причинности: от объективных космологических,

⁵² Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. С. 162.

⁵³ Там же. С. 93.

⁵⁴ Там же. С. 258.

⁵⁵ Марийские сказки. Т. 1. Ронгинский район. Записи К. А. Четкарева. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во; 1941. С. 16.

природных, социальных до субъективных, экзистенциальных детерминант. Народная мудрость часто отмечает скрытую за внешними явлениями внутреннюю духовную сущность человека. В идеале «народ» представляется как союз близких по ценностям и культурным действиям людей, это – живая, детерминированная реальность, где переплетаются природные циклы, сакральные традиции и коллективное самосознание.

Выводы исследования вносят вклад в марийскую этнологию, открывая перспективы для их практического применения в этнокультурном образовании и междисциплинарных регионалистических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меньчиков Г.П. О смысле жизни человека (неоклассический дискурс). *Вестник психофизиологии*. 2023;(1):19–28. <https://doi.org/10.34985/o2459-9602-0018-d>
2. Žuk P., Žuk P. Beyond “Geological Nature”, Fatalistic Determinism and Pop-Anthropocene: Social, Cultural, and Political Aspects of the Anthropocene. *Earth's Future*. 2024;12(4):1–10. <https://doi.org/10.1029/2023EF004045>
3. Baumeister R.F., Lau S. Why Psychological Scientists should Disdain Determinism. *Possibility Studies & Society*. 2024;2(3):282–302. <https://doi.org/10.1177/27538699241258002>
4. Müller T., Rumberg A., Wagner V. An Introduction to Real Possibilities, Indeterminism, and Free Will: Three Contingencies of the Debate. *Synthese*. 2019;196:1–10. <https://doi.org/10.1007/s11229-018-1842-4>
5. Bhambra G.K. *Connected Sociologies*. London: Bloomsbury Academic; 2014. <http://dx.doi.org/10.5040/9781472544377>
6. Venturini T., Jensen P., Latour B. Fill in the Gap. A New Alliance for Social and Natural Sciences. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2015;18(2):18–29. <https://doi.org/10.18564/jasss.2729>
7. Шкалина Г.Е. Эпические особенности сотворения мира в героическом эпосе народа мари «Югорно. Песнь о вешем пути». *Этническая культура*. 2024;6(4):30–35. <https://doi.org/10.31483/r-113295>
8. Глухова Н.Н. Ведущие компоненты этнической ментальности в марийских заговорно-заклинательных текстах. *Финно-угорский мир*. 2020;11(4):374–390. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.04.374-390>
9. Попов Н.С. К вопросу о становлении и развитии традиционной марийской религии. *Финно-угроведение*. 2020;(61):148–157. URL: <https://marnii.ru/zhurnal/vypuski/> (дата обращения: 14.02.2025).
10. Иликаев А.С. Мифы о Юмынудыр («небесной деве») в марийской мифологии и обрядности: попытка историко-ведического и структурного анализа. *Исторический журнал: научные исследования*. 2024;(6):275–294. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.6.72829>
11. Alybina T. Contemporary Mari Belief: The Formation of Ethnic Religion. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2018;12(2):95–114. <https://doi.org/10.2478/jef-2018-0013>
12. Berezina A.V. Ethnocultural Identity of the Mari People in the Virtual World. *KnE Social Sciences*. 2022;53–60. <https://doi.org/10.18502/kss.v7i2.10275>
13. Устьянцев Г.Ю. Богатыри и правители: герои фольклора в этнической идентичности и религиозных практиках марийцев Вятки. *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2023;22(4):532–545. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-532-545>
14. Millican P. Hume's Determinism. *Canadian Journal of Philosophy*. 2010;40(4):611–642. <https://doi.org/10.1080/00455091.2010.10716737>
15. Меньчиков Г.П. Сущность воли. *Вестник психофизиологии*. 2015;(4):106–109. <https://elibrary.ru/vbcqtp>

Информация об авторе:

Токпулатов Владимир Геннадьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научного направления «Этнология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (424036, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0249-3242>, SPIN-код: 4620-1789, vladimir.tokpulatov@ya.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 31.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.

REFERENCES

1. Menchikov G.P. On the Meaning of Human Life (Neoclassical Discourse). *Psychophysiology News*. 2023;(1):19–28. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34985/o2459-9602-0018-d>
2. Žuk P., Žuk P. Beyond “Geological Nature”, Fatalistic Determinism and Pop-Anthropocene: Social, Cultural, and Political Aspects of the Anthropocene. *Earth's Future*. 2024;12(4):1–10. <https://doi.org/10.1029/2023EF004045>

3. Baumeister R.F., Lau S. Why Psychological Scientists should Disdain Determinism. *Possibility Studies & Society*. 2024;2(3):282–302. <https://doi.org/10.1177/27538699241258002>
4. Müller T., Rumberg A., Wagner V. An Introduction to Real Possibilities, Indeterminism, and Free Will: Three Contingencies of the Debate. *Synthese*. 2019;196:1–10. <https://doi.org/10.1007/s11229-018-1842-4>
5. Bhambra G.K. *Connected Sociologies*. London: Bloomsbury Academic; 2014. <http://dx.doi.org/10.5040/9781472544377>
6. Venturini T., Jensen P., Latour B. Fill in the Gap. A New Alliance for Social and Natural Sciences. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2015;18(2):18–29. <https://doi.org/10.18564/jasss.2729>
7. Shkalina G.E. Epic Features of the Creation of the World in the Heroic Epic of the Mari People “Yugorno. The Song of the Prophetic Path”. *Ethnic Culture*. 2024;6(4):30–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31483/r-113295>
8. Glukhova N.N. Leading Components of Ethnic Mentality in Mari Verbal Charms. *Finno-Ugric World*. 2019;11(4):374–390. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.04.374-390>
9. Popov N.S. To the Question of Formation and Development of Mari Traditional Religion. *Finno-Ugric Studies*. 2020;(61):148–157. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://marnii.ru/zhurnal/vypuski/> (accessed 14.02.2025).
10. Ilikaev A.S. Myths about Yumynudyr (“Heavenly Maiden”) in Mari Mythology and Ritual: An Attempt at a Source and Structural Analysis. *History magazine: researches*. 2024;(6):275–294. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.6.72829>
11. Alybina T. Contemporary Mari Belief: The Formation of Ethnic Religion. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2018;12(2):95–114. <https://doi.org/10.2478/jef-2018-0013>
12. Berezina A.V. Ethnocultural Identity of the Mari People in the Virtual World. *KnE Social Sciences*. 2022;53–60. <https://doi.org/10.18502/kss.v7i2.10275>
13. Ustyantsev H.Yu. Bogatyrs and Rulers: Folklore Characters in the Ethnic Identity and Religious Practices of the Vyatka Mari. *RUDN Journal of Russian History*. 2023;22(4):532–545. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-532-545>
14. Millican P. Hume’s Determinism. *Canadian Journal of Philosophy*. 2010;40(4):611–642. <https://doi.org/10.1080/00455091.2010.10716737>
15. Menchikov G.P. [The Essence of Will]. *Psychophysiology News*. 2015;(4):106–109. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vbcqtp>

Information about the author:

Vladimir G. Tokpulatov, Cand.Sci. (Philos.), Senior Researcher of the Scientific Field “Ethnology”, Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasiliev (44 Krasnoarmeyskaya St., Yoshkar-Ola 424036, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0249-3242>, SPIN-code: 4620-1789, vladimir.tokpulatov@ya.ru

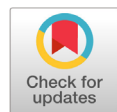
The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 31.03.2025; revised 21.04.2025; accepted 28.04.2025.

КУЛЬТУРА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ CULTURE OF FINNO-UGRIC PEOPLES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.349-360><https://elibrary.ru/unmoje>

УДК / UDC 646.43(470.13)

Оригинальная статья / Original article

Традиционный праздничный женский наряд ижемских коми: современные трансформации

Ю. И. Бойко

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация
boyko_yulia@mail.ru*

Аннотация

Введение. Традиционный праздничный женский наряд ижемских коми относится к числу одного из наиболее ярких и востребованных элементов этнической культуры, локальная специфика которого при этом остается недостаточно изученной. Цель исследования – анализ современного состояния традиционной праздничной женской одежды коми, проживающих в Ижемском районе Республики Коми.

Материалы и методы. В основу статьи легли материалы полевых исследований в Ижемском районе Республики Коми (села Ижма, Сизябск, Мохча, Мошьюга). Методами сбора данных выступили интервью, включенное наблюдение, фотофиксация. Анализ и интерпретация материала проводились в рамках эмпирического описания, сравнительно-исторического, ретроспективного методов, которые позволили выявить вариативность и локальную специфику женского праздничного костюма ижемских коми, зафиксировать современные практики его сохранения, определить функции костюма.

Результаты исследования и их обсуждение. Основу праздничной женской одежды ижемских коми составляет северорусский сарафанный комплекс, вариативность которого по настоящее время определяется социально-возрастными особенностями: выделяются девичий и женский наряды. Как показывают материалы полевых исследований, у ижемских коми наряду с одеждой, относящейся по времени изготовления к началу XX в., распространены наряды, сшитые из современных тканей по старинным образцам. Вышедшая из активного бытования традиционная женская одежда продолжает оставаться востребованной: сохраняется в качестве семейной реликвии, праздничного наряда, сценического костюма участников художественной самодеятельности.

Заключение. В научный оборот введены новые материалы, полученные в ходе полевых исследований, позволяющие дополнить имеющиеся сведения по традиционному костюмному комплексу ижемских коми, представить специфику его современного состояния.

Ключевые слова: ижемские коми, народная одежда, традиционный сарафанный костюмный комплекс, девичьи и женские праздничные наряды, семейная реликвия, этнокультурное наследие

Финансирование: статья подготовлена в рамках плановой темы сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений». Регистрационный номер 121042600207-7.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бойко Ю.И. Традиционный праздничный женский наряд ижемских коми: современные трансформации. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):349–360. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.349-360>

© Бойко Ю. И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Traditional Festive Attire of Izhma Komi Women: Contemporary Transformations

J. I. Boyko

*Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation
boyko_yulia@mail.ru*

Abstract

Introduction. The traditional costume complex, which occupies a distinctive place in the cultural heritage of any people, has long attracted the attention of researchers across a broad range of humanities. The folk festive women's clothing of the Izhma Komi, a local variant whose specific characteristics remain insufficiently studied to this day, ranks among the most vivid and sought-after elements of their ethnic culture. The aim of this study is to examine the current state of the traditional festive attire of Izhma Komi women residing in the Izhma District of the Komi Republic.

Materials and Methods. The foundation of this article is built upon materials gathered during field research conducted in the Izhma District of the Komi Republic (specifically in the villages of Izhma, Sizyabsk, Mokhcha, and Mosh'yuga). Data collection methods employed included interviews, participant observation, and photographic documentation. The analysis and interpretation of the material were conducted within the framework of empirical description, comparative-historical, and retrospective methods. These approaches enabled the identification of variations and local specificities in the festive costume of Izhma Komi women, the documentation of contemporary practices related to its preservation, and the determination of the costume's functions.

Results and Discussion. The foundation of the Izhma Komi festive women's attire is the North Russian sarafan ensemble, the variability of which continues to be defined by socio-age characteristics to the present day, distinguishing between maidens' and women's garments. Field research materials document that informants typically possess traditional clothing inherited from previous generations, manufactured approximately a century ago, as well as attire sewn from contemporary fabrics according to historical patterns. A common practice involves acquiring well-preserved costume components from fellow villagers or commissioning the sewing of an Izhma outfit from local craftswomen who specialize in the production of folk costumes. The investigation has revealed that the traditional women's costume, though no longer in active daily use, remains in demand; it is preserved as a family heirloom, serves as festive outfit, and functions as stage costume for performers in folk ensembles.

Conclusion. New materials, obtained during field research, have been introduced into scholarly discourse; these materials serve to supplement existing information on the traditional costume complex of the Izhma Komi and to elucidate the specificities of its contemporary state.

Keywords: Izhma Komi, traditional women's costume, traditional sarafan costume complex, girls and women's festive attire, family heirloom, ethnocultural heritage

Funding: The article was prepared within the framework of the planned topic of the ethnography sector of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences "Ethnocultural processes and ethnocultural traditions in the European north of Russia: the dynamics of social and cultural changes". Registration number 121042600207-7.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Boyko J.I. Traditional Festive Attire of Izhma Komi Women: Contemporary Transformations. *Finn-Ugric World*. 2025;17(3):349–360. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.349-360>

Введение

Ижемские коми – самая северная этнографическая группа коми-зырян, сформировавшаяся в бассейне р. Ижмы, притоке нижней Печоры в XVII–XVIII вв. при участии вымских и удорских коми, северных русских и ненцев. К началу XX в. ижемцы освоили всю среднюю Печору, бассейны Колвы и Усы, основали поселения

в Большеземельской и Канинской тундрах, на Кольском полуострове и низовьях р. Оби. Результатом длительного межэтнического смешения и этнокультурного взаимовлияния стали возникновение особого диалекта коми языка, формирование хозяйственной [1; 2] и культурно-бытовой специфики¹ [3; 4].

В числе наиболее ярких элементов этнической культуры, выступающих в качестве символа групповой идентичности, находится традиционная одежда. Целью статьи является рассмотрение особенностей современного бытования традиционного женского праздничного наряда у ижемских коми.

Обзор литературы

В российской этнографии описание и анализ традиционной одежды представлен в специальных исследованиях, а также в работах, посвященных этнографической характеристике этнических групп². Важное значение имеют исследования региональных и локальных особенностей традиционной одежды³. Проблемы функционирования народного костюма в современном этнокультурном пространстве также находят отражение в работах исследователей [5–7].

В исследованиях, посвященных традиционной культуре коми-зырян, отмечается яркое своеобразие костюма ижемских коми, ставшее основанием для выделения ижемского женского сарафанного комплекса в отдельный. Его особенности, специфику кроя, декорирования изучали В. Н. Белицер, Л. С. Грибова, Т. С. Кольчурина, В. Э. Шарапов⁴. Исследователями были выявлены специфические черты, отличающие традиционный женский наряд ижемских коми от народного костюма устьцилемских русских⁵ [8]. В научно-методическом пособии Т. Г. Поповой представлена классификация традиционного костюма. В составе основных компонентов женской одежды впервые указана бесполоиковая рубаша «японка», рассмотрены конструктивные особенности ее кроя; изучены особенности фольклорно-сценического костюма⁶.

Несмотря на значимость указанных работ, локальная специфика ижемского комплекса женской традиционной одежды, особенности ее функционирования, динамика изменений и современные тенденции развития до настоящего времени остаются недостаточно изученными.

Материалы и методы

Исследование базируется на основе материалов полевых исследований, собранных автором в Ижемском районе Республики Коми (сс. Ижма, Сизябск, Мохча, Мошьюга) в ходе фольклорно-этнографической экспедиции. Полевые материалы

¹ Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края: опыт историко-этнографического исследования. Сыктывкар: Коми кн. изд-во; 1958. 199 с.; Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во; 1976. 288 с.; Савельева Г.С. Народный праздник «Луд» (Ижемский район). В: Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: в 3 т. Т. 1: Обрядовые, празднично-игровые и конфессиональные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации»; 2020. С. 7–46.

² Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.; 1984. 216 с.; Шмелева М.Н. Русская одежда. В: Русские. М.: Наука; 1997. С. 316–353.

³ Власова И.В. Северно-русский костюм XIX – начала XX в. В: Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука; 2001. С. 301–346; Дронова Т.И. Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре (середина XIX – начало XXI вв.). Сыктывкар; 2011. 212 с.

⁴ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР; 1958. С. 257–284; Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука; 1980. С. 102–109; 116–125; Кольчурина Т.С. Традиционная летняя женская одежда коми конца XIX – начала XX вв. В: Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар; 1989. С. 90–102; Шарапов В.Э. Одежда и обувь. В: Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука; 2000. С. 91–107; Попова Т.Г. Женский Ижемский народный костюм: история и современность: науч.-метод. пособие для руководителей фольклорных коллективов. Ижма; 2011. 55 с.

⁵ Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края: опыт историко-этнографического исследования. С. 154; Дронова Т.И. Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре (середина XIX – начало XXI вв.). С. 10.

⁶ Попова Т.Г. Женский Ижемский народный костюм: история и современность.

включены в Ижемскую коллекцию аудио- и видеоматериалов Фольклорного фонда Института языка, литературы и истории (ФФ ИЯЛИ). Основными при сборе информации были методы интервью, включенного наблюдения, фотофиксация предметов одежды из семейных коллекций. В качестве информантов выступали носительницы традиционных знаний, многие из которых являются участницами фольклорных коллективов, а также мастерицами, изготавливающими народную одежду. Записи производились на коми и русском языках.

Анализ и интерпретация материала проводились в рамках эмпирического описания, сравнительно-исторического, ретроспективного методов, что позволило представить характеристику основных компонентов традиционной женской праздничной одежды ижемских коми, выявить вариативность костюма, специфику его функционирования в настоящее время. Современные исследования дополняют имеющиеся сведения по традиционному костюмному комплексу ижемских коми и фиксируют синхронный срез рассматриваемой традиции.

Результаты исследования и их обсуждение

Материалы полевых исследований фиксируют наличие у ижемцев традиционной одежды, как правило, доставшейся по наследству, относящейся по времени изготовления к началу XX в., а также костюмов, сшитых из современных тканей по старинным образцам.

Основу праздничной женской одежды составляет северорусский сарафанный комплекс, включающий рубаху, сарафан, передник, девичьи и женские головные уборы. Праздничная женская одежда традиционно изготавливалась из покупных материалов, таких как репс, шелк, атлас, бархат, обозначавшихся термином *матерье* «материя, ткань»⁷. Подкладку и нижнюю одежду изготавливали из простых хлопчатобумажных тканей.

Праздничные женские рубахи представлены двумя видами: с прямыми плечевыми вставками-поликами *сос* 'рубаха-рукава' и бесполиковые *японки*.

Рубаха *сос* состоит из верхней и нижней частей (рис. 1). Для верхней части рубахи использовали шелковые ткани, стан *мыг* шили из домотканины, позднее хлопчатобумажных тканей. Верхняя часть рубахи представляет собой короткую распашную кофту с прямыми поликами *ластавич*, выполненными из ткани другого цвета. Рубаха имеет очень широкие рукава, зауженные к запястью или же присборенные на манжете. Под мышками вшиты небольшие вставки-ластовицы из того же, что и рубаха, материала. Рубаха по вороту собрана в складки, имеет прямой разрез спереди, горловина оформлена воротом-стойкой, плотно облегающим шею, застегивающимся на две пуговицы. Стойка ворота декорирована нашивками из того же материала, что и полики. Планки, полики, ворот, манжеты выполнены на подкладе. Рубаху принято носить с брошью, которую крепят к стойке ворота.

Рубаха *японка* (вариант названия – *китайка*) отличается по покрою, не имеет наплечных вставок (рис. 2). Выполнялась из перегнутого полотна ткани, к верхней части которого пришивались рукава. Зафиксированы японки, рукава которых выкроены вместе со спинкой и передом, полотнища соединены швом по центру спинки. Спереди оформлялся прямой разрез с застежкой на две металлические кнопки. Рукава, как правило, собраны под манжеты. Воротник отложной, широкий, чаще всего с закругленными краями, декорированный бисером черного цвета или нашивками, выполненными из ткани другой расцветки. Глубокий вырез горловины закрывался прямоугольной вставкой, которую, как правило, собирали в мелкие складки *буфики*, декорировали бисером.

⁷ Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукор = Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Т. 1: А – О. Сыктывкар: 2012. С. 907.

Р и с. 1. Рубаха *сос*
Fig. 1. Shirt *sos*

Источник: Фонды Национального музея Республики Коми КП 4642.

Source: Holdings of the National Museum of the Republic of Komi, KP 4642.

Р и с. 2. Рубаха *японка*
Fig. 2. Shirt *Japanese*

Источник: Фонды Национального музея Республики Коми КП 8757.

Source: Holdings of the National Museum of the Republic of Komi, KP 8757.

Как отмечают информанты, японка представляет собой более легкую и удобную одежду, которую носили как девушки, так и замужние женщины: «Она тоже старинная. Летом, когда жарко, а сос-то, хотя и широкий, но все равно шили тесно. А японку надевали летом, когда жарко, и чтобы шея дышала свободно. Японки носили и замужние женщины, и девушки, просто разного цвета»⁸. (Здесь и далее в статье стилистика и грамматика ответов респондентов сохранены. – *Ред.*). Согласно воспоминаниям старожилов, японка входила в состав исключительно девичьего праздничного костюмного комплекса. В настоящее время японка представлена как в девичьем, так и в женском праздничном наряде.

Рубаха японка, широко распространенная у ижемских коми, не зафиксирована в костюмном комплексе устьицлемских русских⁹.

Сарафаны косоклинные и прямые, надеваемые поверх рубахи, изготавливали из шелковых тканей с растительным орнаментом, преимущественно холодных оттенков (темно-фиолетового, темно-зеленого, бордового, коричневого). Сарафаны шили из нескольких полотнищ, задняя часть собрана в крупные складки. На спинке по центру оформлена одна двойная складка, от которой в левую и правую стороны выполнены остальные. Спереди, в кромке между бретелями, продевается шнурок для затяжки прямого полотнища сарафана. Верхняя часть сарафана, собранная в складки, подшита подкладом. Складки прошиваются прямой строчкой. Между кромкой и прямой строчкой складки закрепляются декоративным швом «зигзаг». Пришивные лямки выполнялись из того же материала, что и сарафан. Лямки и верхний край сарафана обшивались тканью иной расцветки. В нижней части он украшен полоской черного фабричного либо самодельного кружева *вахрам*, связанного крючком из хлопчатобумажных нитей черного цвета, иногда также тремя защипами, выполненными по всей окружности сарафана. Край подола с изнаночной стороны подшит хлопчатобумажной тканью, к нему пришивается узкая бахрома, чтобы, как отмечают информанты, уберечь изделие от быстрого износа (рис. 3).

По мнению информантов, распространенные в настоящее время прямые (круглые) сарафаны уступают по красоте косоклинным: «Эти сарафаны раньше сложнее шили.

⁸ ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

⁹ Дронова Т.И. Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре (середина XIX – начало XXI вв.). С. 9.

Сейчас собирают складки, и все. А в старину сарафаны настоящие шили, еще отрезали треугольником ткань. И когда они складочки сшивали, этот треугольник у них очень красиво смотрелся. Говорят, почему ижемки с красивой осанкой, потому что у них сарафаны были очень тяжелые. У них очень много складок сзади было. Говорят, этот сарафан тянет их назад. И вынуждены они красиво и прямо ходить. Сейчас упростили [пошив сарафана]»¹⁰.

Под праздничную одежду принято надевать рубаху, нижнюю юбку *улыс юбка*, представляющую собой сарафан на узких пришитых лямках, сшитый из нескольких прямых полос хлопчатобумажной ткани, собранных в складки, убранных под широкую обшивку. Спереди под грудью выполнен неглубокий разрез с застежкой на одну-две пуговицы. Сарафан дополнен широкой оборкой с крупными складками, с изнаночной стороны подол обшит подкладом. Для пышности надевали несколько нижних юбок: «Бабушки говорили, что у них было до семи подъюбников. Чтобы сарафан сидел красиво, а у них же сарафан был из матерьи, они же тонкие. Сейчас шьют из парчи, они стоят, а у них же тонкие, красивые, из добротного материала, красиво лежат»¹¹.

В состав женского сарафанного комплекса входит передник *водздёра*. Верхний его край сложен в складку под обшивку с длинными завязками, закреплявшимися под грудью. К завязкам, выполненным из ткани, пришивались также атласные ленты. Праздничный передник украшен тесьмой или кружевом, нижний край иногда оформлялся узкой полоской ткани, отличающейся от передника расцветкой. С изнанки подол подшит хлопчатобумажной тканью. Наряду с поясом используется атласная лента разных цветов, которой обхватывают талию, завязывают бантом на левом боку.

Традиционные головные уборы, как и особенности прически, четко разделяются: одни предназначены девушкам, другие – замужним женщинам. В настоящее время девушки, надевая традиционный наряд, как и раньше, убирают волосы в одну косу и повязывают головной убор *ныльюр* – платок, сложенный в полосу. Он повязывается, плотно обхватывая голову, при этом концы, завязанные на затылке, свободно спадают.

Женщины, следуя традиции, если позволяет длина волос, заплетают их в две косы и укладывают на темени: «Они пробор пополам делают, сюда убирают волосы вперед, кладут ленточку, такую длинную ленточку, метра два с половиной, наверно, есть. У меня есть такая тоже. Это *кёса кёё* называется, веревка для косы. Две косички заплетают. Я так тоже заплетаясь, когда надеваю наряд»¹².

Женским головным убором является многосоставной *бабаюр*, включающий в себя волосник *вёлсник*, мягкий чепец, сшитый из ситца, полностью закрывающий волосы, и надевающийся сверху *кокошник* – мягкий невысокий чепец с каплевидным

Р и с. 3. Сарафан
Fig. 3. Sarafan

Источник: Фонды Национального музея Республики Коми КП 4060/1.

Source: Holdings of the National Museum of the Republic of Komi, KP 4060/1.

¹⁰ ПМА: Чупрова В. Т., 1958 г. р., с. Сизябск, зап. 2022 г.

¹¹ Там же.

¹² ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

донишком и очельем. Кокошник изготавливают из бархата, парчи, шелка, на подкладке из хлопчатобумажной ткани.

Для придания объема, при необходимости, в переднюю часть донца кокошника подкладывается валик (*кишка, калач*), изготовленный из лоскутков ткани или набитый ватой: «А где кокошник, там есть подставка такая, ватой там у меня зашито в марле. Это ободок, чтобы не сваливался кокошник, чтобы он так стоял. Потом заплетают косы, их накрест делают, тут завязывают [на темени]. У кого толстая хорошая коса, тогда получается, что даже под кокошник не надо ничего подкладывать»¹³. Волосник и кокошник фиксируются с помощью завязок, которые перекручивают на затылке, затем надо лбом и закрепляют в затылочной части.

Поверх кокошника повязывают платок, сложенный на угол. Праздничными считались шелковые и полушелковые репсовые платки с кистями *сырья чышъян* (шелковый платок с бахромой)¹⁴; *кузь сырья чышъян*, *рипсовый сырья*, различавшиеся размерами, расцветкой. Такие платки приобретались через торговых людей, выезжавших на ярмарки, что нашло отражение в воспоминаниях старожилов: «Это откуда-то с Новгородской области. Откуда-то купцы обменивались. <...> Здесь же охотники были раньше. Они обменивались и оттуда женам привозили вот эти роскошные платки. И эти уже платки из поколения в поколение передавались»; «Это говорят, что был ведь торговый путь в Архангельск. И эти платки то ли сирийские, то ли иранские. И вот эти купцы-то, купцы эти везли. И вот это такой оберег. Это хранилось, как зеницу ока хранили. И сейчас, кому уже без надобности, то продают, кому деньги нужны»¹⁵.

Информанты подчеркивают, что платок, повязываемый на затылке, должен плотно обхватывать голову и полностью закрывать кокошник, соблюдалась ровность рисунка по очелью, концы платка совпадали: «*Сырья чышъян* сложно самой надеть. Нужно подобрать узор, цветок какой-то, например, чтобы он был не где-то сбоку, а ровно посередине, иначе это не аккуратно. Очень щепетильная эта работа – завязывать платок»; «Коротким концом никогда нельзя было надевать платок, нужно чтобы концы совпадали»; «Кокошник сам по себе не такой и широкий, должен быть 6–7 см высотой. Бабаюр должен быть узким, как и у девочки платок, он узко завязывается. Так и кокошник, он тоже должен быть узким. Платок закрывает кокошник»¹⁶.

При надевании женского головного убора особое внимание обращается также на то, чтобы волосы были тщательно убраны: «Спицу брали железную и поправляли, чтобы ничего не было видно. Но с косами это не торчит, с косами когда. А с нашими короткими волосами это все вылезит»; «Волосы под кокошник убирала, чтобы ни одной волосинки не было видно. Если что-то останется, иголкой или расческой какой-нибудь тонкой все убирают, чтобы ничего не видно было»¹⁷.

В настоящее время волосник уже не является обязательным элементом головного убора: «Сейчас вот спешим дак, волосник иногда не надеваем. А ижемки, которые всю жизнь носили ижемский наряд, они сначала надевали волосник. На волосник кокошник надевают. И уже потом платок *сырья чышъян*. А если куда-то идешь, еще маленький платок все равно завязывают. Было так принято»¹⁸. Вместо репсового

¹³ ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

¹⁴ Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукор = Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Т. 2: Ё – Я. Сыктывкар: 2014. С. 461.

¹⁵ ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск; ФФ ИЯЛИ: А0333 – Ануфриева Т. А., 1949 г. р., уроженка с. Брыкаланск; Суворова Т. П., 1955 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г. в с. Ижма.

¹⁶ ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск; ФФ ИЯЛИ: А0333 – Ануфриева Т. А., 1949 г. р., уроженка с. Брыкаланск; Суворова Т. П., 1955 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г. в с. Ижма; ПМА: Чупрова В. Т., 1958 г. р., с. Сизябск, зап. 2022 г.

¹⁷ ФФ ИЯЛИ: А0345 – Канева В. К., 1952 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г.; ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

¹⁸ ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

платка, который сегодня надевают лишь в исключительных случаях, носят современные платки: «Я только когда едем куда-то далеко или кто-то приезжает, я тогда этот только платок одеваю, повязываю»; «Это, вот видите, иначе бы они из поколения в поколение не передавались бы, не сохранились. Повседневно надевали платок хлопчатобумажный. Но все равно, тут ведь главное – это кокошник, который держит. Хоть какой платок возьми, наденешь, это все равно ижемский головной убор»¹⁹.

Традиционный наряд соответствовал возрасту и статусу владелицы. По сообщениям информантов, женщина, оставшись вдовой, уже не надевала сарафан, декорированный кружевом. Девичий наряд, помимо особенностей головного убора и прически, выделяется отсутствием передника: «У девушек передника не было. И сейчас мы тоже соблюдаем это правило. И мы видим на фотографиях, что девочки стоят без передника»²⁰.

Полевые материалы включают в себя сообщения о том, что традиционный праздничный женский костюм всегда высоко ценился ижемскими коми, его берегли, передавали по наследству как материальное воплощение родовой памяти, в случае необходимости использовали в качестве оплаты за какую-либо услугу: «У нас здесь оленеводы были в основном. Да как будто богато жили, их раскулачивали, отбирали все имущество. И как-то все равно, или куда-то соседям отдавали, чтобы у них не забрали. Как-то так вот все равно эти платки сохранили. <...> И у бабушки моей от отца, бабушки Фёклы, у нее не один костюм был. Я как старшая внучка у нее, и она мне свой костюм передала. Тоже, может быть, больше ста лет, потому что бабушка 1905 года рождения, она еще сама в молодости этот костюм сшила»; «А вот когда у нас бабушка умерла, мама говорит, что две сестры, да чтобы не ссориться, они его [платок] разрезали на две косынки и так носили»; «Мама меным сетліс же сарафан приданной, ныыюрсö сетліс. Венеч, венеч сетліс, подаритліс» («Мама мне давала сарафан в приданое. Еще ныы юр давала. Венец, венец давала, подарила»)²¹.

Сохраняются воспоминания о том, что ижемская традиционная одежда активно приобреталась устьицедами: «У нас село-то было, очень много зажиточных людей. И когда вот их раскулачивали, у них забирали вот эти платки, все забирали, сарафаны. Их продавали на аукционе. Почему-то на аукцион приезжали много из Усть-Цильмы. И устьицеды очень много покупали на этом аукционе вот эту одежду. И понятно, аукцион это, когда кто больше даст. Это не только мама рассказывала, но и многие говорят, что на Усть-Цильму очень много сарафанов ушло, очень много платков устьицеды купили. Или они считались богаче, чем, например, ижемцы. И вот они покупали»; «В голодные годы, военные, мужики же были на войне в основном. С Усть-Цильмы, они видишь, рыбу да что да ловят. И вот они опять же приезжали сюда, в Ижму, и выпрашивали как бы платки, менялись на еду. И сейчас Усть-Цильма тоже вот в этих платках. Ну, говорят, что большинство они с Ижмы как бы переменяли. Даже не купили, никто не продавал, чтобы детей накормить, они обменивались так. Да, вот очень-очень много таких рассказывают старожилы, что много платков ушло туда. Сейчас уже таких не купишь»²².

Во второй половине XX в. традиционный костюм в основном сохранялся в качестве праздничной и ритуальной одежды, сценического костюма фольклорных коллективов. В научном отчете об итогах этнографической экспедиции в Ижемском районе 1961 г. исследователями подчеркивалось, что: «бабаюр до сих пор употребляется. <...> Также не исчезнувшей формой является... круглый и весьма широкий ижемский сарафан... для пышности под сарафан всегда надевается одна нижняя юбка...

¹⁹ ФФ ИЯЛИ: А0334 – Чупрова А. Д., 1950 г. р., с. Сизябск, зап. 2022 г.; ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

²⁰ ПМА: Чупрова В. Т., 1958 г. р., с. Сизябск, зап. 2022 г.

²¹ ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск; ФФ ИЯЛИ: А0342 – Артеева М. В., 1933 г. р., д. Варыш; Чупрова Л. Н., 1959 г. р., с. Сизябск, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

²² ПМА: Чупрова В. Т., 1958 г. р., с. Сизябск, зап. 2022 г.; ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

сохраняются также старинные типы кофт: сос и японка. <...> Как правило, на молодежь этот обычай ношения старых типов одежды не распространяется. Они носят обычное и типичное городское платье. Только после замужества в зависимости от того, какое влияние имеет свекровь в семье, молодая или надевает бабаюр и сарафан, или продолжает носить современные одежды»²³. По воспоминаниям информантов, женщины среднего и старшего возраста по особым случаям продолжали надевать традиционные праздничные наряды (рис. 4): «Сарафаны надевали по праздникам. Если это праздничный концерт, они идут 9 Мая, 7 ноября, на свадьбу. Мои бабушки носили ижемский костюм, а мама уже не носила. Только если на выступление или куда-то в праздники она надевала. Свекровь ей давала свой костюм. А мама своего такого костюма не имела»; «Бабушка и мама, они же по праздникам только надевали эту одежду. А так они носили в обычной жизни сарафанчики»; «До 4-х часов она [бабушка] утреннее все сделает, *мичаа сарафан пасьталас* (красивый сарафан наденет), и до 4-х часов [вечера] это как бы праздник. А после 4-х часов к скотине надо выйти. Утром тоже утреннее сделает. Они ведь рано вставали»²⁴.

Р и с. 4. Фольклорный коллектив «Ыбса дзоридзьяс», с. Сизябск Ижемского района РК, 2022 г.

Автор изображения Ю. И. Бойко

F i g. 4. Folklore group “Ybsa Dzoridzyas”, Sizyabsk village, Izhemsky district, Republic of Karelia, 2022.

Image by J. I. Boyko

По настоящее время существует традиция накрывать покойницу в день погребения репсовым платком, который перед спуском гроба в землю принято убирать: «Сверху накрывают *сыръя чышьян*. Сначала покроют белой тканью, а потом уже платком. А потом уже, когда хоронить начинают, платок изымается. Это ценность великая. Раньше хоронили с платком, а сейчас уже не стали»; «*Сыръянас нуодасны, а кор земля вылас лодзасны, сэки платоксё босътёны* (С платком проводят, а когда на землю опустят, тогда платок заберут). Потому что *рипсовый сыръя вед* сейчас в магазине нету»²⁵.

Народная одежда сегодня выступает в числе основных атрибутов праздничного гуляния Луд [9]²⁶, участие в котором принимает как пожилое население, так и молодежь: «Надевают в основном на Луд. Сейчас вот какие-то праздники, или в селе какой-то праздник, тоже многие уже надевают эти национальные костюмы. Не стесняются. Это уже гордость. И дети носят, и старшеклассники надевают такие костюмы и умеют уже надевать. Раньше только бабушки носили. У меня бабушка Анна была, она до смерти носила этот костюм, это принято было. А потом постепенно это уходило, уходило. Но сейчас шьют на праздники»²⁷. Распространенной становится практика приобретать хорошо сохранившиеся компоненты костюма у односельчан, а также специально шить ижемский наряд у местных мастериц, изготавливающих народную одежду из современных тканей по старинным образцам: «Я, например, [платок] покупала по объявлению в газете, заявку давала. И вот продали. Я сшила себе наряд, дак у меня внучка тоже три года ходила на Луд, на хоровод да»; «Говорят, почему на праздник Луд не ходишь. Я не хожу на вечернюю

²³ Жеребцов Л.Н. Научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Ижемском районе 1961 г. В: Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 66. С. 15–16.

²⁴ ФФ ИЯЛИ: А0345 – Канева В. К., 1952 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г.; ФФ ИЯЛИ: В 0337 – Чупрова О. О., 1953 г. р., уроженка п. Щельяюр, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

²⁵ ФФ ИЯЛИ: А0333 – Ануфриева Т. А., 1949 г. р., уроженка с. Брыкаланск; Суворова Т. П., 1955 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г. в с. Ижма; ФФ ИЯЛИ: А0342 – Артеева М. В., 1933 г. р., уроженка д. Варыш, зап. 2022 г., с. Сизябск.

²⁶ Луд (букв. ‘луг’) – межрегиональный традиционный народный праздник, приуроченный к началу нового сельскохозяйственного сезона.

²⁷ ПМА: Чупрова В. Т., 1958 г. р., с. Сизябск, зап. 2022 г.

проходку, мне жалко костюм. Из советского материала и то жалко тоже, потому что мне его уже никто так не сошьет. Ну, сейчас шьют, конечно, шьют. Но шьют же тоже очень дорого. А мне достаточно того, что у меня есть. После меня еще останется»²⁸.

Длительное использование традиционного костюма обеспечивается соблюдением основных требований по уходу, правильному хранению одежды. Отмечается, что праздничную одежду, чтобы она меньше изнашивалась, изготавливали на подкладе: «Для сарафана нужно было подклад обязательно. <...> Нежный такой материал. И если бы он был без подклада, если просто так сшить да носить, конечно, век бы не носился»²⁹. По мере необходимости подклад заменяли, такая практика сохраняется по настоящее время.

Репсовый платок защищают от любой возможности намокания. По воспоминаниям информантов, в случае необходимости принято было накрывать голову подолом сарафана: «Даже летом бывает такой сильный-сильный штормовой ветер, они же в сарафанах, сарафан вот так возьмут, а там же подъюбник-то есть, они сарафан поднимут сзади вот так на голову, укроются. Это как плащ. Так делали тоже»³⁰. Элементы костюма должны как можно меньше соприкасаться с телом: «И у мамы всегда вот здесь был платочек на шее, чтобы платок-то не портился. Понимаете, они же берегли платок, чтобы не испортился»; «Сырья нельзя стирать, линяют. Когда потеешь, подкладывают носовой платок»³¹.

Необходимость бережного отношения к наряду исключала его глажку, стирку, вместо которой одежду периодически, в том числе после использования, проветривают на улице: «Вот так у меня хранится костюм. Гладить его нельзя. Стирать его нельзя. Мочить нельзя. Ленту тоже никогда не гладили. Мама всегда брала спичечный коробок и на спичечный коробок наматывала»³².

Традиционно одежда хранится в деревянных сундуках в холодной части дома. Рубахи, вывернутые наизнанку, убирают в сложенном виде. Сарафаны начинают складывать с подола, забирая его в складки, складывают в несколько раз и убирают в сундук. Репсовые платки тоже складывают, при этом кисти, убранные внутрь платка, оставляют в расправленном виде. Считается, что платки лучше хранить, сложив лицевой стороной внутрь: «Обязательно надо хранить [платок] рисунком вовнутрь, чтобы не выцветал, рисунок чтобы не выцветал»³³. Кокошник и волосник скатывают в свертки, атласные ленты наматывают в кольцо. Прежде всего сворачивают рубаху, затем фартук, головной убор, платки, в последнюю очередь сарафан.

Заключение

Основу традиционной праздничной женской одежды ижемских коми составляет северорусский сарафанный комплекс, вариативность которого определяется социально-возрастными особенностями. Основными компонентами девичьего сарафанного комплекса являются рубаха (*сос* или *японка*), сарафан, пояс или атласная лента, головной убор *ныююр*. Девичий наряд выделяется отсутствием передника. Женский праздничный наряд состоит из рубахи *сос* или *японки*, сарафана, передника, пояса или атласной ленты, головного убора *бабаюр*, включающего в себя волосник, кокошник, репсовый платок *сырья чышьян*, который в настоящее время надевают лишь в исключительных случаях, заменяя его современным платком.

²⁸ ФФ ИЯЛИ: А0333 – Ануфриева Т. А., 1949 г. р., уроженка с. Брыкаланск; Суворова Т. П., 1955 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г. в с. Ижма; ФФ ИЯЛИ: А0345 – Канева В. К., 1952 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г.

²⁹ ФФ ИЯЛИ: А0340 – Канева Г. Р., 1953 г. р., уроженка д. Бакур, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

³⁰ Там же.

³¹ ФФ ИЯЛИ: А0345 – Канева В. К., 1952 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г.; ФФ ИЯЛИ: А0342 – Артеева М. В., 1933 г. р., уроженка д. Варыш; Чупрова Л. Н., 1959 г. р., с. Сизябск, зап. 2022 г. в с. Сизябск.

³² ФФ ИЯЛИ: А0345 – Канева В. К., 1952 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г.

³³ ФФ ИЯЛИ: А0333 – Ануфриева Т. А., 1949 г. р., уроженка с. Брыкаланск; Суворова Т. П., 1955 г. р., с. Ижма, зап. 2022 г. в с. Ижма.

Как показывают материалы полевых исследований, у ижемских коми наряду с одеждой, относящейся по времени изготовления к началу XX в., распространены наряды, сшитые из современных тканей по старинным образцам. Высокая степень сохранности народной одежды обеспечивается соблюдением традиционных требований по уходу и хранению. Женская традиционная одежда, вышедшая из активного бытования, продолжает оставаться востребованной: сохраняется в качестве семейной реликвии, праздничного наряда, сценического костюма участников художественной самодеятельности. Традиционный праздничный женский костюм ижемских коми является выразительным символом локальной идентичности и выступает в качестве одного из важнейших источников сохранения исторической памяти.

Материалы, полученные в ходе полевых исследований, позволили дополнить имеющиеся сведения по традиционной женской праздничной одежде ижемских коми, выявить специфику ее функционирования в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Истомин К.В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снегоходная революция и рыночная реставрация. *Уральский исторический вестник*. 2015;(2):17–25. URL: http://uralhist.uran.ru/archive/411/428/_aview_b167 (дата обращения: 01.09.2024).
2. Истомин К.В., Лискевич Н.А., Уляшев О.И. Коми-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2017;(4):114–125. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-114-125>
3. Панюков А.В. Ижмо-Колвинский эпос: встреча традиций. *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2015;(4):108–119. URL: <https://izvestia.komisc.ru/Archive/i24.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
4. Чудова Т.И. Локальная традиция питания ижемских коми. *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2014;(4):66–73. URL: <https://izvestia.komisc.ru/Archive/i20.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
5. Богордаева А.А. Женский праздничный костюм хантов и манси в конце XX – начале XXI в.: динамика и функции. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2021;(4):162–172. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-13>
6. Жигунова М.А. Современные проблемы изучения, сохранения и использования народного костюма в Сибири. *Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки*. 2017;(1):176–179. <https://doi.org/10.24147/2312-1300.2017.1.176-179>
7. Корнишина Г.А. Традиционные женские головные уборы мордвы в контексте этнической и территориальной идентичности. *Финно-угорский мир*. 2020;12(2):184–193. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.02.184-193>
8. Дронова Т.И., Истомин К.В. Межэтническое взаимодействие в Печорском крае: ненцы, русские (устыцелемы) и коми-ижемцы. *Этнографическое обозрение*. 2003;(5):54–67. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17306955>
9. Данилова Е.Н. Этнокультурное наследие изъясатас: современное осмысление и перспектива актуализации. *Этнография*. 2023;(1):120–138. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-120-138](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-120-138)

Информация об авторе:

Бойко Юлия Ивановна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2260-3825>, SPIN-код: 2822-0112, boyko_yulia@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 06.09.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

REFERENCES

1. Istomin K.V. Nomadic Mobility of the Komi-Izhem Herders: Snowmobile Revolution and Market Restoration. *Ural Historical Journal*. 2015;(2):17–25. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://uralhist.uran.ru/archive/411/428/_aview_b167 (accessed 01.09.2024).
2. Istomin K.V., Liskevich N.A., Ulyashev O.I. Izhma-Komi Reindeer Herding: Ethnic Invariants and Local Variations. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2017;(4):114–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-114-125>

3. Panyukov A.V. The Izhma-Kolva Epos: Meeting of Traditions. *Proceedings of the Komi Science Centre Ural Branch Russian Academy of Sciences*. 2015;(4):108–119. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://izvestia.komisc.ru/Archive/i24.pdf> (accessed 01.09.2024).
4. Chudova T.I. Local Tradition of Food in the Izhma Komi. *Izvestiya Komi Nauchnogo Centra UrO RAN*. 2014;(4):66–73 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://izvestia.komisc.ru/Archive/i20.pdf> (accessed 01.09.2024).
5. Bogordayeva A.A. Female Festive Costume of the Khanty and Mansi in the Late 20th – Early 21st Century: Dynamics and Functions. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2021;(4):162–172. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-13>
6. Zhigunova M.A. Modern Problems of Studying, Preservation and Use of the National Clothes in Siberia. *Herald of Omsk University. Ser.: Historical Sciences*. 2017;(1):176–179. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24147/2312-1300.2017.1.176-179>
7. Kornishina G.A. Mordovian Traditional Women's Headdresses in the Context of Their Ethnic and Territorial Identity. *Finno-Ugric World*. 2020;12(2):184–193. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.02.184-193>
8. Dronova T.I., Istomin K.V. [Interethnic Contacts among Ethnic Groups on the Pechora River (Nenets, Russian Ust'-Tsilom, and Komi-Izhem)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2003;(5):54–67. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17306955>
9. Danilova E.N. Ethnocultural Heritage of the Izvatas: Contemporary Understanding and Actualization Perspective. *Ethnography*. 2023;(1):120–138. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-120-138](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-120-138)

Information about the author:

Julia I. Boyko, Cand.Sci. (Hist.), Researcher of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskay St., Syktyvkar 167982, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2260-3825>, SPIN-code: 2822-0112, boyko_yulia@mail.ru

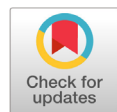
Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 06.09.2024; revised 28.04.2025; accepted 05.05.2025.

КУЛЬТУРА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ CULTURE OF FINNO-UGRIC PEOPLES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.361-372><https://elibrary.ru/uwmdtm>

УДК / UDC 646.43:7.036.45(470.22)

Оригинальная статья / Original article

Символические функции традиционной дорожной одежды карелов

Г. В. Рывкина

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация
galryv@yandex.ru*

Аннотация

Введение. В современной научной литературе имеются пробелы в изучении семантики традиционной одежды карелов, в частности символики дорожного костюма, поскольку культура передвижения карелов достаточно долгое время находилась вне интересов исследователей. Цель исследования – анализ знаково-символических функций карельского дорожного костюма, который даст возможность получить сведения о мифологических представлениях и ритуалах народа, связанных с дорогой, а также в целом о карельской пространственной мифологии.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили архивные этнографические собрания и полевые материалы автора, записанные среди южных групп карелов в 2018–2024 гг. При подготовке статьи в рамках функционального подхода применялся анализ знаково-символических функций одежды карелов, позволивший выявить основные составляющие дорожного костюма, выступавшие в качестве дополнительного оберега.

Результаты исследования и их обсуждение. В качестве дорожного костюма карелы использовали будничную одежду, дополняя ее специализированными видами верхней. В результате анализа знаково-символических функций костюма были выделены обязательные элементы одежды путника: головной убор, верхняя одежда, пояс, рукавицы, обувь. Указанные комплектующие наделялись символическим значением: препятствовали воздействию на путника враждебных сил, устанавливали границу между человеком и «чужим» миром, создавая безопасную зону вокруг путника в условиях потенциально опасной дорожной среды, служили дорожным маркером человека.

Заключение. Результаты исследования вносят вклад в изучение традиционной картины мира карелов, национальной специфики материальной культуры сквозь призму движения. Материалы статьи могут быть полезны при исследовании дорожной культуры родственных народов. Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении символической функции дорожной обуви карелов.

Ключевые слова: карелы, дорожная одежда, дорожная культура, верования, мифология

Финансирование: финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (регистрационный номер 124022000029-0).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рывкина Г. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Рывкина Г.В. Символические функции традиционной дорожной одежды карелов. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):361–372. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.361-372>

Symbolic Functions of Traditional Karelian Travel Outfit

G. V. Ryvkina

*Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation
galryv@yandex.ru*

Abstract

Introduction. In contemporary scholarly literature, there are gaps in the study of the semantics of traditional Karelian clothing, particularly the symbolism of the travel costume, as the culture of mobility among the Karelians has long remained outside the interests of researchers. The aim of the study is to analyze the sign-symbolic functions of the Karelian travel costume, which will provide insights into the mythological beliefs and rituals of the people related to the road, as well as into Karelian spatial mythology as a whole.

Materials and Methods. The source base of the research comprises archival ethnographic collections and the author's field materials recorded among southern Karelian groups between 2018 and 2024. In preparing the article, the analysis of the sign-symbolic functions of Karelian clothing was applied within the framework of the functional approach, which made it possible to identify the main components of the travel costume that served as an additional protective amulet.

Results and Discussion. As a travel outfit, the Karelians used everyday clothing, supplementing it with specialized types of outerwear. Analysis of the sign-symbolic functions of the costume identified the mandatory elements of a traveler's clothing: a headdress, outerwear, a belt, mittens, and footwear. These components were endowed with symbolic meaning: they prevented the influence of hostile forces on the traveler, established a boundary between the person and the "foreign" world, creating a safe zone around the traveler in a potentially dangerous road environment, and served as a person's road marker.

Conclusion. The research results contribute to the study of the traditional worldview of the Karelians and the national specifics of their material culture through the lens of movement. The materials presented in the article may be useful for researching the travel culture of related peoples. The prospects for further research are seen in the continued study of the symbolic function of Karelian travel footwear.

Keywords: Karelians, travel outfit, road culture, beliefs, mythology

Funding: The research was funded by the Federal Budget for the implementation of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (registration number 124022000029-0).

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Ryvkina G.V. Symbolic Functions of Traditional Karelian Travel Outfit. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):361–372. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.361-372>

Введение

Одежда является неотъемлемой частью этнической культуры любого народа, имеет полифункциональный набор характеристик, позволяет применить широкий спектр аналитических инструментов. В этой связи внимание исследователей к данному аспекту традиционной культуры не угасает. К настоящему времени в научной литературе достаточно полно представлено описание одежды карелов, ее функциональность, динамика изменений традиционного костюма под влиянием городской моды, семантика обрядовой одежды. Между тем длительное время вне исследовательского поля оставался карельский дорожный костюм. Отметим, что несмотря на оседлый образ жизни карелы представляются достаточно мобильным этносом:

в XIX – начале XX в. для обеспечения жизненных потребностей семьи карелы уходили из дома на длительный или короткий срок. В традиционном мировоззрении карелов дорога воспринималась пространством, потенциально несущим физическую и мифологическую опасность. Соответственно, элементы одежды путника для предупреждения и нейтрализации опасности наделялись особым значением. Данная статья призвана ликвидировать выявленную исследовательскую лакуну, рассмотреть традиционный костюм карелов под призмой дорожной культуры. В поле зрения автора – знаково-символические функции одежды путника, анализ которых позволит получить сведения о мифологических представлениях и ритуалах, связанных с дорогой.

Обзор литературы

Первое детальное исследование, посвященное национальному костюму карелов, было проведено Р. Ф. Тароевой¹. На основе полевых материалов и дореволюционной этнографической литературы представлено описание комплекса традиционной будничной и праздничной одежды северных и южных групп карелов. Рассмотрена функциональность традиционного костюма, в том числе знаково-символическое значение таких элементов одежды, как промысловые рукавицы, пояс. Автор заключила, что основу традиционного костюма составлял севернорусский крестьянский костюм, но с включениями элементов прибалтийско-финского характера (шарфы, юбки полосатой расцветки, обувь с загнутым носом и др.).

Л. В. Трифонова рассматривала специфику традиционного костюма южных и северных карелов: превалирование тканей домашнего изготовления (льняной и конопляный холст, сукно и полусукно), влияние финской и русской городской моды на изменение праздничного костюма, сохранение архаических черт одежды женского севернокарельского костюма до середины XX в.²

Учеными Карелии были проведены локальные исследования традиционной одежды этнографических групп – сямозерских и сегозерских карелов. Традиционный костюм сямозерцев был идентичен южнокарельскому³. Этнографической особенностью костюма сегозерских карелов являлось одновременное присутствие севернокарельских (зипун, кукель, сапоги с высокими голенищами) и южнокарельских (ригачная рубаха, наголенники, лапти) составляющих⁴.

Научный интерес А. П. Косменко фокусировался на народном орнаменте традиционного костюма карелов⁵. Проанализировав образцы карельской вышивки, исследователь пришла к выводу, что первоначальное магическое (защитное) значение орнамента традиционного костюма к XIX в. карелами было утрачено, возросла декоративная роль рисунка⁶. В. В. Сурво продолжила изучение вышивки народов Карелии, рассмотрела символические действия при изготовлении текстиля и одежды, полифункциональность орнаментированных вещей и их использование в ритуальных практиках⁷. Результаты исследований А. П. Косменко и В. В. Сурво демонстрируют

¹ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. М.: Л.: Наука; 1965. 222 с.

² Трифонова Л.В. Традиционный крестьянский костюм Южной Карелии конца XIX – начала XX в. В: Кижский вестник. Вып. 15. Петрозаводск; 2015. С. 177–206; Трифонова Л.В. Традиционная одежда северных карел (по материалам исследователей XIX – первой половины XX века). В: Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск; 2007. С. 52–70.

³ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия. В кн.: История и культура Сямозерья. Петрозаводск: ПетрГУ; 2008. С. 153–246.

⁴ Косменко А.П. Одежда и украшения. В кн.: Материальная культура и декоративно-прикладное искусство Сегозерских карел конца XIX – начала XX века. Л.: Наука; 1980. С. 116–126.

⁵ Косменко А.П. Традиционный орнамент финноязычных народов северо-западной России. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2002. 218 с.

⁶ Косменко А.П., Белоголова Л.Н., Мошина Т.А. Северные узоры. Народная вышивка Карелии. Петрозаводск: Карелия; 1989. С. 9.

⁷ Сурво В.В. Образы вышивки и обрядовая семантика текстиля в традициях Карелии. Helsinki: Unigrafia; 2014. 238 с.

сохранение института орнаментации одежды и использования ее в традиционных обрядах, что открывает перспективу рассмотрения знаково-символической функции вышивки на одежде применительно к дорожной культуре.

В карельских обрядах перехода ярко прослеживается мотив дороги, а участник обряда видится путником. Так, Е. И. Яскеляйнен, описав праздничный женский костюм Панозера, зафиксировала бытовавший в 1930-е гг. обычай одевать невесту в «старый» традиционный наряд, которому приписывалась оберегающая функция⁸. Использование старых, неокрашенных одежд и покрытие головы было характерно для участников похоронных, свадебных обрядов и святочного ряженья⁹. В похоронном и свадебном одеянии, представленном в работах Ю. Ю. Сурхаско, наблюдается дублирование атрибутов путника: головного убора, рукавиц, пояса, обуви¹⁰.

Таким образом, в представленной литературе тема традиционного костюма карелов освещена достаточно полно, за исключением специального одеяния для дороги, сведения о котором носят фрагментарный характер и требуют комплексного изучения.

Методологическим ориентиром исследования послужили труды, посвященные функциональности традиционного костюма, Г. С. Масловой¹¹, П. Г. Богатырева¹², А. К. Байбурина¹³, Е. Ф. Фурсовой [1], статьи этнолингвистического словаря «Славянские древности»¹⁴, а также исследования, описывающие элементы одежды, предназначенной для дороги, русских, татар, тундровых ненцев, удмуртов, башкир¹⁵ [2–5].

Материалы и методы

Статья основана на этнографических собраниях Научного архива Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ) и полевых материалах автора, собранных среди южных групп карелов в 2018–2024 гг. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании.

В процессе исследования использовался функциональный подход¹⁶, позволивший рассмотреть отдельный элемент одежды с позиции многоаспектности функций, адаптации его роли в условиях изменения характера окружающей реальности. В рамках статьи применялся анализ знаково-символических функций комплекса карельской дорожной одежды, давший возможность выделить группу релевантных элементов одежды путника, имеющих оберегающее значение.

⁸ Яскеляйнен Е.И. Панозерские наряды и их родословные. В кн.: Панозеро: Сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск: ПетрГУ; 2003. С. 154–179; Яскеляйнен Е.И. Вновь: о нарядах жителей северокарельской деревни Панозеро на реке Кемь. В: Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск; 2003. С. 277–282.

⁹ Конкка А.П. Семантика одежды переходных состояний у карел: погребение, свадьба, святочное ряжение. В: Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2016. С. 386–390.

¹⁰ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Л.: Наука; 1985. 172 с.

¹¹ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука; 1984. 216 с.

¹² Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. В кн.: Народная культура славян. М.: ОГИ; 2007. С. 215–275.

¹³ Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей. В: Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука; 1989. С. 63–88.

¹⁴ Валенцова М.М., Узенева Е.С. Платок. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2009. Т. 4. С. 65–69; Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Обувь. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2004. Т. 3. С. 475–479; Кабакова Г.И. Головной убор. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 1995. Т. 1. С. 506–508; Левкиевская Е.Е. Пояс. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2009. Т. 4. С. 230–233; Толстая С.М. Одежда. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2004. Т. 3. С. 523–533; Толстой Н.И., Усачева В.В. Волосы. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 1995. Т. 1. С. 420–424.

¹⁵ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик; 2003. 528 с.; Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века). Омск: Наука; 2012. 196 с.

¹⁶ Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. С. 215–275.

Хронологические рамки исследования обозначены периодом второй половины XIX – первой трети XX в. Нижняя граница обусловлена недостаточной полнотой материала по предыдущим эпохам, верхняя – трансформацией традиционного уклада жизни в 1930-е гг.

Результаты исследования и их обсуждение

Мотивы, побуждавшие карелов к отправлению в дорогу, можно разделить на четыре основные группы, которые могли комбинироваться в рамках одного путешествия: трудовые (внутрикраевые и внекраевые промыслы), торговые (покупка и продажа товаров), религиозные (паломничество) и празднично-гостевые (посещение родственников, участие в праздниках соседних деревень).

Получение дополнительного заработка – преобладающий мотив отлучки из дома на длительное время. Большинство уходивших были мужчинами, однако и женщины участвовали в отхожих промыслах: нанимались рабочими в сфере услуг (няньками, кухарками, портнихами и др.), занимались разностной торговлей, заработками, требующими тяжелого физического труда (сельскохозяйственные работницы, извозчицы, грузчицы), участвовали в рыболовном промысле и в лесозаготовках¹⁷. Внутрикраевой отход, не требующий получения билета или паспорта на отлучку, являлся наиболее распространенным среди женщин. В связи с тем, что данные о внутрикраевом отходе не фиксировались, установить точное соотношение мужчин и женщин в этом виде отхода весьма затруднительно¹⁸.

Религиозные и празднично-гостевые мотивы путешествий в равной степени были характерны для мужчин и женщин, за исключением обычая длительной (2–3 недели) гостьбы девушек (с-к. *ativo*, *adivo*; ливв. *ad'vo*; люд. *ad'v*, *adiv*) у родственников накануне зимних престольных праздников¹⁹.

В большинстве случаев карелы в дорогу облачались в будничный костюм. Если того требовала ситуация, то, прибыв на место, переодевались в праздничные наряды:

«Инф.: Когда пойдешь на праздник, в другое (нарядное платье – *Авт.*) там переодеваешься.

Инт.: Переодевались до деревни или уже когда пришли на место?

Инф.: А в сарае. Раньше же не было, как сейчас (в настоящее время – *Авт.*), везде комнаты» (А. П. Иванова, 1932 г. р., ур. д. Варлов Лес, Пряжинский район). (Здесь и далее в статье все ответы респондентов приводятся без изменений, с сохранением авторской стилистики и грамматики – *Ред.*).

Оказавшись в дороге в праздничном костюме, карелы обязательно совершали остановку для очищения одежды от дорожной пыли:

«Наконец показалась деревня, мы делаем еще одну остановку на краю сосняка, и каждый чистит свою одежду, прежде чем показаться на людях»²⁰.

Но, как правило, нарядными отправлялись только на праздники или ярмарки. Выбор в пользу будничной одежды был обусловлен природно-климатическими условиями края и состоянием дорог в Карелии [6].

Опираясь на представленные выше литературные источники, дадим общую характеристику комплексам мужской и женской одежды.

Основу мужского обыденного костюма составляли холщевая рубаша (с-к. *pai-ta* / *paida*; люд. *paid*; ливв. *paidu*) и порты (с-к. *pukšut*; люд. *kuaddad*; ливв. *kuadiet*),

¹⁷ Литвин Ю.В. Женщина в карельской деревне: изменение статусов и ролей (вторая половина XIX – начало XX в.). Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2023. С. 214–226.

¹⁸ Там же. С. 214.

¹⁹ Винокурова И.Ю. Праздничная система крестьянского населения Олонецкой губернии (конец XIX – XX начало в.). В кн.: Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 2010. С. 23.

²⁰ Инха И.К. В краю калевальских песен: тропой Лённорота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск; 2019. С. 150.

сшитые из домотканого полотна или сукна и заправленные в сапоги. Рубаха (верхняя и нижняя) имела простой туникообразный крой, воротник-стойку и вырез на левой стороне груди. Длина рубахи варьировалась и порой достигала линии колен²¹. Рубаха подпоясывалась кожаным ремнем или плетеным поясом. К концу XIX в. в обиход карелов входит рубаха, выполненная из фабричной хлопчатобумажной ткани с отложным воротником²². В этот же период традиционные порты на гашнике сменяются штанами (с-к. *stanit*; люд. *štanad*; ливв. *štanat*), сшитыми в поясе с застежкой на пуговицах²³. В холодную погоду поверх рубашки надевали шерстяные фуфайки²⁴. Верхней одеждой в межсезонье служил кафтан (с-к. *kauhtana*; люд. *kaftan*, ливв. *kauhtan*), в холодное время года – овчинный полушубок, шубу (с-к. *turkki*; люд. *pövvü, turkki*; ливв. *turki*).

Для защиты дорожного костюма от загрязнений карелы использовали балахон (с-к. *palahvana*; ливв. *balahon*; люд. *balaffon*) из домотканого холста, имевший свободный крой, широкие рукава и капюшон-кукель (*kukkel'*)²⁵. Балахон использовался весь год, надеваясь поверх как летней, так и зимней верхней одежды. В зимний период поверх кафтана в дорогу надевали тулуп (с-к. *tuluppa*; ливв. *tuluppi*; люд. *tulupp*), а среди южных групп карелов был распространен армяк (ливв. *ärmäkkö*)²⁶. Тулуп и армяк имели схожий халатообразный покрой с удлиненным подолом, запах правой полы на левую, а застежкой служил кушак²⁷. Различие между ними было в материале пошива: армяк выполнялся из сукна (рис. 1), тулуп – из овчины (рис. 2)²⁸. Данный тип верхней одежды благодаря длинному подолу защищал ноги карелов от холода при длительной езде в санях²⁹. Согласно материалам экспедиции 1957 г. под руководством Р. Ф. Тароевой, в тулупе или «шубе едут до места работ. А работают в понитке»³⁰. Таким образом, тулуп, армяк и балахон служили специальной верхней дорожной одеждой карелов.

Р и с. 1. Армяк. Худ. Л. М. Рывкина
F i g. 1. Armak. Artist L. M. Ryvkina

Р и с. 2. Тулуп. Худ. Л. М. Рывкина
F i g. 2. Tulup. Artist L. M. Ryvkina

²¹ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. В кн.: Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика; 2019. С. 131.

²² Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 147.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ Логвиненко Е. С. Традиционная одежда. С. 132.

²⁵ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия. С. 227.

²⁶ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 60. Л. 44; Трифонова Л.В. Традиционный крестьянский костюм Южной Карелии конца XIX – начала XX в. С. 188.

²⁷ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 150.

²⁸ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 60. Л. 44.

²⁹ Логинов К.К. Культура жизнеобеспечения русских Заонежья. В кн.: Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика; 2019. С. 583.

³⁰ Пониток – верхняя одежда, изготовленная из полушерстяной ткани «с льняной основой, с чередованием в утке льняной и шерстяной нитки» (Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. В: Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: Изд-во Академии наук СССР; 1956. С. 571.); НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 47. Л. 9.

В качестве головного убора мужчины предпочитали покупные картузы или валяные шляпы, в холодное время года – меховые шапки³¹. Шею укрывали шерстяными шарфами или шейными платками³². Руки от мороза и ветра защищали двойными варежками: вязанными из овечьей шерсти снизу и кожаными или меховыми сверху³³.

Наиболее предпочитаемой обувью были кожаные сапоги (с-к. *šuappuat*, *kengät*; люд. *kengad*, *čabat*; ливв. *kengät*, *suappuat*), которые южные карелы носили круглогодично, в зимнее время года для тепла дополнительно надевали шерстяные носки³⁴. Северные карелы летом обували специальные дорожные сапоги без каблуков с загнутыми носами *nyppikenkät* (*pieksut*)³⁵, зимой – сапоги с голенищами из заячьего меха *toššu* или из оленьей кожи *koibi*³⁶.

Женский будничный костюм состоял из рубахи и сарафана либо юбочного комплекта с рубахой и кофтой, в обоих случаях обязательным атрибутом был передник. Женская рубаха (с-к. *räččinä*; ливв., люд. *räččin*) сшивалась из двух частей – рукавов (с сер. XIX в. использовали фабричные ткани) и станушки из домотканого холста³⁷. Вырез горловины имел прямоугольную или округлую форму³⁸. Сарафаны (с-к. *sarafana*, *siičča*, *sverezi*; люд. *saraffan*, *ferezi*; ливв. *sarfan*, *ferize*) шили косоклиньного и прямого кроя «из холста, пестряди, шерсти, ситца, сатина, шелка»³⁹.

Женская рубаха составляла также основу юбочного комплекса, который использовался как рабочий костюм. Юбка (с-к. *hamen*; люд. *dupke*; ливв. *jupki*) прямого кроя имела сборку, пояс со шнурком и разрез сверху⁴⁰. Иногда по подолу пришивалась оборка⁴¹. Шили юбки из грубого льняного или конопляного холста, полусукна или ткани, сотканной из тряпок на льняной основе (одеяльные юбки)⁴². К юбкам из аналогичного материала шили прямые кофты с длинным рукавом⁴³.

В холодное время года карелки для утепления использовали многослойность в одежде, а также шерстяные ткани: надевали дополнительные суконные или ватные простеганные юбки под сарафан, сверху рубахи – шерстяные свитеры и фуфайки, ноги обогревали шерстяными чулками⁴⁴. В зависимости от сезона верхней одеждой для женщин служил укороченный зауженный в талии кафтан или «овчинные полушубки, шубы на заячьем и лисьем меху»⁴⁵. Специальной дорожной женской верхней одежды у карелок не было, в дорогу надевали армяк⁴⁶.

Женский головной убор был сложнее мужского: волосы заплетали в две косы и укладывали на голове, сверху надевали небольшую шапочку – волосник или чепец (с-к. *čärčä*; люд. *čerč*; ливв. *čerču*), заключительным элементом была сорока (с-к. *sorokka*; люд. *sorok*; ливв. *sorokku*)⁴⁷. Выходя на улицу, женщины дополнительно повязывали на голову платок, который в зависимости от сезона и состоятельности женщины мог быть холщовым, ситцевым, шелковым или шерстяным. Женская обувь почти не отличалась от мужской.

³¹ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 132.

³² Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 150.

³³ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 60. Л. 44.

³⁴ Трифонова Л.В. Традиционный крестьянский костюм Южной Карелии конца XIX – начала XX в. С. 192.

³⁵ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 154.

³⁶ Там же. С. 155.

³⁷ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 127.

³⁸ Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии. В кн.: Костюм и праздник. Петрозаводск: Карелия; 2006. С. 22.

³⁹ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 160.

⁴⁰ Там же. С. 159.

⁴¹ Косменко А.П. Одежда и украшения. С. 123.

⁴² Там же.

⁴³ Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии. С. 26.

⁴⁴ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 128.

⁴⁵ Там же. С. 129.

⁴⁶ Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии. С. 28.

⁴⁷ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 130.

В традиционном мировоззрении карелов пространство дороги обладало отрицательным значением, любой выход за пределы населенного пункта потенциально нес как физическую (дикие звери, разбойники, голод, опасные природные явления), так и связанную с мифологической картиной мира опасность (духи различных стихий, нечистая сила, порча, болезни). С целью предупреждения или нейтрализации возможной угрозы карелы использовали предметы одежды, наделяемые символическими функциями оберега.

Головной убор. Правило отправляться в дорогу (в том числе на ближние расстояния) с покрытой головой в особенности распространялось на женщин и девушек: «Для женщин ходить без платка – все равно что ходить голой»⁴⁸. Головной убор воспринимался в качестве барьера от вредоносного влияния окружающего пространства на человека. Его наличие предохраняло от болезней, приносимых ветром: «Раньше говорили – *väl'l'al tukad ei pidäü* (распущенными волосами не надо ходить – *Авт.*), чтобы волосы не разлетались, чтобы были убраны всегда. Всегда говорили платок надевать. Раньше же никогда волосы на волю не ходили (непокрытой головой – *Авт.*), были все заплетены: косичками, ленточками. А теперь ходят (без головного убора – *Авт.*), ветер (волосы разносит – *Авт.*), головы, говорят, болят. Бывало, пойдешь так (без платка – *Авт.*) – *pane paikk piäh* (надень платок на голову – *Авт.*) заранее говорили» (Е. В. Абрамова, 1932 г. р., ур. д. Тереки, Кондопожский район).

Отсутствие головного убора могло повлечь немилость духов – хозяев природных стихий, в особенности лесного: «Без головного убора не ходите, хоть платочек, хоть какую-нибудь в лес. Лесной не любит. Раньше женщины и девчонки не ходили с голой головой в лес» (Р. Н. Громакова, 1932 г. р., ур. д. Декнаволоок, Кондопожский район).

В XIX в. для шитья женских сорок начали использовать церковные ткани с вытканым изображением креста, такой головной убор дополнительно обретал роль оберега⁴⁹.

Итак, головной убор служил символической защитой человека от потусторонних сил, однако при встрече в дороге со змеей или медведем предписывалось снимать головной убор. Так, брошенным на землю платком отвлекали агрессивную змею: «Вот у меня троюродная сестра рассказывала, что на нее напала большая змея, а она была с бабушкой своей. Бабушка говорит: “Кидай в нее свой платок, кидай платок”. И вот, говорит, я сняла платок. В лес ходили всегда покрытой головой, говорит: “Бросила платок, она начала платок трепать, змея то, я убежала от змей”» (М. М. Потемкина, 1954 г. р., ур. д. Пертозеро, Олонецкий район).

Среди ведлозерских карелов было зафиксировано поверье, что медведя пугают распущенные длинные волосы, поэтому женщина при встрече с медведем снимала платок: «Мама идет по тропинке. А этот (медведь – *Авт.*) копается в муравейнике. На лапы вскочил и так. Ну, думает, что делать? Медведь боится, если волосы длинные, можно волосы распустить. Только пытаюсь, говорит, платок развязать, а он шаг делает» (Т. Е. Никитина, 1955 г. р., ур. д. Ведлозеро, Пряжинский район).

Медведь является культовым животным для карелов, его облик принимал хозяин леса⁵⁰. В карельских мифологических рассказах распущенные волосы – характерная особенность представительниц иного мира: лесной девы и хозяйки воды⁵¹. Можно предположить, вопреки объяснению информанта, что снятие головного убора и распущенные волосы не являются истинным способом напугать зверя. Вероятно, данное действие – попытка приобщения к «чужому» миру и приобретения черт, не присущих крещеному человеку (путнику), с целью стать «невидимым» для опасности.

⁴⁸ Валенцова М.М., Узенева Е.С. Платок. С. 68.

⁴⁹ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 131.

⁵⁰ Иванова Л.И. Персонажи карельской мифологической прозы: исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского; 2012. С. 148.

⁵¹ Там же. С. 157; 321.

Верхняя одежда. Одной из символических функций одежды является ее восприятие в роли «двойника» человека, которому она принадлежала. Последняя домашняя одежда ушедшего путника символически заменяла его присутствие в доме и не подвергалась стирке до его прихода обратно. Постирать белье означало «стереть» ушедшего члена семьи из дома [7].

Верхняя одежда путника защищала его от негативного влияния пространства дороги, перенимала на себя все возможные мифологические угрозы окружающей среды и тем самым несла опасность для домочадцев, в частности для детей. Об этом свидетельствует существующий у карелов запрет отпускать детей встречать возвращающегося домой члена семьи или прибывающего гостя:

Инф.: Когда кто-то откуда-то приезжает, сразу не надо пускать навстречу ребенка, с дальней дороги идет, и дети же бегут сразу туда, не надо пускать.

Инт.: А когда уже можно пускать? Когда зайдет в дом?

Инф.: Когда зайдет в дом, разденется, тогда пускай» (Л. Е. Павлова, 1940 г. р., ур. д. Кормелисто, Пряжинский район).

Путнику разрешалось вступать в контакт с детьми только после снятия верхней одежды, мытья в бане и трапезы⁵². В карельской традиции баня являлась «местом обитания семейных духов-покровителей» [8], соответственно, указанный обычай способствовал приобщению человека к роду (для гостей – временно), а также утрате дорожного статуса.

Верхняя одежда служила маркером путника. Кроме того, застежка на одежде помогала идентифицировать принадлежность встречного путника: представитель он своего или потустороннего мира. Как в мужской, так и в женской традиционной верхней одежде карелов наблюдаются обязательный запах правой полы на левую и расположение застежки слева⁵³. Противоположное расположение застежки являлось отличительной чертой нечистой силы, в особенности духа-хозяина леса – лешего⁵⁴. По карельским поверьям, признаком нечистой силы также служило отсутствие пояса у путника.

Пояс. Без пояса не обходился ни мужской, ни женский костюм. На путнике могло быть повязано два и более пояса: одним подпоясывали рубаху или сарафан, вторым – верхнюю одежду. По представлениям карелов, пояс имел силу оберега от злых духов⁵⁵. Образованный поясом круг на теле символически отделял пространство человека от внешнего мира⁵⁶.

По своему значению пояс приравнивался к нательному кресту. Так, И. К. Инха записал поверье северных карелов, в котором отмечается запрет на снятие креста и пояса: «никогда, даже когда спишь, нельзя быть без креста и пояса, если хочешь оберечься от грехов»⁵⁷. Сямозерские карелы грехом считали креститься неподпоясанным⁵⁸. Н. А. Лавонен среди калевальских карелов зафиксировала бытовавший обычай носить пояс на голом теле, равно как и нательный крест, с младенческого возраста⁵⁹. Согласно материалам А. П. Конкка, карелы объясняли необходимость повязывать пояс примером Иисуса Христа, который изображался подпоясанным⁶⁰. По мнению

⁵² Иванова Л.И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского; 2016. С. 114.

⁵³ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 150.

⁵⁴ Там же. С. 149.

⁵⁵ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. С. 69.

⁵⁶ Левкиевская Е.Е. Пояс. С. 230.

⁵⁷ Инха И.К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. С. 75.

⁵⁸ Конкка А.П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карел. В: На плечах Большой Медведицы: избранные статьи. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2015. С. 331.

⁵⁹ Лавонен Н.А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора). В кн.: Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука; 1977. С. 78.

⁶⁰ Конкка А.П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карел. С. 331.

исследователя, одновременное ношение креста и пояса обеспечивало человеку сразу «двойную» защиту⁶¹.

В дороге карелы за поясом размещали рукавицы и топор: «А я приду, муж в это время уже поел, чаю попил, надевает тулупчик. Я ему пояс застегиваю, за пояс полагаю рукавицы меховые, эти греются, а эти рукавицы на руках, что когда лошадью правишь, руки замерзают, надо надеть поосновательнее – меховые рукавицы, а работать в них нельзя. Они толстые, неудобно держать вилы или топор. Топор за пояс, рукавицы за другой пояс, застегиваю, он идет» (В. А. Тиккоева, 1948 г. р., ур. д. Улитина Новинка, Кондопожский район).

Использование топора в качестве оберега – традиция, известная многим народам⁶². В карельской культуре наличие топора за поясом зафиксировано во многих обрядах, в том числе пастушеских и земледельческих⁶³. Топор крепили двумя способами: затыкали за пояс или вешали на петлю у пояса слева⁶⁴. Для защиты тела от пореза при поясном ношении топора на лезвие либо надевали сшитый из голенища старого сапога чехол, либо заворачивали его в кусок бересты (М. М. Потемкина, 1954 г. р., ур. д. Пертозеро, Олонецкий район). В случае отправления в дорогу наличие топора (острого предмета) за поясом усиливало его защитное действие.

Рукавицы и обувь. В карельской обрядовой культуре использование рукавиц как оберега встречается в хозяйственных⁶⁵, свадебных, похоронных и промысловых⁶⁶ практиках.

Перед отправлением в дорогу из дома невесты в дом жениха молодым надевали рукавицы⁶⁷. Они также были обязательной частью погребального костюма карелов⁶⁸. А. П. Конкка считает, что в указанных обрядах жизненного цикла рукавицы, сохраняя оберегающую функцию, облегчают переход человека из одного состояния в другое⁶⁹. В свадебной и похоронной обрядности карелов ясно прослеживается мотив дороги, а фигурирующие рукавицы молодоженов и покойника являются атрибутом путника. В зимнее время года карелы в дорогу поверх вязаных варежек надевали кожаные или меховые рукавицы, что также могло иметь оберегающее значение⁷⁰. Отсюда можно предположить, что в дорожной культуре карелов рукавицы путника изначально выполняли функцию оберега, но к XIX в. утратили свое символическое значение.

Особый интерес вызывает обувь путника, поскольку в дорогу уходили обутыми. Также для карелов являлось характерным хоронить (отправлять в последний путь) женщин и мужчин в сапогах [9]. В экспедиции 1956 г. под руководством Р. Ф. Таровой были зафиксированы верования о необходимости погребения в обуви даже детей⁷¹. Данный обычай подкрепляется представлениями о невозможности преодоления пути в иной мир босиком⁷², что косвенно подтверждается обрядом приглашения души покойника за поминальный стол, бытовавшим в среде карелов-людиков, в котором упоминается о прибытии души покойного в обуви [10]. У сямозерских карелов хозяйке запрещалось входить в хлев без обуви и головного убора, чтобы не оскорбить

⁶¹ Конкка А.П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карел. С. 331.

⁶² Чёха О.В. Топор. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2012. Т. 5. С. 288.

⁶³ Маслова Г.С. Материалы по аграрному календарю карел юго-западной Карелии. В кн.: Полевые исследования института этнографии. 1978 г. М.; 1980. С. 224.

⁶⁴ Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии. С. 18.

⁶⁵ Там же. С. 168.

⁶⁶ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 132.

⁶⁷ Конкка А.П. Свадебная обрядность. С. 190.

⁶⁸ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. С. 68.

⁶⁹ Конкка А.П. Семантика одежды переходных состояний у карел: погребение, свадьба, святочное ряжение. В: Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2016. С. 389.

⁷⁰ Толстая С.М. Одежда. С. 524.

⁷¹ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 43. Л. 6.

⁷² Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Обувь. С. 477.

духа-хозяина двора⁷³. Предположительно, схожее отношение было к духу-хозяину леса, поскольку в лес уходили в сапогах или лаптях⁷⁴. Согласно мифам карелов, и сам леший зачастую являлся перед человеком в сапогах⁷⁵. Соответственно, наличие или отсутствие обуви у встречного путника не было идентифицирующим фактором представителя «своего» или «чужого» мира. Таким образом, в дорожных практиках карелов символическая функция обуви прослеживается слабо и требует отдельного изучения.

Заключение

Дорожный костюм карелов состоял из будничной одежды, но дополнялся специализированной верхней одеждой в зависимости от сезона – балахоном с кукелем, армяком или тулупом. Среди северных карелов бытовала дорожная обувь *pieksut*, предназначенная для пешей ходьбы. Анализ знаково-символических функций дорожного костюма карелов позволил выделить следующие обязательные элементы одежды путника, имеющие оберегающее значение: головной убор, верхняя одежда, пояс, рукавицы. Можно предположить, что в этот перечень входила и обувь. Важным дорожным маркером являлся также способ ношения верхней одежды – запах. Выделенные виды дорожной одежды карелов помимо утилитарной функции дополнялись символической: препятствовали воздействию на путника враждебных сил, устанавливали границу между человеком и «чужим» миром, создавая безопасную зону вокруг человека в условиях потенциально опасной дорожной среды.

Результаты исследования вносят вклад в изучение традиционной культуры карелов, раскрывают семантику основных атрибутов путника. Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении предметов материальной культуры карелов в аспекте движения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ливв. – ливвиковское наречие карельского языка; люд. – людиковское наречие карельского языка; с-к. – собственно карельское наречие карельского языка.

ABBREVIATIONS

Livv. – Livvi dialect of the Karelian language; Lud. – Ludic dialect of the Karelian language; P-k. – Proper Karelian dialect of the Karelian language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фурсова Е.Ф. Знаково-символические функции русской традиционной одежды в исследованиях культурологов, искусствоведов, психологов, этнографов. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2017;23:503–508. URL: <http://www.paeas.ru/Articleru/230> (дата обращения: 23.03.2025).
2. Ершов М.Ф. Восприятие путешественников на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020;(6):61–68. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.69.6.008>
3. Адаев В.Н., Рахимов Р.Х. Традиционная культура путешествия тундровых ненцев. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2015;(2):151–158. URL: [http://ipdn.ru/_private/a29/va2\(29\)2015.pdf](http://ipdn.ru/_private/a29/va2(29)2015.pdf) (дата обращения: 15.11.2024).
4. Калмыкова М.Н. Образ путника в удмуртской народной культуре: определение статуса. *Вестник удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2016;26(1):64–67. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3284> (дата обращения: 20.03.2025).

⁷³ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия. С. 166.

⁷⁴ Фишман О.М. Mečän-iz'änd'ä – карельский леший (к реконструкции образа). В: Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб.; 1994. С. 89.

⁷⁵ Иванова Л.И. Персонажи карельской мифологической прозы: исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. С. 154.

5. Мигранова Э.В., Шангараева Л.Х. К вопросу о традиционных путешествиях и дорожной культуре башкир. *Oriental Studies*. 2020;13(4):961–975. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975>
6. Рывкина Г.В. Содержание и состояние проезжих дорог карельских уездов Олонецкой губернии. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021;43(4):110–117. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.625>
7. Винокурова И.Ю., Рывкина Г.В. Динамика традиционных мобильных практик карелов-людигов. *Вестник угроведения*. 2021;11(3):503–512. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-3-503-512>
8. Миронова В.П., Иванова Л.И. Обряд жениховой бани в контексте карельской свадебной традиции. *Томский журнал ЛИНГ и АНТР*. 2025;(1):108–117. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-108-117>
9. Минвалеев С.А. Похоронно-поминальная обрядность карелов-людигов (по материалам первой этнографической экспедиции Р. Ф. Тароевой). *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*. 2015;(8):104–112. <http://dx.doi.org/10.17076/hum212>
10. Винокурова И.Ю., Минвалеев С.А. Поминальная обрядность карелов-людигов: ареальная характеристика на фоне общих и локальных традиций соседних народов. *Этнографическое обозрение*. 2018;(4):152–170. <https://doi.org/10.31857/S086954150000412-3>

Информация об авторе:

Рывкина Галина Викторовна, младший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8278-0466>, SPIN-код: 3933-1456, galryv@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 28.04.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

REFERENCES

1. Fursova E.F. Semantic and Symbolic Functions of Russian Traditional Clothing in the Research of the Cultural Studies Scholars, Art Historians, Psychologists, and Ethnographers. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2017;23:503–508. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.paeas.ru/Articleru/230> (accessed 23.03.2025).
2. Ershov M.F. Perception of Travelers in the North of Tobolsk in the XIX – the Beginning of the XX Centuries. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2020;(6):61–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.69.6.008>
3. Adaev V.N., Rakhimov R.Kh. [Traditional Travel Culture of the Tundra Nenets]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2015;(2):151–158. (In Russ.) Available at: [http://ipdn.ru/_private/a29/va2\(29\)2015.pdf](http://ipdn.ru/_private/a29/va2(29)2015.pdf) (accessed 15.11.2024).
4. Kalmykova M.N. The Image of a Traveler in the Udmurt Traditional Culture: Status Determination. *Bulletin of the Udmurt University. Ser.: History and Philology*. 2016;26(1):64–67. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3284> (accessed 20.03.2025).
5. Migrantova E.V., Shangaraeva L.Kh. Revisiting Traditional Travel and Road Culture of the Bashkirs. *Oriental Studies*. 2020;13(4):961–975. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975>
6. Ryvkina G.V. Maintenance and Conditions of the Roadways in Karelian Uyezds of the Olonets Province. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):110–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.625>
7. Vinokurova I.Yu., Ryvkina G.V. The Dynamics of Traditional Mobile Practices of the Ludian Karelians. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(3):503–512. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-3-503-512>
8. Mironova V.P., Ivanova L.I. The Bridegroom's Banya Ritual in the Context of the Karelian Wedding Tradition. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*. 2025;(1):108–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-108-117>
9. Minvaleev S.A. The Funeral and Memorial Rites of the Ludics (Based on the R. F. Taroeva's First Ethnological Expedition). *Transactions of the Karelian Research Centre RAS*. 2015;(8):104–112. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.17076/hum212>
10. Vinokurova I.Yu., Minvaleev S.A. Commemorative Rituals of the Ludian Karelians: The Areal Characteristic among the Common and Local Traditions of the Neighbouring Peoples. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018;(4):152–170. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S086954150000412-3>

Information about the author:

Galina V. Ryvkina, Junior Researcher of the Ethnology Sector, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8278-0466>, SPIN-code: 3933-1456, galryv@yandex.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 28.04.2025; revised 14.05.2025; accepted 29.05.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Научный журнал «Финно-угорский мир» публикует оригинальные научные статьи на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся в других изданиях. Цель издания – пропаганда фундаментальных и прикладных достижений в области гуманитарных наук и финно-угроведения на территории Российской Федерации и за рубежом. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати). Журнал приветствует статьи, содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Финно-угорский мир» необходимо учесть следующие пункты:

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (250–300 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение;

2) Материалы и методы;

3) Результаты исследования и их обсуждение;

4) Заключение.

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Важно провести сравнительный анализ с зарубежными исследованиями по заявленной проблематике.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать редактирование текста и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов. Разнохарактерные иллюстрации необходимо приводить к единому стилю графического исполнения, соблюдая единообразие их оформления. Графики, схемы и диаграммы необходимо оформлять в Microsoft Excel.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** оформляется в формате Vancouver в версии AMA. В него включаются только рецензируемые источники (статьи из научных журналов), включенные в глобальные индексы цитирования. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., ученое звание и должность, организация(и), адрес организации(й) (желательно указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, SPIN-код, электронная

почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. Вклад авторов. Для формулировки фактического вклада каждого соавтора в выполненную работу необходимо использовать таксономию CRediT (Contributor Roles Taxonomy) – стандарт, разработанный Национальной организацией по информационным стандартам (National Information Standards Organization, NISO) (<https://credit.niso.org/>). Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно. *Приводится на русском и английском языках.*

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Финно-угорский мир» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год).

Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц.

Макаркин Николай Петрович – главный редактор.

Мосина Наталья Михайловна – заместитель главного редактора, научный редактор.

Никонова Юлия Николаевна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS

The Finno-Ugric World journal publishes original scientific articles (Full Articles) in Russian and English, previously not published in other editions. The purpose of the publication is to promote fundamental and applied achievements in the field of humanities and Finno-Ugric studies in the Russian Federation and abroad. Duplicate publications are subject to retraction (withdrawal from press) in case of detection. Submission to the editorial office of previously published articles or articles sent for publication to other journals is not allowed. In the event of simultaneous submission of a manuscript to different journals, the published article will be retracted (withdrawn from print).

The journal gives preference to the articles with potentially high impact factor or containing significant advances in considered areas of science. Particular attention should be paid to the quality of translation.

It is desirable that this be performed by a native speaker of English.

To submit an article in the journal Finno-Ugric World you should know:

1. It is necessary to indicate the **UDC code**.

2. **The title of the article** should briefly (no more than 10 words) and accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the conducted research. *The title is to be provided in Russian and English.*

3. **The abstract** performs the function of an expanded title and informs readers about the article's content. It should comprise the following sections:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results and Discussion;
- 4) Conclusion.

The recommended abstract volume is 250–300 words. **The abstract is to be provided in Russian and English.**

4. **Keywords** consist of the search terms used by all bibliographic databases to search for scientific articles by keyword. For this reason, the keywords should reflect the main statements, achievements, results and terminology of scientific research. The recommended number of keywords is 5–10. *The keywords are to be provided in Russian and English.*

5. **Acknowledgements.** In this section, mention should be made of people who helped the author to prepare the article and any organisations that provided financial support. Expressing gratitude to anonymous reviewers is considered good form. *The acknowledgements are to be provided in Russian and English.*

6. **The main** text of the article is to be presented in Russian or English according to a specific sequence:

1) The Introduction must contain the formulation of a scientific problem, stating its relevance, connection with the most important tasks that need to be solved and its importance for the development of a particular branch of science or practice.

2) Literature Review. Here it is necessary to outline the principal contemporary studies and publications on which the argument relies, state current views on the problem, underline difficulties in developing the topic and highlight unresolved issues within the main problem to which the article is devoted. It is important to carry out a comparative analysis that cites existing publications on the stated issues.

3) Materials and Methods. This section describes the process of organising the experiment, the methods applied and any equipment used (including software). It should provide detailed information about the object of study, indicate the sequence of research and justify the choice of methods used (observation, survey, testing, experiment, laboratory experience, analysis, modelling, etc.).

4) Results. In this part of the article, analytical and statistical materials should be systematised. The results of the study should be described with sufficient degree of completeness so that the reader can trace its stages and assess the validity of the conclusions made by the author. This is the main section, the purpose of which is to confirm or repudiate the working hypothesis (hypotheses).

If necessary, the results should be confirmed by illustrations (tables, graphs, drawings) that represent the source material or evidence in a compact form. It is important that the visual information does not duplicate information already given in the text. The results presented in the article should be compared with previous works in this area both by the author and other researchers. Such a comparison will additionally reveal the novelty of the work carried out and give it objectivity. The results of the study should be summarised, but at the same time contain enough information to assess the findings. The decision to select the particular data for analysis must also be justified. All titles, captions and structural elements of graphs, tables, charts, etc., are to be provided in Russian and English. Figures, which can either be presented in vector or raster format (at least 300 dpi resolution), should permit editing of text elements and resizability. All graphic data placed in the text of the article should additionally be sent as separate files. Diverse illustrations should conform to a single style of graphic presentation ensuring the uniformity of their design. Graphs, charts and diagrams should be drawn up in Microsoft Excel.

5) Discussion and Conclusion. In the conclusion, the results of the understanding of the topic should be summarised along with conclusions, generalisations and recommendations arising from the work. In addition, the practical significance of the results should be emphasised along with a discussion of the main directions for further research. It is desirable to include in the final part of the article attempts to forecast the development of the issues considered.

7. **List of references.** The bibliographic description of the documents should conform to the requirements of the Vancouver Citation Style. It is necessary to refer first of all to original sources from scientific journals included in the major global citation indices. It is essential that the link to the source be correctly formatted. The authors' names, journal (e-mail), year of publication, volume (issue), number, pages where the cited information may be found, as well as DOI or URL should be indicated. *The list of references is to be provided in Russian and English.*

8. **Information about authors.** Full surname, first name and any second names or patronymics of the authors; detailed information about the authors: scientific degree, title, position, official name of institution without abbreviations, address of institution (it is necessary to indicate all author workplaces where the research was carried out (permanent address, place of project implementation, etc.)); ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, Author ID in the Russian Science Citation Index; e-mail, phone, postal address for the author's copy. *Information about authors is to be provided in Russian and English.*

9. **Authors' contribution.** To formulate the actual contribution of each co-author to the completed work, it is necessary to use CRediT (Contributor Roles Taxonomy) – a standard developed by the National Information Standards Organization (NISO) (<https://credit.niso.org/>). The order of citation of authors and co-authors of the article is agreed by them independently. *Information is provided in Russian and English.*

The author agrees to the terms of the enclosed license agreement by submission of the article.

As part of the submission, the journal will peer review your article before deciding whether to publish it.

The journal Finno-Ugric World uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa, throughout the review process. Validity of reviews is one year. A reviewer analyses an article and decides recommending it for publication (after revision of without it), additional reviewing or refusing of it. In case of noncompliance of an author with the comment of a reviewer, they can address a motivated statement to Editorial Board.

The editorial policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. The editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with Articles 1273 and 1274, Chapter 70, Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

The journal is distributed by subscription, requests of universities, educational institutions and individuals.

Nikolay P. Makarkin – Editor-in-Chief.

Natalya M. Mosina – Deputy Editor-in-Chief, Scientific Editor.

Yuliya N. Nikonova – Executive Editor. Tel.: +7 8342 481424.

Главный редактор Н. П. Макаркин

Редактор Е. Н. Ширшикова

Верстка и дизайн А. А. Куркина

Перевод О. С. Сафонкина

Информационная поддержка сайта журнала А. А. Парамонова

Дизайн обложки Е. А. Климкина

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Тел./факс: (8342) 48-14-24.

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Электронная редакция:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24
(Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»)

Editor-in-Chief N. P. Makarkin

Editor E. N. Shirshikova

Layout design A. A. Kurkina

Translation by O. S. Safonkina

Informational support of the Journal's website by A. A. Paramonov

Cover design E. A. Klimkina

Editorial office: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Electronic edition:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation
(Publishing House of National Research Mordovia State University)

Уважаемые ученые!

Редакция предлагает возможность приобретения
журнала «Финно-угорский мир».
Для оформления покупки необходимо произвести оплату
по прилагаемому платежному документу через любое отделение банка.

Извещение	Форма № ПД-4	
	УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001	
	(наименование получателя платежа)	
	1326043499	03214643000000010900
	(ИНН получателя платежа)	(номер счета получателя платежа)
	40102810345370000076	
	корреспондентский счет	
	Отделение-НБ РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ БАНКА РОССИИ/УФК по Республике Мордовия г. Саранск	
	БИК 018952501	
	(наименование банка получателя платежа)	
Кассир	КБК 00000000000000000440 ОКТМО 89701000	
	за реализацию журнала «Финно-угорский мир»	
	(наименование платежа)	
	(номер лицевого счета (код) плательщика)	
	Ф.И.О. плательщика:	
	Адрес плательщика:	
	Сумма платежа: 500 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: руб. коп	
	Итого руб. коп. “ ” 20 г.	
	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка ознакомлен и согласен.	
	Подпись плательщика	
Квитанция	УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001	
	(наименование получателя платежа)	
	1326043499	03214643000000010900
	(ИНН получателя платежа)	(номер счета получателя платежа)
	40102810345370000076	
	корреспондентский счет	
	Отделение-НБ РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ БАНКА РОССИИ/УФК по Республике Мордовия г. Саранск	
	БИК 018952501	
	(наименование банка получателя платежа)	
	КБК 00000000000000000440 ОКТМО 89701000	
Кассир	за реализацию журнала «Финно-угорский мир»	
	(наименование платежа)	
	(номер лицевого счета (код) плательщика)	
	Ф.И.О. плательщика:	
	Адрес плательщика:	
	Сумма платежа: 500 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: руб. коп.	
	Итого руб. коп. “ ” 20 г.	
	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка ознакомлен и согласен.	
	Подпись плательщика	

✂ - линия отреза

Уважаемые коллеги!

Рады сообщить важную и приятную новость. Утверждена российская часть
Единого государственного перечня научных изданий – «Белый список».

Научный журнал «Финно-угорский мир» успешно прошел экспертизу и включен
в перечень, получив 2-й уровень.

Этот результат является закономерным признанием высокого научного уровня,
качества и востребованности издания в академическом сообществе. Включение
в перечень открывает новые возможности для дальнейшего развития журнала
и повышения его видимости.

Благодарим всех, кто вносит свой вклад в работу над журналом, – членов
редколлегии, рецензентов, авторов и редакторов. Ваш профессионализм – залог
нашего общего успеха.

Российский
центр научной
информации

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

2541-982X, 2076-2577

Перечень ВАК

Scopus

EBIS PLUS

2

УРОВЕНЬ

Основная информация

Уровни

Показатели

Категории

Квартили

Рейтинги

Ссылки

Анализ

ОСНОВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

Название на англ.

Название на рус.

2541-982X, 2076-2577

ISSN

Русский

Россия

Язык

Страна

Crossref

Агентство регистрации DOI

ПРОФИЛИ ЖУРНАЛА

DOAJ

Scilit

OpenAlex

OpenAlex API

Wikidata

Scholia

Fatcat

Journal Observatory

DNB¹ / DNB²